НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

В. И. Кривуть

Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси

(1926 – 1939 гг.)

Минск
«Беларуская навука»
2009

УДК 94(476 – 15) «1926/1939»
ББК 66.3 (4 Беи) 61
К 82

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. В. Тугай,
кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович,
кандидат исторических наук А. В. Литвинский

Монография подготовлена в рамках выполнения Государственной комплексной программы научных исследований на 2006 – 2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (научный руководитель программы – доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя).

Книга посвящена проблемам становления и развития правительственной молодежной политики польских властей на территории Западной Беларуси. Раскрываются основные направления деятельности правящих кругов межвоенного польского государства в молодежной среде Западной Беларуси в 1926 – 1939 гг.

Предназначено для учёных, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей Беларуси.

ISBN 978-985-08-1104-2

ВВЕДЕНИЕ

Изучение участия молодёжи в общественно-исторической практике всегда будет сохранять научную и практическую актуальность. Молодёжь как социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, является важной составляющей частью любого общества. Именно поэтому общество и государство, так или иначе, всегда стремились проводить определённую молодёжную политику, направленную на подготовку молодого поколения к вступлению во «взрослую» жизнь, формирование у него качеств, необходимых для того, чтобы стать субъектом активной политической, экономической и культурной деятельности на благо данного общества. Специфика этой политики всегда была тесно связана с особенностями общественного строя, развития политической обстановки, ситуации в культурной и национальной сферах жизни. Важное влияние имела и позиция правящих элит, во многом определяющих формы, задачи и содержание деятельности государства, в том числе и в молодёжной сфере. Всё это в полной мере можно отнести к молодёжной политике польских властей и развитию молодёжного движения на территории Западной Беларуси в период 1926 – 1939 гг.

Межвоенный период был сложным и неоднозначным временем для западно-белорусского региона. В результате польско-советской войны и по условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. Западная Беларусь была включена в состав возродившегося польского государства, так называемой 2 Речи Посполитой (2-й РП). Более восемнадцати лет, вплоть до сентября 1939 г., эти земли принадлежали Польше в качестве окраинных территорий («кресов») в составе Виленского, Новогрудского, Полесского и частично Белостокского воеводств общей площадью более 100 тыс. км^2 и населением более 4 млн чел. (25% территории и 13% населения всей 2 РП). Значительную часть этого населения составляла молодёжь: если оперировать общепольскими данными переписи 1931 г., то можно согласиться, что в Западной Беларуси на начало 1930-х годов проживало около 1 млн чел. в возрасте 15-24 лет.

Западнобелорусский регион превратился в отсталый аграрно-сырьевой придаток польского государства. Так, до 1935 г. в сравнении с 1913 г. количество промышленных рабочих сократилась на 40%. Остро стояла проблема безработицы, особенно после начала

мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. В среднем на одного работающего приходилось два безработных [61, с. 197]. Разумеется, что в условиях «великой депрессии» первыми кандидатами на увольнение становились молодые неквалифицированные рабочие. Многие представители городской молодёжи вообще не имели возможности даже начать свою трудовую карьеру.

Не менее тяжёлым было положение западнобелорусской деревни, где проживало свыше 80% всего населения региона. Более половины земельного фонда принадлежало помещикам или крупным собственникам. В результате крестьяне, и в первую очередь молодёжь, страдала от безземелья и перенаселения деревни. В начале 1930-х годов перенаселённость деревни составила 700 тыс. человек, или 50% всех трудоспособных. Показательно, что уровень 1913 г. в сельском хозяйстве Западной Беларуси был достигнут только в 1929 г. накануне экономического кризиса, который вновь отбросил аграрный сектор назад [62, с. 235]. Ситуацию на деревне обостряла и правительственная политика по насаждению осадничества. Около 10 тыс. осадников, бывших военнослужащих польской армии, получили на территории Западной Беларуси на льготных условиях участки площадью от 15 до 45 га. Для сравнения: на крестьянский двор приходилось в среднем 7 га земли, 55 тыс. хозяйств имели надел меньше 1 га, а около 90 тыс. батраков вообще не имели земли [61, с. 197].

Попытки решить аграрный вопрос путём проведения реформ (камасации, парцелляции, ликвидации сервитутов, хуторизации) лишь усилили дифференциацию сельского населения. Так, например, почти в два раза сократилась прослойка среднего крестьянства.

Положение западнобелорусского крестьянства осложнялось и жёсткой налоговой политикой польской властей. К высоким налогам и сборам добавлялось и выполнение шарварков – повинностей по строительству и ремонту дорог и мостов. Невыплата налогов и неисполнение повинностей наказывались конфискацией имущества.

Тем не менее, вряд ли можно считать положение в сельском хозяйстве Западной Беларуси катастрофическим. Известно, что в предвоенные годы экономического подъёма (1937 – 1938) Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства достигли по урожайности зерновых культур и картофеля показателей Франции [94, с. 277].

Достаточно сложной на территории Западной Беларуси была ситуация в национально-культурной сфере. Известно, что белорусская молодёжь была лишена образования на родном языке – к 1939 г. были ликвидированы все белорусские школы и гимназии. Действовавшие же государственные школы являлись очагами полонизации, но и их не

хватало. Высшее образование было почти недоступно белорусской молодёжи. В единственном вузе региона, Виленском университете им. Стефана Батория (УСБ), студентов-белорусов было (в середине 1930-х гг.) лишь 1,55% [61, с. 198]. Культурно-просветительские организации – Товарищество Белорусской Школы (ТБШ) и Белорусский Институт Белорусского Хозяйства и Культуры (БИХиК) – подвергались постоянному давлению со стороны польских властей и, в конце концов, были ликвидированы во второй половине 1930-х годов. Фактически, польское руководство, нарушая гарантии соблюдения прав национальных меньшинств, закреплённые Конституцией 2 РП 1921 г. и Рижским мирным договором, взяли курс на проведение целенаправленной полонизации белорусского населения.

Нарушение конституционных норм было тесно связано с изменениями, происходившей в политической жизни 2-й РП. Как известно, в мае 1926 г. в Польше был осуществлён государственный переворот. Формально после переворота 2 РП осталась республикой, но на деле был установлен диктаторский режим Ю.Пилсудского [137, с. 116]. Новое руководство взяло курс на оздоровление («санацию») Польши. «Санационый режим» носил авторитарный характер, как и многие режимы, установившиеся в межвоенный период в большинстве стран Восточной Европы. Окончательно авторитарный режим «санации» был закреплен принятием в 1935 г. новой Конституции РП. Кстати, новая конституция непосредственно затрагивала и интересы молодого поколения. Согласно новому Основному закону возрастной избирательный ценз повышался до 25 лет – избирательного права лишались около 10% имевших его до этого. Это были молодые совершеннолетние граждане 2-й РП, закончившие школу и, мужчины, отслужившие в польской армии [98, с. 226].

Правящие круги подавляли любую оппозицию, как правую, так и левую. Одновременно они стремились отвлечь от политической борьбы и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои общества. В Западной Беларуси это проявилось, с одной стороны, в усилении политических репрессий, свёртывании демократических свобод, с другой – в активизации деятельности разнообразных проправительственных союзов и объединений, действовавших при непосредственной поддержке государственного аппарата.

Помимо этого «санационный режим» был вынужден решать ряд сложных задач, стоявших перед польским государством в 1920 – 1930-е годы прошлого века. Прежде всего это были борьба с последствиями экономического кризиса и усиление обороноспособности 2-й РП.

Именно в таких непростых условиях осуществлялась правительственная молодёжная политика и развивалось молодёжное движение на территории Западной Беларуси в межвоенный период. На рубеже 1920 – 1930-х годов оформились и начали реализовываться основные направления правительственной молодёжной политики. Одновременно кристаллизировались и ведущие течения в молодёжном движении, в том числе и проправительственные союзы, которые стали опорой «санации» в её борьбе за молодое поколение региона. Молодёжная политика и деятельность молодёжных организаций и объединений стали неотъемлемой частью социально-политической жизни Западной Беларуси.

Освещение названных процессов и является темой данного исследования. Выбор темы обусловлен тем, что должного изучения эта проблема в отечественной историографии не получила. Научный анализ опубликованной литературы, многочисленных архивных материалов и документов позволил выявить основные вопросы, которые требуют всестороннего изучения, а также определить задачи, которые необходимо решить в рамках данного исследования.

Проведение молодёжной политики было тесно связано с общественно-политической жизнью всего межвоенного польского государства в целом. Изучение деятельности государственных структур и проправительственных союзов позволяет определить основные направления и подходы правительственной молодёжной политики в регионе. Анализ многочисленных источников даёт возможность показать пути решения экономических, социальных и национальных проблем молодёжи западнобелорусского региона польскими властями.

Большой интерес представляют вопросы взаимоотношений правящего режима и проправительственных союзов с другими молодёжными объединениями. Известно, что на протяжении всего межвоенного периода «санация» вынуждена была бороться за влияние на молодое поколение с многочисленными молодёжными структурами, которые были созданы действовавшими на территории Западной Беларуси легальными и нелегальными политическими партиями и группировками. Серьёзными противниками для «санационного режима» в молодёжной среде стали Коммунистический Союз Молодежи Западной Беларуси (КСМЗБ), Товарищество Университета Рабочих (ТУР), «Цукунфт». Привлечь на свою сторону молодёжь стремились также и национально-демократические силы. Одновременно «свою» молодёжную политику активно проводила римско-

католическая церковь. Данная проблематика рассматривается в заключительной части монографии.

Изучение реализации молодёжной политики и развития в связи с ней молодёжного движения на территории Западной Беларуси в нынешних условиях несомненно является актуальным. Освещение этой проблемы не только позволяет дать более объективную картину общественной жизни западнобелорусского региона, но также представляет интерес в качестве примера практического осуществления идейно-воспитательной работы среди молодёжи, подготовки к включению молодого поколения в активную социально-политическую жизнь.

Глава 1.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Проблема молодёжной политики польских властей и ее влияния на развитие молодёжного движения на территории Западной Беларуси не нашла должного освещения в отечественной историографии, хотя некоторые её аспекты всё же были раскрыты в работах отечественных историков.

Первые публикации, в которых затрагивались вопросы развития молодёжного движения и деятельности «санационного режима» в молодёжной среде, появились ещё в межвоенный период. Среди наиболее значительных следует выделить вышедший в 1935 г. в Минске сборник «Политические партии Польши, Западной Беларуси и Западной Украины» [87]. Один из его разделов был специально посвящён Беспартийному Блоку, т.е. правившей в то время во 2-й РП «санационной группировке». Определенное внимание уделялось и санационным молодёжным объединениям, которые принимали активное участие в реализации правительственной молодёжной политики – Стрелецкому Союзу, Легиону Молодых (ЛМ) и Союзу Сельской Молодёжи (ССМ) «Сев». Помимо проправительственных объединений, в сборнике упоминалось и о деятельности других молодёжных союзов, тесно связанных с политическими партиями 2-й РП. Были кратко охарактеризованы основные направления деятельности этих союзов, проанализированы идейные установки, социальный состав, а также степень распространения их влияния на молодёжь. Особо отмечалось, что в ряде организаций в первой половине 1930-х годов шёл процесс радикализации, наблюдался рост симпатий к революционному движению. Однако нужно принимать во внимание, что сборник написан с позиций воинствующей коммунистической идеологии и тенденций того времени, когда все не коммунистические организации трактовались как вражеские, а их деятельность считалась противоречащей интересам трудящейся молодёжи. Это значительно снижает научную ценность помещённых в сборнике статей.

Серьёзное влияние на изучение не только молодёжной политики и молодёжного движения, но и всей общественно-политической жизни Западной Беларуси в этот период оказали политические реалии второй половины 1930-х годов. После того как были распущены Коммунистическая Партия Польши (КПП) и Коммунистическая

Партия Западной Беларуси (КПЗБ) научные исследования прекратились.

Определённые наработки по проблеме имелись и у польских ученых довоенного периода. Молодёжное движение рассматривалось ими как часть общественно-политической жизни 2-й РП. Изучая деятельность современных им политических партий, они достаточно подробно рассматривали их работу в молодёжной среде. Прежде всего, это касалось деятельности различного рода молодёжных организаций. Анализ работы этих организаций позволяет определить основные направления молодёжной политики всех политических группировок межвоенного польского государства. В данном контексте можно отметить ряд справочников, изданных в межвоенный период польскими исследователями. Это работы А. Белциковской «Политические партии и союзы в Польше» [103], А. Селимовского «Польские легальные политические партии. Популярный очерк» [176] и А. Прушковского «Общественный проводник» [164]. Так, в книге А. Селимовского при характеристике генезиса и программных установок «санационного» Беспартийного Блока подчёркивается, что он стремился распространить своё влияние на молодое поколение. Подробно идеология проправительственных организаций рассматривается в книге А. Прушковского. Отдельные главы его труда специально посвящены студенческим «идейно-воспитательным» организациям, а также объединениям школьной, деревенской и рабочей молодёжи.

В послевоенный период начался новый этап в изучении истории Западной Беларуси. Основное внимание уделялось прежде всего анализу деятельности КПЗБ и КСМЗБ. Вопросы молодёжной политики польских властей если и затрагивалась, то только в контексте борьбы с коммунистическим движением. Так, например, в научно-популярной публикации бывшего комсомольского лидера С.Анисова «Крутымі шляхамі. Запіскі камсамольскага работніка-падпольшчыка» [54] освещалось не только развитие коммунистического молодёжного движения в регионе, но и борьба КСМЗБ за молодое поколение с другими молодёжными союзами. При этом С.Анисов оценивал противников КСМЗБ как вражеские организации, которые ничего позитивного не дали западнобелорусской молодёжи.

Для изучения проблемы представляют интерес сборники документов и воспоминаний участников революционного и национально-освободительного движения. Их публикация началась еще в 1950-х годах. Так, в 1958 г. вышел сборник «У суровыя гады

падполля» [92], в 1966 г. в Вильнюсе был издан сборник «Вильнюсское подполье» [59]. Богатый материал содержится в сборнике документов и материалов «Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1921 – 1939)» [90]. В нём собраны интересные документы и материалы из архива Института истории партии при ЦК КПБ, госархивов Брестской и Гродненской областей. Опубликованные материалы позволяют иметь общее представление о развитии молодёжного коммунистического движения, одним из аспектов которого было противостояние властям и проправительственных молодёжным союзам.

В отечественной историографии большое внимание уделялось изучению истории КСМЗБ. Деятельность других молодёжных организаций замалчивалась или же оценивалась крайне отрицательно. Проблема правительственной молодёжной политики фактически осталась без внимания.

Польские исследователи послевоенного периода достаточно подробно изучали вопросы, связанные с деятельностью «санационного» лагеря в молодёжной среде. Так, например, воспитательная концепция правящего лагеря – «государственное воспитание» – анализируется в работе В. Кулеши «Идейно-политические концепции правящего лагеря в Польше в 1926–1935 гг.» [136]. Этой же проблематике посвящена публикация К. Бартницкой в издании «Труды по истории просвещения» [102]. Вопросы «государственного воспитания» также затрагиваются в работах польских историков, посвящённых истории образования в Польше. Особый интерес в этом отношении представляет публикация С. Мауэрсберга, посвящённая развитию школ для национальных меньшинств в Польше в 1918 – 1939 гг. [143]. Необходимо также отметить и работу Ф. Арашкевича «Средняя общеобразовательная школа в Польше в 1918 – 1939 гг.» [100]. Все вышеперечисленные авторы подробно характеризуют основные этапы формирования и развития этой концепции, её основные идеи, положительные и отрицательные моменты.

В работах польских историков изучались и конкретные направления молодёжной политики «санационных» властей. Так, военное обучение молодого поколения, а именно организацию формирований так называемых кракусов рассматривал С. Трушковский [197]. Следует отметить статьи П. Ставецкого и П. Лоссовского о развитии взаимоотношений общества и армии в межвоенном польском государстве [138; 187]. Проблеме участия армии в реализации молодёжной политики, а также деятельности

военизированных «санационных» союзов в среде крестьянской молодёжи посвящено несколько разделов книги Я.Одземковского «Деревня и армия во 2 Речи Посполитой» [153]. Во всех названных работах очень подробно освещаются задачи и пути реализации военной подготовки молодёжи в межвоенном польском государстве, роль в этом армейских структур, отношение молодого поколения к армии. Следует отметить, что в данных работах, особенно в книге Я. Одземковского, нашли отражение особенности молодёжной политики на территории Западной Беларуси. Автор отмечает, что на «крессах» армейские структуры и «санационные» военизированные объединения занимались не только повышением обороноспособности государства, но и вели активную полонизаторскую деятельность, что вызывало активное сопротивление местного населения.

Также в польской историографии нашло отражение другое важное направление молодёжной политики правящих кругов 2-й РП – Сельскохозяйственная Подготовка (СП). Наиболее интересной представляется работа Т. Вечорека, посвящённая истории системы сельскохозяйственного образования в Польше [203]. Автор подробно останавливается на причинах возникновения и развитии системы сельскохозяйственных конкурсов, которые стали основой земледельческого образования сельской молодёжи в межвоенный период. По мнению Т. Вечорека, система СП принесла значительные результаты, эффективно дополнив существовавшую государственную систему сельскохозяйственного образования.

При анализе польской историографии послевоенного периода представляется необходимым указать ряд работ, в которых затрагиваются вопросы деятельности молодёжных организаций. Ведь именно на них опирался «санационный режим» при проведении своей работы в молодежной среде.

В 1971 г. под редакцией Ч. Козловского вышел «Словарь молодёжных организаций Польши 1918-1970 гг.» [178]. В данной работе представлены фактически все общепольские и региональные организации, в том числе и КСМЗБ. Среди общепольских организаций, действовавших и на территории Западной Беларуси, большое внимание уделено наиболее крупным «санационным» организациям – Стрелецкому Союзу, Союзу Сельской Молодёжи «Сев» – Союзу Молодой Деревни, Союзу Польской Демократической Молодёжи, Легиону Молодых. В издании в энциклопедическом ключе показана краткая история молодёжных союзов, проанализированы их программные документы и идеологические установки. Данная

работа представляет интерес, прежде всего как справочное издание. Хотя, на наш взгляд, в ней присутствуют переоценка влияния левых организаций и групп на молодёжь и резко отрицательное отношение к их политическим противникам. Тем не менее, издание помогает проследить общие тенденции развития молодёжного движения Польши в межвоенный период.

Более подробно освещается молодёжное движение в работе Б. Хиллебрандта «Польские молодёжные организации в XIX и XX веках: очерк истории» [120]. Автор сумел выделить основные идейные течения, которые оказывали наибольшее влияние на молодёжь. Наряду с клерикальным, праворадикальным, социалистическим и коммунистическим направлениями, он подробно анализирует идеологию и деятельность проправительственного сектора молодёжного движения.

Интерес представляют работы польских авторов, посвящённые студенчеству польских вузов и их участию в общественно-политической жизни. Основные течения в студенческой среде, их генезис и эволюцию в 1930-х годах проследил в своей монографии «Студенческое политическое движение в Польше 1932 – 1939 гг.» А. Пильх [161]. Достаточно подробно при этом анализируется деятельность таких проправительственных организаций как Легион Молодых, Союз Польской Демократической Молодёжи и Державная Мысль. Одновременно автор характеризует и политику властей в сфере высшей школы, борьбу против университетской автономии. Особая ценность работы А. Пильха в том, что он много внимания уделяет Виленскому университету, единственному вузу на территории Западной Беларуси в межвоенный период.

Таким образом, польская историография времён Польской Народной Республики (ПНР) накопила ценный опыт по изучению молодёжной политики «санационного режима» 2-й РП. Однако использование марксистской методологии не позволяло всесторонне и объективно рассмотреть проблему.

Анализ отечественной историографии конца XX – начала XXI в. показывает, что для этого периода характерно ослабление интереса к изучению истории западнобелорусского молодёжного движения. Прежде всего это касается КСМЗБ. Тем не менее необходимо отметить то, что положение молодёжи и её участие в общественно-политической жизни региона нашло освещение в ряде книг историко-документальной хроники «Памяць», посвящённых западным районам Беларуси. Также в 1990-е годы были изданы

воспоминания И. Багдановича и М. Петюкевича – членов редакции выходившего в 1930-е годы в Вильно журнала «Шлях моладзі» [55; 86]. Они позволяют составить представление об отношении польских властей к белорускому национально-демократическому молодёжному движению. Краткие статьи, посвящённые Стрелецкому Союзу и ССМ «Сев» содержатся в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [70; 91]. Также в 2008 г. вышла монография В. Кривутя, посвященная деятельности молодёжных организаций на территории Западной Беларуси в 1930-е годы, в которой затрагивается проблема молодежной политики польских властей [69].

В современной польской историографии интерес к данной проблематике продолжает сохраняться. Польские историки уделяют много внимания как молодёжной политике «санации» в целом, так и отдельным её аспектам. Правительственная концепция «государственного воспитания» освещается в работе А. Смолальского «Воспитательные идеалы в польской педагогической мысли с XVI века до конца 2 Речи Посполитой» [179]. Этой же теме посвящена и статья Я. Рецко «Воспитание детей и молодёжи в политике правительств лагеря Ю. Пилсудского» [165]. Оба автора прослеживают генезис воспитательных взглядов «санационных» кругов. Особое место занимает сопоставление их с идеями «национального воспитания», которые господствовали в молодёжной политике 2-й РП до майского переворота 1926 г.

Становление и реализацию концепции подготовки населения к войне в условиях межвоенного польского государства в своей монографии «Нация под ружьём. Общество в программе польской военной политики» [127] исследует Я. Кенсик. Автор подробно характеризует деятельность государственных структур (прежде всего армии) и общественных организаций. Особенно много внимания в исследовании уделено военной подготовке молодого поколения. Я. Кенсик анализирует и ту работу, которая велась армией и молодёжными союзами в сфере «гражданского воспитания» молодого поколения. Монография посвящена в основном непосредственно польским территориям, но всё же содержит интересную информацию, касающуюся Западной Беларуси. Работу Я. Кенсика можно считать наиболее полным и качественным исследованием данного аспекта молодёжной политики польских властей. Проблема военной подготовки молодёжи, особенно взаимодействие в этой сфере армейских структур и системы образования, нашла отражение в монографии

М. Яблоновского «Перед угрозой войны. Армия и экономика Второй Речи Посполитой в 1935 – 1939 гг.» [122].

В исследовании А. Колодейчика «Крестьянское движение и римско-католическая церковь в годы 2 Речи Посполитой» [132] отдельный раздел посвящён взаимоотношениям между церковной иерархией и крестьянскими молодёжными организациями, в том числе и ССМ «Сев». Автор достаточно подробно рассматривает борьбу, которая развернулась между клерикалами и «санацией» за влияние в среде сельской молодёжи. В книге Я. Стобняк-Смокоржевской «Кресовое военное осадничество 1920 – 1945» [188] освещается участие осадников и их общественных организации в осуществлении воспитательной политики «санационного» правительства. Следует сказать, что эта деятельность оценивается достаточно некритически. Тем не менее, книга содержит большой фактический материал, позволяющий отследить роль и место осадников в реализации правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси.

Таким образом, в отличие от отечественных ученых, у польских историков имеется ряд серьёзных наработок в сфере изучения молодёжной политики «санационного» лагеря. Все они были учтены в данном исследовании. Кроме того, автор стремился использовать и ряд документальных материалов и источников.

Большое количество документальных материалов содержится в архивах Республики Беларусь. Прежде всего, это касается фонда 242 п. Национального архива Республики Беларусь, в котором хранятся документы представительства КПЗБ при ЦК КП(б)Б. В первую очередь это материалы центральных органов КПЗБ, КСМЗБ, Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ) и Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ), отчёты окружных и районных комитетов КСМЗБ. Основная масса архивных документов посвящена деятельности комсомола, его участию в политической и социально-экономической борьбе. Тем не менее, комсомольские и партийные документы позволяют получить представление и о роли проправительственных молодёжных союзов в сфере реализации правительственной молодёжной политики.

Также были использованы документы Государственного архива Брестской области. Материалы, посвящённые деятельности государственных структур в молодёжной сфере, содержаться в фондах Полесского воеводского управления, Попечительства Брестского школьного округа, Командования округа корпуса № 9.

Важным источником сведений о молодёжной политике польских правящих кругов являются официальные сборники законов и постановлений центральных и местных органов власти. Большой интерес представляет документация и публикации ряда воеводских отделений общепольских организаций. К ним можно отнести ежегодные отчёты Полесского воеводского ССМ, выходившие в 1930-е годы в Бресте и позволяющие проследить численный рост организации на протяжении ряда лет, источники финансирования и направления конкретной деятельности ССМ «Сев» в Полесском воеводстве. Особенности идейно-воспитательной работы проправительственных союзов позволяет представить вышедшая в 1937 г. в Бресте «Программа для возрастных воспитательных групп в отделах Стрелецкого Союза в области гражданского воспитания». В ней подробно раскрываются цели и задачи проводившегося «Стрельцом» государственного, профессионального и культурного воспитания своих рядовых членов. При изучении студенческого движения в Виленском университете им. С. Батория большое значение имеет «Ежегодник университета», в котором постоянно публиковались данные о действовавших на территории вуза студенческих союзах и объединениях.

Значительную ценность для изучения правительственной молодёжной политики имеют материалы западнобелорусской и центральной прессы 2-й РП. Вопросы, связанные с проблемами «государственного воспитания», военной и сельскохозяйственной подготовкой неоднократно рассматривались на страницах официальной польской прессы, что позволяет получить представление о молодежной политике польских властей.

Глава 2.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ 2-й РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1926–1939 гг.).

2. 1. Концепция «государственного воспитания« подрастающего поколения

Молодёжь в возрасте с 15 до 24 лет составляла значительную часть населения 2 Речи Посполитой, в том числе и на территории западно-белорусских воеводств. Что касается конкретных цифр, то в 30-е годы XX в. польские демографы приводили следующие данные:

Таблица 1. **Молодежь в структуре населения 2-й Речи Посполитой млн чел. [148, с. 11].**

Показатель	1921 г.	1931 г.	1936 г.
Всё население	27, 22	32, 11	34, 30
15 – 19-летние	3, 32	3, 05	2, 75
20 – 24-летние	2, 59	3, 40	2, 99
Вся молодёжь	5, 91	6, 45	5, 74

Можно сказать, что процент молодёжи на протяжении межвоенного периода по отношению ко всему населению колебался от 21,7% до 16,7% .

Если говорить непосредственно о Западной Беларуси, то согласно тем же данным довоенных польских исследователей, на территории восточных воеводств в 1931 г. проживало 1120,1 тыс. чел. в возрасте от 15 до 24 лет [148, с. 16–17]. Это составляло пятую часть всего населения региона. При этом процент молодёжи в структуре населения имел тенденцию к росту. Дело в том, что, начиная с 1919 г. по 1925 г. количество родившихся на 1000 жителей выросло с 27,7 до 38,7. С 1921 г. этот показатель был больше, чем в среднем по всей 2 РП [148, с. 15], т. е. к 1940 г. восточные воеводства могли стать самым «молодым» регионом 2-й РП. Правда, этот процесс «уравновешивался» высокой детской смертностью, которая также была самой большой в межвоенном польской государстве.

Большая часть западнобелорусской молодёжи проживала в сельской местности. Процент сельской молодёжи в регионе был самым высоким по сравнению с данным показателем в остальной 2-й РП, что в целом соответствовало общей структуре населения Западной Беларуси, которая являлась аграрной окраиной польского

государства. В западнобелорусских городах жило лишь 160 тыс. чел. в возрасте 14 – 24 лет (14, 34% от всей молодёжи региона). Для сравнения: в центральных воеводствах в городах жило 34,4% местной молодёжи, на западе 2-й РП – 35,5% , в среднем по всему государству – 28,4% [148, с. 18].

Половая структура молодого поколения региона в 1931 г. выглядела следующим образом: из общего числа молодежи – 1120,1 тыс. чел. юношей было 541,3 тыс. чел., а девушек – 578,8 тыс. [148, с. 16–17]. Таким образом, более половины западнобелорусской молодёжи составляли девушки (51,76%). Данный показатель в целом соответствовал половой структуре всего молодого поколения 2-й РП.

Таким образом, молодёжь, составлявшая такую значительную часть населения 2-й РП, не могла остаться без внимания со стороны правящих кругов государства. Ставя перед собой целью «оздоровление» всех сфер жизни общества, идеологи «санации» имели в виду и сферу воспитания молодого поколения.

Уже в 1926 г. один из «санационных» публицистов Г. Линц, заявил, что «вслед за военной революцией (т.е. майским переворотом 1926 г. – *В.К.*) должна последовать революция воспитания. Без этой второй первая в своих последствиях была бы очень поверхностной» [102, с. 75]. Суть такой революции конкретизировал в одной из своих речей полковник В.Славек, руководитель созданного перед парламентскими выборами 1928 г. «санационного» Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством (ББСП) и лидер так называемой группы полковников. Среди задач своего Блока он называл выработку жертвенности во имя государства как всеобщего блага, воспитание общества в сознании и убеждении, что государство является наивысшим всеобщим благом, которое преодолевает всяческие партикулярные различия и определяет принципы коллективной моральности и государственнические побуждения к действию [165, с. 86]. На всем протяжении существования «санационного режима» работе с молодёжью и её воспитанию уделялось достаточно серьезное внимание. Об этом свидетельствует и заявление вице-маршалка Сейма В.Маковского в феврале 1934 г. В одном из своих выступлений он особо подчёркивал, что воспитание гражданина является целью государства и его обязанностью [136, с. 210].

Осуществлению этой задачи в молодёжной среде должна была служить концепция «государственного воспитания». Следует отметить, что перед 1926 г. в молодёжной политике доминировала модель «национального воспитания», отражённая в программах партий, находившихся у власти в начале 1920-х годов, прежде всего, крайне

правой партии польских национал-демократов (эндеков). Эндеки считали, что целью воспитательной деятельности школы должно быть формирование у молодёжи черт, которые необходимы нации. В данном случае имелась в виду польская нация [179, с. 55]. Разумеется, что такая точка зрения вызывала сопротивление в многонациональном государстве, каким являлась 2-я РП.

Идеологи «санации» обвиняли сторонников «национального воспитания» в том, что они, оперируя категориями времён неволи, не смогли определить и гармонизировать усилий воспитания с целями и потребностями собственного независимого государства [100, с. 184]. «Санационные» идеологи заявляли, что отождествление воспитания только с «национальным воспитанием» должно быть «раз и навсегда удалено из воспитательной сферы, как направление вредное, подрывающее здание польской государственности» [114, с. 616].

Деятели просвещения из «санационного» лагеря неоднократно отмечали, что для первых лет существования возрождённого польского государства характерна дезорганизация в области воспитательных идей и программ. В результате воспитатель был дезориентирован, «шёл наощупь, использовал старые методы в новых условиях, и видя, что ничего толкового из этого не выходит, замыкался в себе, начинал жаловаться на отсутствие идейности у молодёжи». Вся воспитательная работа сводилась к использованию определённых форм без содержания, что привело к воспитательному кризису. Это, естественно, вызывало нарекания общества, тревогу, а в дальнейшем – значительные усилия властей. Результатом этих усилий было создание общей воспитательной программы, без которой было бы немыслимо возрождение и упорядочение воспитательной работы. Так был выдвинут лозунг «государственного воспитания» [114, с. 613].

При этом отмечалось, что реализация идеи «государственного воспитания» стало возможным только тогда, когда к власти в независимом польском государстве пришел лагерь, который ещё задолго до войны готовился к борьбе за независимость и который «ещё в неволе думал и действовал в духе государственной идеологии... Только после мая 1926 года проблема государственного воспитания встала на путь реализации этих важных постулатов» [151, с. 346] (т. е. молодёжная политика, отвечающая интересам государства, начала проводиться только после «санационного» переворота).

Сам термин «государственное воспитание» появился в «санационной» среде в 1927 г. Окончательное оформление концепции происходило позднее, к 1929 г. Были проведены дискуссии по школьной

реформе, консультации с учителями. К воспитательным реалиям приспосабливались определённые идейные наработки «санационного» лагеря. Большую теоретическую работу провела группа «Зромп» (от названия выходившего в 1930 – 1936 гг. журнала «Zrąb» – пол. сруб, фундамент). В неё входили деятели просвещения, которые в дальнейшем оказали большое влияние на формирование идеологии правящего лагеря и реформу образования. Два из девяти окружных отделений этого объединения существовали в Бресте и Вильно [206, с. 109]. Помимо них на территории Западной Беларуси были созданы местные организации в Пинске, Свентянах, Лунинце, Сувалках [216, с. 109], Бяло Подляске, Белостоке, Глубоком, Ломже, Несвиже [135, с. 168].

Создателем и главой «Зромпа» был Януш Енджеевич (1885 – 1951), видный польский политик «санационного» лагеря. Он воевал в Польских Легионах на восточном фронте в годы Первой мировой войны, являлся членом Польской Организации Войсковой. Енджеевич – один из ближайших соратников Юзефа Пилсудского, в конце 1918 г. был его адъютантом. Вышел в отставку в 1923 г., работал в сфере просвещения, продолжал заниматься политической деятельностью. После майского переворота Енджеевич был назначен в центральный аппарат государственной администрации. С марта 1928 г. избран депутатом сейма от ББСП, являлся одним из влиятельных лидеров «санационной» группы полковников. В 1930 г. участвовал в организации в Вильно Научного Института по изучению Восточной Европы и Школы политических наук (год был её директором). С августа 1931 г. по февраль 1934 г. возглавлял Министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Именно по его инициативе были приняты законы о школьном устройстве и о вузах, которые вызвали неоднозначную реакцию. С мая 1932 г. по май 1934 гг. одновременно был премьер-министром. После смерти Ю.Пилсудского (май 1935 г.) Енджеевич перестал входить в круг руководителей государства. С сентября 1939 г. находился в эмиграции, умер в Лондоне. Таким образом, как видно из этой краткой биографии, Януша Енджеевича можно считать не только активным разработчиком концепции «государственного воспитания», но и одним из тех, кто руководил её осуществлением [157, с. 250-254].

Практическая реализация «государственного воспитания» началась на рубеже 20 – 30-х годов XX века. В июле 1929 г. министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения Славомир Червиньский выступил с программной речью «О воспитательном идеале польской школы», указав цели и задачи

«государственного воспитания». Он заявил: «Говоря о воспитательном идеале, мы говорим не о банальной моральности, ни о демократизме, ни о пацифизме, ни о других подобного рода прекрасных вещах, которыми обычно украшают дитя, называемое воспитательным идеалом. Мы не делаем этого, так как боимся, что дитя задохнётся в этих многочисленных одеждах» [107, с. 357]. Согласно Червиньскому, идеалом должен был стать тип бойца и работника в одном лице. Возрождённому польскому государству требовался тип гражданина, который бы «мужественным повседневным трудом, а при необходимости и священным пылом борьбы доказывал свой активный, искренний патриотизм» [136, с. 208]. Воспитание, как уточнял министр в одной из своих позднейших газетных статей, должно было сформировать у воспитанников позицию, настраивающую их «к службе государству, а не к жизни за счёт государства» [108, с. 67].

Преемник Червиньского, Енджеевич, был полностью с ним солидарен. Он считал, что «государственное воспитание» не является выражением какой-либо определённой общественной доктрины, религиозной веры или философского мировоззрения. Оно черпает своё содержание из жизни и опирается на фактическую систему отношений, сложившихся к данному моменту. В рамках существующих условий и должны воспитываться люди, понимающие свою роль в государственной структуре. По мнению Енджеевича, задачей воспитания является не осуществление идеальных программ общественной жизни, а подготовка молодёжи к той реальности, которая существует в данном месте и времени, существует на самом деле [124, с. 314]. Реализм и практическое применение были основой «государственного воспитания».

Енджеевич говорил, что «государственное воспитание» стремится формировать людей, способных и желающих принимать сознательное участие в работе организованного в государство общества. Воспитанный гражданин должен участвовать в повышении уровня материальной культуры, в усовершенствовании общественных отношений, в создании духовных ценностей в государстве, трактуемом как общее и наивысшее благо [124, с. 315-316]. Он также указывал на необходимость осознания того, что «государство это не только узаконенная власть, защитник и опекун, но также и коллективное усилие, коллективная работа, коллективная обязанность общества» [124, с. 317]. Выступая в феврале 1932 г. в сейме Енджеевич говорил, что «государственное воспитание» является гражданским воспитанием, поскольку ставит перед собой цель подготовить гражданина, глубоко понимающего свои обязанности, из которых вытекают его права. Оно

является гражданским и потому, что учит подчинять своё личное благо всеобщему благу, утверждает, что существуют высшие ценности, что интерес коллектива превыше индивидуального интереса [157, с. 266].

«Государственное воспитание» понималось достаточно широко и должно было охватывать как школу, так и внешкольную молодёжь. «Санационные» идеологи обычно называли и характеризовали три основные компонента своей концепции воспитания. Во-первых, это было национальное воспитание, целью которого было пробуждение любви к своей нации и как можно более глубокое знакомство с её историей и культурой. Поскольку польское государство было многонациональным, признавалось, что для каждого из народов национальное воспитание будет различным, но все не-поляки в польском государстве должны были воспитываться под влиянием польской культуры. Второй компонент – общественное воспитание, т.е. воспитание личности для жизни в обществе, формирование у личности черт «общественного работника». Общественное воспитание должно было стоять над интересами отдельных сословий, классов или партий. Третьим элементом было моральное воспитание личности. При этом утверждалось, что идеал хорошего гражданина является синонимом морального человека. Религиозное воспитание при этом считалось делом каждого в отдельности, но не противоречащим линии «государственного воспитания» [114, с. 615 – 618].

Ведущая роль в реализации «государственного воспитания» отводилась, конечно же, учителю. В связи с этим заявлялось, что будущая судьба польского государства находится в руках учителя. Учитель должен был отказаться от роли пассивного наблюдателя польской государственной жизни и польской государственной работы и стать их активным участником и сотрудником. При этом учитель не должен был быть проводником какой-либо политической доктрины в школе. Школа должна была оставаться вне политики. Но одновременно говорилось, что активность учителя должна проявляться в отказе от «всякого недоверия по отношению к начинаниям государства, от всякой неприязни к тем, кто управляет государством». Те, кто замалчивал «великую личность первого Маршала Польши», т.е. Ю. Пилсудского, назывались сеятелями политики, причём политики обмана, так как «сознательно закрывали себе и другим глаза на жизнь и реальность» [114, с. 619 – 622].

Культ личности Ю.Пилсудского вообще стал неотъемлемой частью «государственного воспитания». В одной из своих статей Енджеевич отмечал, что «сама личность Маршала, его методы работы, его

духовное обличие, мощь действия и сила мысли все более становятся фактором, который формирует людские души». Его дополнял С.Червинский, который считал, что личность и деятельность маршала Пилсудского несут воспитательное значение, так как «в личности Юзефа Пилсудского сошлось и персонифицировалось всё то, что раньше было стремлением к независимости, а сейчас является работой и борьбой за укрепление и умножение силы возрожденного Государства» [110, с. 12].

Оппоненты «санационного режима» не раз критиковали этот момент. Министр С.Червиньский в феврале 1931 г. в ответ заявил, что только ослеплённая политической ненавистью партийность может требовать вычеркнуть из программы гражданского воспитания личность, «которая благодаря своей жертвенной службе Государству стала лучшим символом и примером». Также он утверждал, что невозможно воспитывать молодёжь на примере чужих героев, замалчивая фигуру «самого великого героя нашей собственной освободительной войны» [109, с. 78]. Таким образом, поскольку Ю.Пилсудский возглавлял один из политических лагерей межвоенного польского государства, нельзя говорить о полной аполитичности концепции «государственного воспитания».

«Государственное воспитание» должно было в значительной мере опираться на обучении, проводимом определённым способом. Практически все школьные предметы должны были «взаимодействовать» с «государственным воспитанием». В ходе школьной реформы 1932 г. в школьных программах были произведены изменения, сущность которых состояла в том, что школа фактически превращалась из образовательного института в воспитательный. Общим принципом новых программ было воспитание творческого гражданина, приспособленного к общественной жизни. Ученик должен был получить широкий объём знаний о государстве и гражданине, об их взаимоотношениях. Это делалось через специально подобранный материал предметов обучения, прежде всего истории и польского языка и литературы. Насыщение экономической проблематикой должны были обеспечить такие предметы как география, математика и природоведение. Воспитательный характер придавался занятиям урокам физкультуры, которые должны были закалить физически и психически. Во всеобщей школе ударение делалось на воспитательную сторону обучения; в гимназии – на воспитание творческого гражданина, готового к практической деятельности; в лицее – подготовку к учёбе в вузе и формирование мировоззрения. Отдельный предмет гражданского обучения был введён в лицеях (вопросы

общественной жизни). Во всеобщей школе и гимназии его курс был разделён между другими школьными предметами [102, с. 106 – 107]. Следует отметить, что особая роль отводилась истории. Главное внимание уделялось истории польского государства, политические события ставились выше экономических и общественных процессов. При этом рекомендовалось обращать внимание не на времена упадка, а на «радостные моменты в нашей истории, свидетельствующие о державном развитии Польши в прошлом и о способности нации к государственной организации своей жизни» [114, с. 626].

Рекомендовалось не ограничиваться только воспитанием через обучение. Предлагалось использовать в «государственно-воспитательных» целях, например, занятия по военной подготовке. Считалось, что военная подготовка будет без сопротивления приниматься молодёжью. Она должна была воспитать у молодёжи волю и характер, приучить к дисциплине, укрепить товарищеские взаимоотношения. Особо указывалось на то, что военная подготовка должна рассматриваться не как средство получить определённые льготы и привилегии во время будущей военной службе, а как исполнение уже на школьной скамье принципиальной государственно-гражданской обязанности. Это объяснялось тем, что «нынешняя молодёжь слишком проникнута духом всяческого материализма и утилитаризма, и имеет мало идейных предпосылок в своих действиях». Способствовать гражданскому воспитанию, а именно выработке общественного и организационного опыта, должно было школьное самоуправление. Этой же цели должны были способствовать кружки различных общественных организаций. Ещё одним важным фактором «государственного воспитания» было организация и проведение государственных праздников. Таким образом, спектр средств был достаточно широк [114, с. 629 – 636].

Поскольку польское государство в межвоенный период было многонациональным, то идеологи «государственного воспитания» были вынуждены учитывать этот момент. Была провозглашена так называемая «государственная ассимиляция» в противовес «национальной ассимиляции», проводившейся до мая 1926 г. Двумя её основными декларируемыми принципами были следующие. Во-первых, Польша, развивая в полной ступени свою национальную польскую культуру, не желает лишать возможности развития родной культуры ни один из населяющих польское государство непольских народов. Во-вторых, Польша должна и стремится объединить все народы, населяющие государство для совместного решения тех задач, которые независимо от родного языка и культуры данного народа,

польского или непольского, создают общность не национально, но государственно-польскую [211, с. 43]. Министр С.Червиньский заявил, что общественное воспитание должно проводиться таким образом, чтобы «каждый родившийся и живущий в Польше украинец, еврей или немец, прежде чем стать сознательным работником на ниве культуры своего сообщества чувствовал и понимал, что должен быть, прежде всего, достойным гражданином Наияснейшей Речи Посполитой» [165, с. 87]. Примечательно, что про белорусов министр даже не упомянул.

В школьных программах учитывалась проблема национальных меньшинств. Указывалось, что культурные достижения отдельных регионов и меньшинств являются частью совместной культуры Польши. Непольская молодёжь через изучение истории Польши и связанной с нею истории собственного народа должна была сжиться с польской культурой и уважать её, укрепить чувство государственной принадлежности и гражданской ответственности по отношению к государству. При этом обращалось внимание на то, что возрождение польской государственности стало одновременно возрождением жизни национальных меньшинств. В программе говорилось: «Польское государство не только юридически, но и исторически является матерью для живущих в нём национальных меньшинств, и отсюда проистекают те сильные связи государственной принадлежности, которые соединяют всех граждан, и их ответственность перед государством, в котором они должны согласно, вне зависимости от национальности и веры, вместе жить и работать» [143, с. 208].

Однако действительность была далека от планов создателей концепции «государственного воспитания». Уже при обсуждении в сейме представители национальных меньшинств выступили против её реализации. Они говорили, что «государственное воспитание» фактически ведёт к запрещению национального воспитания непольской молодёжи и что оно служит польскому национализму. Министр С.Червиньский же в ответ заявил, что согласия можно достичь только на платформе воспитания молодёжи в активно лояльном отношении к государству: «Или – или... Или честно жаждете возможности спокойной культурной жизни в границах Польского Государства или желаете войны. Третьего не дано!» [109, с. 80 – 81].

На территории Западной Беларуси политика «государственного воспитания» стала фактически орудием полонизации молодого поколения. Не смотря на декларации создателей концепции о свободном развитии культуры всех народов, населяющих польской государство, положение с белорусскими школами, как уже указывалось выше, было

катастрофическим. Что касается ситуации в польской школе, то её хорошо характеризуют слова одного ученика-белоруса: «На протяжении всего обучения во всеобщей школе я вообще ничего не услышал о своей деревне, о культуре и творчестве народа, от крови и кости которого происходим. Никто ни слова не сообщил ни о истории белорусской нации, ни о её литературе» [143, с. 113].

Таким образом, до 1935 г. правящий лагерь выработал целостную концепцию воспитания молодёжи. Согласно польским исследователям, эта концепция базировалась на трёх принципах:

1) создание позитивного образца гражданина-государственника;

2) признание принципа, что государство имеет право навязывать гражданам при помощи своего аппарата свою воспитательную концепцию;

3) только государственная власть, провозглашая примат своих интересов, имеет право на воспитательную деятельность, и только государство является единственной силой, способной выразить и гарантировать верховенство всеобщих интересов над интересами партикулярными и индивидуальными, партии же не имеют никакого права влиять на воспитание и реализацию воспитательного идеала нового гражданина [136, с. 211 – 212].

После смерти Ю. Пилсудского в 1935 г., не смотря на то, что «санационный» лагерь оставался у власти, в области воспитания произошла определённая эволюция. Создатели прежней концепции были отодвинуты на второй план, например, тот же Януш Енджеевич. Также в 1936 г. было распущено объединение «Зромп», занимавшееся пропагандой «санационных» воспитательных идей. Это было связано с тем, что сам правящий лагерь эволюционировал в направлении националистической идеологии.

В. Свентославский, ставший новым министром просвещения с декабря 1936 г., заявил, что «нет государственного воспитания без учёта основ национального воспитания и религиозно-моральных ценностей». Таким образом, новый министр отказывался от некоторых идеологических принципов «санации» и пытался модифицировать воспитательную доктрину в направлении принятия националистических и католических идей. По мнению Свентославского, воспитание молодёжи не могло быть связано с актуальной политикой и её лозунгами, оно должно опираться на ценностях польской и общечеловеческой культуры [177, с. 36 – 37].

Для насаждения польских культурных ценностей школа шла на сотрудничество с армией. Так, в январе 1937 г. министр военных дел издал распоряжение о сотрудничестве командующих военных округов

с школьными кураторами, а министр В. Свентославский – указание для школьных кураторов о взаимодействии с военными властями. Оба министра подчёркивали, что в интересах усиления обороноспособности государства необходимо усиление польского фактора на «пограничных землях, территориях со смешанным населением и на угрожаемых участках» [122, с. 228]. В выполнении этой задачи польская школа тесно смыкалась с армией и костёлом. На одном из совещаний воевод и командующих военных округов в 1937 г. Новогрудский воевода Соколовский заявил: «В школе следует делать определённое давление в направлении обработки белорусов. Часто это будет насильственно, но цель является великой... Школа это то, что создаёт польскость» [145, с. 104].

Разумеется, что молодёжная политика не ограничивалась только школьной сферой. Основные постулаты политики «государственного воспитания» находили своё отражение и вне школы, например, в деятельности многочисленных молодёжных объединений. Можно сказать, что в рамках этой политики строил свою работу с молодым поколением весь государственный аппарат 2-й РП. Специфика этой работы на территории Западной Беларуси будет проанализирована в следующих разделах исследования.

Оценивая «государственное воспитание» в целом, надо сказать, что это была вызванная жизненной необходимостью, стройная и детально разработанная система. Её положительные чертами были актуализация и связь с жизнью, воспитательный характер обучения. Она ставила перед собой цель воспитать у молодёжи сильную волю, динамизм, дисциплинированность, лояльность, умение правильно оценивать реальность, способность к жертвенности и героизму. Но позитивные черты «государственного воспитания» были подчинены прагматическим задачам правящего лагеря. «Санация», которая отождествляла себя с государством, считала необходимым навязывать свои гражданские идеалы обществу. Это привело к излишней идеологизации обучения. Ещё одним отрицательным моментом было и то, что политика «государственного воспитания» стала орудием полонизации национальных меньшинств. Фактически ставилась цель воспитать не просто достойного гражданина, а гражданина-поляка. Это и вело, как будет показано ниже, к неудачам «государственного воспитания» на территории Западной Беларуси, в отличие от непосредственно польских земель, где оно достигло значительных позитивных результатов.

2. 2. Государственные мероприятия в области военной подготовки молодого поколения

Как уже отмечалось, концепция «государственного воспитания» была направлена на формирование гражданина-государственника, бойца и работника в одном лице. В связи с этим особое внимание уделялось такому направлению молодёжной политики, как военная подготовка молодого поколения.

Следует отметить, что данное направление заняло значительное, если не ведущее, место в молодёжной политике правящих кругов практически всех государств межвоенной Европы. Дело в том, что опыт Первой мировой войны привел к ревизии существовавшей до этого системы подготовки государства и общества к войне. Было признано, что война перестала быть делом только узкой военной элиты и армии. Так, Роман Старжиньский, майор польского Генерального Штаба, заявлял в 1927 г. на страницах журнала «Беллона», органа Военного научно-издательского института: «Только мировая война, которая призвала под ружьё несколько десятков миллионов человек, показала, что даже лучшая кадровая система, опирающаяся на всеобщую воинскую обязанность, и мощнейшая вооружённая сила не в состоянии выполнить все задачи, которые ставит на порядок дня современная война. Оказалось, что вести войну должны не только вооружённые силы отдельных государств, но и всё общество, вся нация» [184, с. 43]. Ещё один польский военный теоретик, А. Водзиньский, добавлял: «Победно из тотальной войны выйдет не та нация, которая имеет сильные армии на фронтах и только на них возлагает надежду, а нация, которая обладает внутренней зрелостью, духовной силой, и, что самое важное, каждый член которой обладает военной подготовкой» [127, с. 14]. Следовательно, к будущей войне должно быть готово всё общество, вся нация. Именно эта идея и стала основой так называемой концепции «нации под ружьём», которая широко осуществлялась в европейских странах в межвоенный период для военной подготовки населения.

Помимо опыта Первой мировой войны, военные круги 2 РП при подготовке к возможному вооружённому конфликту учитывали геополитическое и финансовое положение своего государства. Тот же майор Старжиньский отмечал: «Имея на западе Германию с 60 миллионным населением, на востоке Россию с её 120 миллионами жителей, мы будем иметь дело с многомиллионными армиями, которым будем не в состоянии противопоставить равной по силе регулярную армию... Поскольку бюджетные возможности никогда не

позволят содержать сильную регулярную армию, мы должны искать другие пути». Далее он продолжал: «Нация, которая оплатила 120-летней неволей свою беззаботность и невоинственность XVII и XVIII столетий, должна сейчас сделать выводы из исторического опыта. Мы уже имеем определённые достижения военной работы перед мировой войной. Не позволим растратить этих наработок, широко разовьём военную подготовку, реализуем в жизнь постулат нации под ружьём!» [184, с. 59].

Непосредственная реализация программ военной подготовки населения, прежде всего молодёжи, в довоенной Европе проводилась согласно с двумя моделями. Суть первой модели состояла в том, что армия почти целиком брала на себя выполнение задачи подготовки общества к войне. В чистом виде эта система централизованной всеобщей допризывной подготовки была реализована в тоталитарных государствах – в нацистской Германии и Советском Союзе. Сущность второй модели состояла в децентрализации обучения. Согласно этой модели в руках военных оставались только общее руководство и контроль, а непосредственная реализация программ доверялась общественным, в первую очередь молодёжным, организациям и школе. Обучение строилось на принципах добровольности. При этом занятия проводились как военными, так и гражданскими специалистами [127, с. 21 – 22].

Польша ориентировалась на вторую модель и начала её осуществлять с первой половины 20-х годов XX века. Военная Подготовка (ВП) должна была охватить «всю военно-подготовительную работу за рамками постоянной армии, дифференцируя её в зависимости от возраста и пола, от стратегического положения края и, наконец, от этнографического состава и государственного чувства граждан» [127, с. 26]. Программа Военной Подготовки должна была охватить три направления деятельности: гражданское воспитание, физическую подготовку и военное обучение.

Как уже говорилось выше, ВП во 2 РП проводили общественные организации и школа. Среди общественных организаций в первую очередь следует назвать Стрелецкий Союз, который уже имел опыт в этой сфере ещё до Первой мировой войны. Кроме того, право проводить ВП получили Союз Польского Харцерства, Союз Сельской Молодёжи, Гимнастическое Товарищество «Сокол» и некоторые другие объединения. (Их деятельность будет освещена подробно ниже.).

Первоначально, молодёжные организации вовлекли в ВП небольшую часть молодого поколения. Поэтому в декабре 1922 г. вышло совместное распоряжение министра религиозных вероиспове-

даний и общественного просвещения и министра военных дел об организации Военной Подготовки в средних и профессиональных школах. Для подготовки школьной молодёжи к военной службе вводились добровольные занятия по ВП. Их задачей было «формирование у молодёжи умений и черт, которые развивают силу и характер будущего гражданина Отечества, позволяя ему исполнить военную обязанность в кратчайший термин и получить воинское звание в более быстрый срок» [169, с.2].

Для этого в школах, при наличии достаточного количества добровольцев, создавались школьные отряды (Hufce szkolne). В этот отряд мог вступить любой школьник, достигший возраста 16 лет и получивший соответствующее медицинское разрешение. В зависимости от численности и уровня подготовки отряды могли делиться на меньшие организационные единицы – роты, взводы, дружины.

Занятиями должен был руководить инструктор. Этим инструктором мог быть офицер действительной службы или резерва, или же гражданский человек, учитель данной школы. Руководитель отряда должен был проводить свою работу на основе программ, совместно разработанных министерствами просвещения и военных дел. По всем вопросам внутренней дисциплины руководитель отряда подчинялся школьным властям и входил в состав педагогического совета школы [169, с.3].

Программа распадалась на два курса (ступени). Первая ступень соответствовала программам обучения рядового пехоты. Вторая ступень – программе обучения подофицера пехоты. В технических и профессиональных учебных заведениях дополнительно создавался курс обучения рядовых специальных войск (артиллерии, технических войск). Курсы ВП также дополнялись занятиями в летних лагерях.

В ходе проведения ВП в школе предусматривалось еженедельно проводить: 3 – 4 занятия (по 45 – 50 мин) в стенах школы, 1 полевое занятие, 1 лекцию (45 – 50 мин) по отдельным военным предметам.

Согласно распоряжению, военные знания включались также и в программу таких предметов, как физика, химия, история, география. Например, в ходе уроков истории сообщали «некоторые сведения из истории войн и вооружённых сил, с упором на их воспитательную сторону с подчёркиванием момента жертвенности и героизма» [169, с. 3].

Ученики, которые отбыли 2/3 всех занятий, допускались к экзамену. Экзаменационная комиссия должна была состоять из представителей школьных и военных властей. В случае успешной сдачи

экзамена ученики получали свидетельства соответствующей ступени ВП [169, с. 4].

Также распоряжение предусматривало оказание необходимой помощи в области инструктажа, военных учебников и уставов, оружия, амуниции и т.п. школьным отрядам ВП со стороны военных властей. На военных также возлагалось проведение летних лагерей.

Внутренний порядок и дисциплину в школьных отрядах ВП должны были поддерживать школьные власти. Представители военных могли посещать отряды ВП при уведомлении и с согласия школьного руководства [169, с. 5].

В январе 1923 г. министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения издал ещё одно распоряжение, уточнявшее и дополнявшее распоряжение от 1 декабря 1922 г. Так, право определять школы, в которых можно было создавать отряды ВП, передавалось кураторам школьных округов. Руководителя отряда ВП также назначал куратор по предложению директора, и после получения мнения командования военного округа. Также предусматривалось, что ученик не может записаться в отряд ВП без разрешения своих родителей или опекунов. Куратор школьного округа должен был составлять ежегодный отчёт о деятельности школьных отрядов ВП и направлять его министру религиозных вероисповеданий и общественного просвещения [170, с. 6–7]. Отряды ВП появились и начали свою работу только в 1923/24 учебном году.

Армейские круги в основном были недовольны развитием ВП молодёжи. Прежде всего, недовольство было вызвано организационным хаосом и «политизацией» в общественных организациях ВП. Подполковник В. Килинский так характеризовал ситуацию накануне 1926 г.: «Для военной подготовки организуется, кто хочет и как хочет, а отдельные партии создают в свой способ некие собственные обмундированные посполитые рушения. Организации, якобы служащие одной идее, вступают во взаимную борьбу, и в этой борьбе исчезает сам смысл военной подготовки и ядро спорта. Для контрабанды политических потребностей в акцию физического воспитания и военной подготовки вплетается третий мотив, мотив так называемой просветительской работы, точнее, читай политический мотив. В результате можно было бы множить существующие объединения бесконечно. Это разнообразные союзы бывших участников борьбы за независимость, союзы молодёжи сельской, католической, бывших военных, молодых пионеров, спортивные союзы, женские организации, рабочие и т.д. и т.п. Хаос неправдоподобный» [128, с. 118].

В первой половине 20-х годов акция ВП не смогла достичь значительных успехов. Она так и не смогла стать массовой. Представитель польского Генерального Штаба, полковник Ф.Влад, признавал, что, исключая школьников, военная подготовка в 1925 г. охватывала только 7% призывников. При этом только 9% членов организаций ВП происходило из «восточных кресов» [127, с. 42].

Ситуация в деле военной подготовки начала меняться после майского переворота 1926 г. Вооруженные силы получили большие, чем раньше возможности влияния на все стороны жизни общества, в том числе и на молодёжную политику, частью которой являлась акция ВП.

Как отмечают польские исследователи, после мая 1926 г. отказа от концепции «нации под ружьём» не произошло. Большую роль сыграла личная позиция Ю.Пилсудского, который после переворота возглавил армию и являлся Генеральным инспектором вооружённых сил. По мнению маршала, главную роль в развитии военной подготовки и физической культуры должны были играть школа и армия, затем – местное самоуправление, общественные организации и спортивные союзы. Особое внимание Пилсудский придавал добровольности ВП и её морально-воспитательному значению. Это означало продолжение проведения ВП в школе и общественных организациях. Но одновременно кардинально изменилась роль армии. Военные круги взяли в свои руки руководство всеми вопросами, связанными с подготовкой общества на случай войны. Это давало надежду на оживление деятельности в этой области [127, с. 72 – 74].

В январе 1927 г. по инициативе Ю.Пилсудского было создано Государственное Управление Физического Воспитания и Военной Подготовки (ФВ и ВП). Это стало основой для создания нового руководящего и пропагандистского аппарата акции ВП [125, с. 6]. Согласно распоряжению Совета Министров, директора Государственного управления ВФ и ВП назначал министр военных дел при согласовании с министром внутренних дел и министром просвещения. Именно директор распоряжался бюджетными средствами, выделяемыми на развитие ВП. Одновременно предусматривалось создание воеводских комитетов ФВ и ВП, задачей которых была координация и поддержка деятельности госаппарата, органов самоуправления и общественных организаций в сфере физического воспитания и военной подготовки. В состав воеводских комитетов должны были входить воевода, командующий военного округа и куратор школьного округа (или их представители). Ещё четырёх членов воеводского комитета назначал военный министр. По мере необходимости создавались также

поветовые и городские комитеты ФВ и ВП, которые должны были координировать работу в масштабах повета или города. Эти комитеты подчинялись воеводскому комитету. Воеводские же структуры были подотчётны Государственному управлению [173, с. 82 – 84].

Распоряжение военного министра от 21 марта 1927 г. уточняло функции Государственного управления ФВ и ВП. Помимо директора в его состав должны были входить делегаты от министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, министерства внутренних дел, а также постоянный персонал, назначенный министром военных дел. К сфере деятельности Государственного управления ФВ и ВП относилось: составление директив для проведения работы по физическому воспитанию и военной подготовке, предоставление заинтересованным министрам предложений по вопросам ФВ и ВП, осуществление надзора над институтами и организациями ФВ и ВП и их инспекции, предоставление заинтересованным министерствам предложение по государственному бюджету в области ФВ и ВП, экспертиза решений министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министерства внутренних дел в сфере ФВ и ВП, составление директив для воеводских комитетов ВФ и ВП, издание периодики и книг, посвящённых физическому воспитанию и военной подготовке [167, с. 164–166].

Одновременно при командовании военных округов создавались окружные управления ФВ и ВП. Ниже, на уровне полка стояли обводовые комендатуры, и, наконец, поветовые комендатуры ФВ и ВП. Именно коменданты последних отвечали за проведение занятий в школьных отрядах ВП и взаимодействие с общественными организациями [127, с. 75].

Как указывают польские исследователи, созданная модель имела значительные недостатки. Например, было достаточно трудно скоординировать работу военных структур с гражданской властью, прежде всего из-за того, что территория военных округов не совпадала с территорией воеводств. Могло случиться так, что территория одного повета была поделена между двумя округами [127, с. 80]. Это в полной мере относилось и к Западной Беларуси – территория Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств входили в состав двух округов: № 3 «Гродно» и № 9 «Брест».

Тем не менее, к концу 1927 г. были организованы воеводские комитеты, а к концу 1928 г. координирующие структуры ФВ и ВП более низкого уровня. Это способствовало активизации военной подготовки молодёжи, как в общественных организациях, так и в школе.

Для активизации ВП было принято и новое совместное постановление министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министра военных дел, касающееся вопросов организации военной подготовки в школе (4 февраля 1931 г.). Главным его отличием от распоряжения 1922 г. было то, что занятия в школьных отрядах ВП стали обязательными для всей мужской молодёжи тех школ, где такие отряды созданы. Одновременно было отражено усиление роли армейских структур в деле военной подготовки. Комендантом (руководителем) отряда должен был быть офицер, поветовый комендант ВП. Занятия должны были проводить офицеры и подофицеры действительной службы. Педагогическое руководство отрядом поручалось одному из учителей школы, являющемуся офицером резерва. Разработка программы ВП возлагалась на Государственное управление ФВ и ВП. Дирекция школ и учительский коллектив должны были взять под опеку работу и потребности отряда, пропагандировать идеи ВП государственно-гражданского воспитания в родительской среде, организовывать при помощи родителей материальную помощь отряду ВП [209, с. 86 – 91].

Одновременно регламентация в деле ВП затронула и деятельность общественных организаций. В декабре 1926 г. министерство военных дел проинформировало, что признаёт следующие организации, занимающиеся военной подготовкой: Стрелецкий Союз, Союз Польского Харцерства (СПХ), Союз гимнастических товариществ «Сокол», Союз Повстанцев и Воинов, Союз Силезских Повстанцев, ССМ «Сев», Союз Военных Осадников, Союз Добровольной Пожарной Стражи и Общественный комитет военной подготовки женщин к защите страны. В 1931 г. такими организациями признавались уже только «Стрелец», СПХ и ССМ. Другие организации, правда, могли заниматься военизированным обучением, но их деятельность не координировалась и не финансировалась через Государственное управление ФВ и ВП [127, с. 86 – 87]. Это было сделано как для достижения «аполитичности» ВП, так и для увеличения эффективности руководства этой деятельностью.

На рубеже 20–30-х годов произошёл определённый сдвиг в массовости ВП. Так, согласно данным польских исследователей, если в 1929 г. военную подготовку прошли 57,7% призывников и резервистов, то в 1930 г. это число составило 71,5%. Следует отметить, что на территории Западной Беларуси этот процент был даже выше. В округе № 3 «Гродно» ВП прошли соответственно 64,8% (1929 г.) и 82,2% (1930 г.), а в округе № 9 «Брест» – 55,5% (1929 г.) и 79,3% (1930 г.) [127, с. 96].

Большое влияние на развитие и массовость ВП оказывала система льгот. Льготы предусматривались ещё в начале 20-х годов. Окончательно они были оформлены в 30-х годах. Согласно распоряжению министра военных дел от 29 июня 1935 г., призывник, имевший свидетельство об окончании второй ступени ВП, имел ряд льгот при прохождении действительной службы. Наиболее значительными были право на увольнения во время трёх первых месяцев службы, право на первоочередность при направлении в подофицерские школы, ускоренное представление к званию капрала. Также ему предоставлялось право на отпуск на втором году службы. В зависимости от вида рода войск отпуск мог составить от 2 до 6 недель. На основе свидетельства о второй ступени ВП призывники пользовались и правом сокращения срока действительной службы: они должны были призываться позже (на 4 – 6 недель), чем остальные призывники. Также были предусмотрены льготы и резервистам, участвовавшим в работе ВП. [168, с. 912 – 914].

Одновременно с льготами, большое внимание уделялось, как уже указывалось выше, моральному фактору. В связи с этим в рамках ВП помимо непосредственно военного обучения шла большая работа по гражданскому и патриотическому воспитанию. Правящие круги 2-й РП считали, что моральная подготовка является необходимым элементом подготовки общества к войне [125, с. 6]. Это полностью соответствовало реализуемой «санационным режимом» концепции «государственного воспитания».

Среди сформулированных в начале 1930-х годов воспитательных целей в организациях ВП на первый план выдвигались:

а) выработка у молодёжи активного патриотизма, в особенности же государственного чувства, выражающегося в готовности принесения любой жертвы для защиты государства,

б) развитие закалки воли, обязательности и дисциплинированности,

в) умножение физических сил молодёжи через овладение воинскими умениями и полевые занятия,

г) пробуждение любви к военной службе [209, с. 86].

В середине 1930-х годов в сфере ВП произошли определённые изменения. Дело в том, что к этому времени стали очевидными кризис версальской системы и обострение международной обстановки. Военные круги Польши исходили из реальности угрозы со стороны Германии и СССР и были убеждены в неизбежности тотальной войны, в которую будет втянута не только армия, но и всё население. Перед

2-й РП встала необходимость консолидации общества вокруг программы подготовки к отражению внешней агрессии [125, с. 6 – 7].

В очередной раз была реорганизована ВП в школе. До этого подготовка проходила только в рамках школьных отрядов под руководством профессиональных офицеров. В 1937 г. было решено, что подготовка школьной молодёжи к защите страны будет осуществляться только в школе и исключительно через школу. Сама подготовка делилась на общую подготовку к обороне страны и непосредственно военную подготовку (для девушек – подготовка к вспомогательной военной службе). Общая подготовка к обороне страны реализовывалась в ходе всей воспитательной и дидактической работы школы. ВП становилась обязательным школьным предметом для всех учащихся, начиная с 15 лет. Функции комендантов школьных отрядов ВП теперь исполняли исключительно учителя, а не офицеры, как прежде [210, с. 439–440]. По мнению польских учёных, это было вызвано тем, что в связи с перевооружением Войска Польского выросла потребность в профессиональных офицерских кадрах. Поэтому военное руководство предпочитало использовать профессиональных офицеров в линейных частях [127, с. 117].

Тем не менее, сотрудничество школы и армии продолжилось. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, в январе 1937 г. военный министр издал распоряжение о сотрудничестве командующих военных округов со школьными кураторами. Распоряжение предусматривало согласование военными властями со школьным руководством всех просветительско-воспитательных акций, которые проводятся как в армии, так и в организациях ВП. Одновременно министр просвещения рекомендовал школьным кураторам тесно сотрудничать с рефератами безопасности соответствующих военных округов [122, с. 228].

Во второй половине 30-х гг. военная подготовка школьной молодёжи к обороне страны становилась фундаментальной воспитательной и дидактической задачей школы [210, с. 439]. Школа должна была «обращать внимание на все факторы, которые имеют отношение к воспитанию сильных, благородных характеров, к выработке чувства ответственности за личную и общую работу, к развитию и укреплению солдатских достоинств, а особенно любви к родине, чувства чести, старательности и воли к победе». Целью подготовки школьной молодёжи к обороне страны была быть подготовка сознательных, активных, смелых и жертвенных граждан [96, с. 796 – 797].

В дидактической сфере при преподавании отдельных предметов следовало делать упор на те элементы знаний, которые связаны с

обороноспособностью государства. Например, на уроках географии поручалось изучать элементы топографии, а на уроках физики и химии изучалась работа двигателей внутреннего сгорания, радиоприёмников, элементы противохимической и противовоздушной обороны [122, с. 228]. Также в целях подготовки к обороне страны использовались и гуманитарные предметы. В этом случае внимание обращалось на их воспитательные возможности. При помощи гуманитарных предметов воспитанник должен был достигнуть «такую ступень гражданского сознания, чтобы чувствовал себя связанным мыслями и чувствами с Нацией и Государством, чтобы он знал и понимал культурные, политические, экономические и общественные достижения польской Нации и Государства, чтобы имел чувство его исключительности и своеобразных ценностей, чтобы в полной мере чувствовал и понимал необходимость увеличения оборонного потенциала» [104, с. 809]. Кроме того, рекомендовалось на конкретных примерах из истории Польши и чужих народов показывать «как мстила за себя политическая слабость, проистекающая из непонимания необходимости обороны» [104, с. 812]. На уроках истории учащиеся должны были знакомиться с историей вооружённых сил Речи Посполитой и для мужской молодёжи в лицеях эти знания должны были сыграть роль «начального профессионального образования будущего офицера польской армии» [104, с. 813].

В конце 30-х годов кампания по подготовке молодого поколения к обороне страны затронула и высшую школу. 27 октября 1937 года по распоряжению Совета министров была создана Академическая Легия [208, с. 722]. Её целью, помимо непосредственного обучения студенчества стали воспитание и пропаганда в «духе благородного польского милитаризма» [125, с. 16].

Вообще следует отметить, что подобная пропаганда получила широкое распространение и стала частью молодёжной политики правящего режима, особенно его армейских кругов. «Санация» считала, что необходимо индоктринировать собственное общество в духе оборонного милитаризма. Планировалось охватить этой пропагандой около 85% граждан 2 РП, в первую очередь молодое поколение в возрасте от 10 до 21 года. В связи с этим в контексте ВП приоритет начал отдаваться гражданскому воспитанию. В директивах по ФВ и ВП на 1936/37 учебный год говорилось: «Независимо от военных задач в качестве наиболее актуальной задачи выдвигается вопрос гражданского воспитания и пропаганды лозунгов национальной обороны, как подготовка молодёжи к исполнению задач по обороне страны» [125, с. 6 – 11].

Инициатором пропагандистской акции стала армия. Ещё в ноябре 1934 г. был создан Военный научно-просветительский институт, который должен был заниматься научно-издательской, культурно-просветительской и идейно-пропагандистской работой. Вес института постоянно рос с развитием пропагандистской акции, выходя за границы армии. Именно на базе этого учреждения в мае 1936 г. был создан Центральный Координационный Комитет (ЦКК). Немного позднее Координационные Комитеты (КК) были созданы при военных округах Войска Польского (в Бресте – в январе 1937 г., в Гродно – в ноябре того же года). Целью Координационных Комитетов было повышение успешности усилий общества в деле военной готовности государства, в том числе и в пропагандистской сфере [125, с. 14].

В состав Центрального Координационного Комитета вошли представители Военного научно-просветительского института, Государственного управления ФВ и ВП, а также делегаты ряда общественных организаций, в том числе Стрелецкого Союза и Союза Польского Харцерства. В дальнейшем с Координационными Комитетами сотрудничали также такие организации, как Союз Молодой Деревни и Союз военных осадников. Согласно уставу, основным объектом деятельности КК должны были стать организации ВП, подчинявшиеся Государственному управлению ФВ и ВП.

На заседания ЦКК занимались, прежде всего, вопросами гражданского воспитания и государственной пропаганды. В конце ноября 1936 г. в рамках комитета появилась Секция гражданского воспитания. Именно она занималась разработкой программ и директив по гражданскому воспитанию и культурно-просветительской работе для общественных организаций [127, с. 126–127]. Специально для оживления работы в молодёжной среде в структуре КК существовала молодёжная комиссия [125, с. 16].

Ещё одним направлением работы КК стала организация борьбы с коммунистическим движением и пацифистскими тенденциями. С точки зрения государственных властей пацифистские тенденции и коммунистическая идеология вели к дезинтеграции и духовному разоружению общества. Таким образом, противостояние им вытекало из основных задач политики по обороне страны [127, с. 128]. В одном из документов ЦКК отмечалось, что в аспекте координации общественной работы на благо обороны на востоке первоочередную опасность представляет коммунизм, «стремящийся вторгнуться в нашу жизнь под различными личинами» и с которым «необходимо бороться всеми средствами, так как он не имеет у нас иной цели, кроме как подрыв Государства и новое покорение России». Также в

сферу деятельности КК входило поддержание польского влияния, которое было необходимо согласовывать с улучшением отношений к национальным меньшинствам, чтобы не отвернуть их от государства [125, с. 16].

Но результаты деятельности КК в молодёжной среде были достаточно скромными. Так в конце 1938 г. министерство военных дел было недовольно тем, что ряды армии попадает много молодёжи, находящейся под чужим идейным и моральным влиянием. На это повлияли недостаток финансовых средств и инструкторских кадров. Также сказались противоречия внутри самого «санационного» лагеря – КК вступили в конкуренцию с Лагерем Национального Объединения, организацией созданной пилсудчиками вместо ББСП [125, с. 17]. Кроме того, деятельность по поддержанию польского влияния встречала отторжение со стороны населения «кресов» и сопротивление политической оппозиции.

Таким образом, следует признать, что в во 2 Речи Посполитой велась значительная работа по реализации военной подготовки молодого поколения в рамках концепции «нации под ружьём». Целями этой подготовки были повышение обороноспособности государства и, одновременно, патриотическое воспитание молодого поколения в духе верности существующему режиму. Особенно акция ВП оживилась в период нахождения у власти «санационного» лагеря, стремившегося консолидировать всё общество 2 РП во имя идеи обороны страны. В её реализации принимали участие как государственные структуры, прежде всего, армия и школа, так и многочисленные общественные объединения и союзы. Следует отметить, что усилия официальных властей и общественности не смогли в дальнейшем предотвратить ликвидации польской государственности, т.е. их результат в военно-профессиональной сфере был минимален. Однако несомненно, что они все-таки оказали значительное влияние на молодёжь. Хотя это влияние следует по разному оценивать на этнически польских территориях 2 РП и на территории её «восточных крессов».

2. 3. Политика государства в сфере трудовой занятости молодежи

Несомненно, что подготовка молодого поколения к трудовой деятельности является неотъемлемой частью молодёжной политики. Не была исключением в этом отношении и молодёжная политика во 2 Речи Посполитой.

Одним из главных направлений профессиональной подготовки молодёжи в межвоенном польском государстве стала так называемая

Сельскохозяйственная Подготовка (СП), которая являлась массовой формой земледельческого просвещения внешкольной молодёжи. Особую важность этому направлению придавало то, что, как уже указывалось выше, около 70% молодёжи проживало в сельской местности.

Известно, что 2 Речь Посполитая была преимущественно аграрной страной. Сельское хозяйство доминировало над другими секторами производства. В сельском хозяйстве была занята преобладающая часть населения. Согласно переписи 1921 г. 63,8% населения страны жило за счёт работы на земле. Что касается Западной Беларуси и Западной Украины, то этот процент был ещё выше.

При этом сельскохозяйственное производство находилось на низком уровне, было отсталым в техническом и организационном плане. Например, согласно данным польских исследователей, средняя урожайность зерновых в Польше в 1926 – 1930 гг. составляла 10 центнеров с гектара, в то время как в Бельгии – 23,4 центнеров, в Голландии – 20,1 центнеров, в Дании – 17,6 центнеров, в Чехословакии – 16,2 центнеров, в Германии – 16 центнеров [203, с. 180]. Что касается Западной Беларуси, то, по подсчётом отечественных исследователей, урожайность зерновых здесь была ниже, чем в среднем по 2 РП иногда более, чем на 40 % [71, с. 54]. Это было вызвано многочисленными причинами, но одной из главных польские власти считали низкий уровень культуры сельскохозяйственного производства, который был вызван слабым распространением агротехнических знаний.

Попытки найти выход из ситуации, сложившейся с сельскохозяйственным просвещением, предпринимались правящими кругами 2 Речи Посполитой с первых лет независимости. Так, ещё в июле 1920 г. по инициативе представителей польской крестьянской партии Стронництво Людове «Вызволенне» был принят закон «О народных сельскохозяйственных школах».

Согласно закону, народные сельскохозяйственные школы имели своей целью подготовку «профессионально самостоятельных сельскохозяйственных хозяев и хозяек и осознающих свои обязанности граждан страны» [199, с. 237]. Таким образом, школы предназначались для крестьянской молодёжи, намеревающейся работать в собственном хозяйстве. При этом они должны были осуществлять не только профессиональное обучение, но и исполнять воспитательные функции.

Закон предусматривал участие в проведении сельскохозяйственного обучения, как государства, так и общества. В связи с этим школы делились на публичные и частные. К публичным народным

сельскохозяйственным школам относились школы, которые содержались государством, поветовым самоуправлением, Земледельческими избами. Частные школы могли создавать общественные организации или же частные лица. Надзор над всеми народными сельскохозяйственными школами, как публичными, так и частными, должно было осуществлять министерство сельского хозяйства [199, с. 237]. Руководителей школ должен был назначать министр сельского хозяйства по предложению органов, которые эти школы создавали (поветовое самоуправления или Земледельческие избы).

Закон предусматривал создать широкую школьную сеть – планировалось, что в каждом повете будет, как минимум, две публичные сельскохозяйственные школы: мужская и женская. Государство должно было выделить школам необходимое количество земли для создания подсобного хозяйства. Кроме того, государство предоставляло ассигнования на строительство и организацию школ, которые создавались коммунальным самоуправлением (75% всей суммы, при этом 25% суммы предоставлялось безвозвратно и 50% в качестве долгосрочного кредита). Также государство должно было оплачивать работу учительского персонала. Кроме того, государство должно было оказывать финансовую помощь по мере потребности [199, с. 237 – 238].

Закон предусматривал, что курс обучения в публичных школах должен был продолжаться не менее 11 месяцев и состоять из теоретических и практических занятий. Программа обучения разрабатывалось совместно министерством сельского хозяйства и министерством религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. В публичные школы принимались юноши (с 16 лет) и девушки (с 14 лет). При этом кандидаты должны были закончить перед этим общую школу. Учащимся на время учёбы предоставлялся интернат [199, с. 238].

Согласно закону, план создания школ был рассчитан на 20 лет. То есть к 1940 году планировалось, что в каждом повете будут существовать две народные сельскохозяйственные школы.

Для управления публичными народными сельскохозяйственными школами в поветах создавались специальные поветовые школьные комиссии. В состав этой комиссии должны были войти три делегата от поветового сеймика или Земледельческой избы, представитель министерства сельского хозяйства, школьный инспектор, руководитель сельскохозяйственной школы. К обязанностям поветовой комиссии относились: опека и контроль над деятельностью народных сельскохозяйственных школ, связь с поветовыми сеймиками или

Земледельческими избами по финансовым вопросам, составление отчётов для местного самоуправления [199, с. 239].

В соответствии с законом разрешалось и создание частных сельскохозяйственных школ. Такие школы также могли пользоваться государственной помощью. Разрешение на открытие частных школ давал министр сельского хозяйства. Он же мог отдать и распоряжение об их роспуске в случае нарушения существующего законодательства [199, с. 239].

Следует отметить, что система народных сельскохозяйственных школ с самого начала имела ряд недостатков. Например, программа обучения была слишком велика для того, чтобы освоить её за 11 месяцев. Так на общеобразовательные предметы в мужской школе выделялось 522 часа, а на специальные – 579 часов. В женской школе соответственно 605 и 567 часов. Кроме того, учащиеся должны были поддерживать порядок в интернате и учебных помещениях, работать на подсобном хозяйстве и в столовой. Разумеется, что вычерпать весь предусмотренный материал было очень трудно, особенно если учитывать низкий уровень общей подготовки учащихся [203, с. 141].

Ещё одним недостатком была слишком высокая стоимость содержания школы, так как приходилось содержать интернат, образцовое хозяйство и оплачивать учительский персонал (обычно 4 – 5 человек). Также школа была слишком дорогой и для родителей учащихся. Следует учитывать, что они не только платили за пребывание своего сына или дочь в школе, но и одновременно теряли почти на год работника.

К моменту издания закона во 2 РП уже существовало 52 школы (1182 учащихся). До 1931 г. их число выросло до 128 (5238 учащихся). Но в связи с началом экономического кризиса этот рост остановился. Основную массу школ составляли школы созданные местным самоуправлением – 68,3% мужских и 52,5% женских сельскохозяйственных школ. Частными являлись 15,2% мужских и 32,5% женских, государственными – 16,5% мужских и 15% женских. При этом следует отметить, что государственные школы создавались в основном в восточных и юго-восточных воеводствах 2 РП (т.е. на территории Западной Беларуси и Западной Украины) [203, с. 140]. Это было вызвано как низким уровнем сельского хозяйства, так и бедностью населения и слабостью общественных структур. Из-за постоянных финансовых трудностей сельскохозяйственные школы испытывали недостаток в учительских кадрах, не хватало также инвентаря и учебников.

Правящие круги понимали необходимость координаций усилий в сфере работы с сельской молодёжью. Но неотложные политические и экономические проблемы отвлекали «санационный» лагерь от этой проблемы. Тем не менее, в начале 1932 г. произошло создание Центрального Комитета по делам сельской молодёжи. Он был организован по инициативе чиновников министерства сельского хозяйства, министерства просвещения и министерства внутренних дел для «гармонизации» их деятельности в области сельскохозяйственной подготовки, общественного воспитания, просвещения, то есть направлений ведущих к «повышению хозяйственного, общественного и культурного уровня жизни деревни». Вместе с представителями правительства, делегатом от Государственного управления ФВ и ВП, специалистами по земледелию в состав Комитета вошли и представители отдельных союзов сельской молодёжи. На местах Комитет имел воеводские и поветовые отделения. В задачи данной структуры входило: разработка новых методов в области культурно-просветительской деятельности, гражданского воспитания, военной подготовки, подготовка соответствующих инструкторов и специалистов, издательская деятельность, рациональное распределение средств [164, с. 74 – 75]. Во второй половине 30-х годов подобные же функции должен был выполнять Комитет по делам культуры деревни, который был создан в сентябре 1936 г. по решению Совета министров [123, с. 154].

Что касается самих народных сельскохозяйственных школ, то в июле 1932 г. сельскохозяйственные школы были выведены из компетенции министерства сельского хозяйства и подчинены министерству религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Новые кураторы хотели провести реорганизацию сельскохозяйственного обучения. Например, планировалось превратить 11-месячные школы в 2-х годичные школы.

Но осуществить эти планы не удалось. 11-месячные школы были переименованы в «школы сельскохозяйственной подготовки», но их организация не подверглась каким-либо изменениям. Под конец межвоенного периода они вновь были переименованы, на этот раз в «годовые сельскохозяйственные школы».

Строительство сети сельскохозяйственных школ продолжало развиваться без всякого плана. Школы появлялись только в тех поветах, где для этого были условия и где это начинание имело поддержку общественности. Как отмечают польские исследователи, наиболее плачевным было положение в восточных и южных воеводствах 2 РП [203, с. 149].

К 1939 г. число сельскохозяйственных школ достигло 173 (95 мужских и 78 женских). Если учесть, что к 1940 г. планировалось создать, как минимум, 482 школы, то надо признать, что закон 1920 г. о народных сельскохозяйственных школах не был реализован. Но даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, народные сельскохозяйственные школы могли бы охватить лишь 10% сельской молодёжи [203, с. 182]. Это было ясно уже в 20-е годы и тогда же начались поиски иного решения проблемы распространения сельскохозяйственного просвещения.

Естественным выходом виделось расширение среди молодёжи внешкольных форм аграрно-просветительской работы. При этом следует отметить, что инициатива в этом направлении исходила не от государственных, а от общественных структур.

Первоначально внешкольные формы сельскохозяйственного просвещения ориентировались на старшее поколение. Считалось, что распространение профессиональных знаний среди тех, кто уже работает самостоятельно в своём хозяйстве, будет наиболее успешным. Благодаря поддержке разного рода земледельческих объединений, государственных органов и структур местного самоуправления началась популяризация профессиональных знаний среди самостоятельных хозяев. Организовывались кратковременные курсы, показы, выставки, образцовые хозяйства, издавалась специализированная пресса. Планировалось, что таким образом профессиональные знания широко распространятся среди крестьянства. Но все вышеназванные формы работы оказались мало результативными и не изменили существовавшего положения [203, с. 183].

Одновременно зарубежный, прежде всего американский, опыт в сфере распространения сельскохозяйственного просвещения указывал на то, что молодёжь является более способной, чем старшее поколение, к принятию новых, рациональных методов хозяйствования.

Тем временем, в начале 20-х годов прошлого века, просветительская сельскохозяйственная работа с молодёжью велась традиционными способами и ограничивалась, главным образом, школьным обучением и краткосрочными теоретическими курсами. Но постепенно зародилась идея развернуть на базе молодёжных организаций плановую и систематическую работу в сфере внешкольного профессионального просвещения. Было решено организовать первые сельскохозяйственные конкурсы для молодёжи. Они должны были содействовать профессиональной подготовке той молодёжи, которая не могла по тем или иным причинам посещать сельскохозяйственные школы.

Первый проект организованной и плановой работы по профессиональной подготовке деревенской молодёжи в виде сельскохозяйственных конкурсов в июне 1925 г. выдвинул Центральный Союз Сельской Молодёжи. В начале 1926 г. началось проведение таких конкурсов в отдельных поветах. Хотя эти первые конкурсы и не были достаточно успешными, они позволили приобрести определённый опыт и доказали, что конкурсная работа имеет смысл.

После того, как с начинанием ЦССМ ознакомилось министерство сельского хозяйства, оно признало эту деятельность пригодной для повышения земледельческой культуры. Был создан специальный распорядительный орган, который бы руководил подобной работой других молодёжных организаций. В 1928 г. организатором и руководителем сельскохозяйственной просветительской работы всех взаимодействующих молодёжных организаций стал профессор Юзеф Микуловский-Поморский. Именно он ввёл термин «Сельскохозяйственная Подготовка» (СП) применительно к конкурсам. До 1928 г. эту работу называли по-разному – «сельскохозяйственная работа молодёжи», «сельскохозяйственные конкурсы», «сельскохозяйственное воспитание» и т.п. С 1928 г. работа в СП стала важной частью деревенского молодёжного движения. К концу межвоенного периода количество юношей и девушек, которые получали знания в коллективах СП, достигла 100 тысяч, т.е. примерно столько, сколько хозяйств ежегодно перенимало молодое поколение земледельцев [203, с. 185].

Обычно в один коллектив СП, организованный при ячейке какой-либо молодёжной организации, объединялось до 15 парней и девушек в возрасте 15-20 лет. Коллектив выбирал тему для своей работы в области земледелия или животноводства. Главой коллектива, как правило, становился тот, кто окончил сельскохозяйственную школу или уже имел опыт работы в СП. Он должен был контролировать работу коллектива и поддерживать связь с профессиональными инструкторами. Профессиональную помощь коллективам СП оказывали инструкторы сельскохозяйственных организаций и Земледельческих изб. Они должны были инспектировать каждый коллектив и на месте давать необходимые советы и указания. Верховное руководство в масштабах 2 РП находилось в руках Центрального комитета по делам сельской молодёжи.

В сентябре и октябре обычно проходили выставки коллективов СП. Лучшие из них получали награды, в т.ч. стипендии для учёбы в народных сельскохозяйственных школах. Работа в коллективе СП была рассчитана на три года или три степени СП. Согласно правилам, в первый год коллектив занимался земледелием, второй год –

животноводством, третий год – всем хозяйством. Три ступени СП должны были дать всестороннюю подготовку для работы в сельском хозяйстве [121, с. 544].

Таким образом, в межвоенный период СП была единственной формой сельскохозяйственного просвещения, которая создавала потенциальные возможности для широкого распространения профессиональных знаний среди крестьянства. Через отдельные ступени СП каждый год проходили тысячи молодых крестьян, в том числе и на территории Западной Беларуси. Уровень сельскохозяйственных знаний и умений свидетельствовал, что СП было полноценным дополнением сельскохозяйственных школ. Ценность СП была и в том, что она обеспечивала подготовку большого количества молодёжи ценой относительно небольших финансовых затрат. Ежегодная цена обучения одного участника СП составляла примерно 30 злотых, тогда как цена обучения в сельскохозяйственной школе была в 20-30 раз выше [203, с. 186].

Сельскохозяйственная Подготовка стала во главе всей системы сельскохозяйственного просвещения, как по количественному охвату молодёжи, так и с точки зрения практических результатов распространения передовых агротехнических знаний. Каждый из участников СП был пропагандистом лучших, более результативных методов работы. СП давала большие возможности для распространения лучших сортов посевного материала и отборных пород домашнего скота. Это была полностью сформировавшаяся форма внешкольной сельскохозяйственного просвещения, которая имела собственные определённые задачи, программу, организационные принципы, методы и средства успешного воздействия на сельскую молодёжь.

Ряд мероприятий был проведён «санационным» режимом для борьбы с молодёжной безработицей. Эта проблема стояла остро, особенно после начала экономического кризиса. Согласно данным отдела безопасности МВД 2 РП, излишек рабочих рук в деревне составлял от 5 до 6 млн. человек, в основном молодых крестьян. Ситуация в городах обстояла не лучше. Хотя в городских биржах труда было зарегистрировано лишь несколько тысяч молодых безработных, эти данные не соответствовали действительности. В большинстве случаев молодёжь не могла зарегистрироваться, так как не имела никакого трудового стажа [112, с. 215].

Проблему занятости молодёжи пытались решить при помощи так называемых «лагерей труда». Эта практика была во многом близка к практике западных стран, где безработных привлекали к общественным работам. В «лагерях труда» 6 часов в сутки юноши

были заняты на общественных работах, 2 часа посвящались обучению, практическим курсам, военной подготовке. Кроме того, молодые люди получали небольшое денежное содержание. Власти считали, что «главным при проведении акции занятости должно стать воспитание и профессиональная подготовка для будущей самостоятельной жизни» [112, с. 225 – 226].

Первоначально всей этой акцией руководило специальное бюро занятости молодёжи при Фонде Труда. При этом к борьбе с безработицей активно привлекались не только государственные структуры, но и общественные организации, в том числе молодёжные союзы. Прежде всего, это касалось подготовки руководства и инструкторов для «лагерей труда». Этому уделялось особое внимание, так как многие недостатки в деятельности лагерей объяснялись именно отсутствием надлежащего подбора руководства.

В 1935 г. министр общественной опеки Губицкий заявлял в интервью, что акцией «лагерей труда» удалось охватить 20 тысяч человек – до 80% безработной молодёжи (скорее всего, имелись в виду зарегистрированные на биржах труда). Эта молодёжь была занята в основном на земельных работах, строительстве дорог, мелиорации. При этом министр отмечал «снижение уровня молодёжи», её «испорченность». Именно с этим он связывал имевшие место в «лагерях» факты несоблюдения субординации и даже нападения на руководителей. Одновременно он указывал и на подрывное влияние, направленное на срыв акции «лагерей труда» [47, л. 246 – 247].

Хотя обстановка в «лагерях труда» была достаточно напряжённой, власти всё же стремились их сохранить. Секретный отчёт отдела безопасности МВД (март 1936 г.), признавая факты «многочисленных и серьёзных авантюр, даже преступлений» и объясняя их склонностью молодёжи к авантюрам и отрицательным влиянием кризиса и безработицы, высказывался за сохранение юношеских лагерей в качестве воспитательных центров [112, с. 226].

В качестве выхода попытались передать «лагеря труда» в введение военных. В связи с этим в сентябре 1936 г. вышел специальный декрет президента РП «О службе труда молодёжи». Молодёжные «лагеря труда» преобразовывались в юношеские отряды труда. Они должны были нести так называемую трудовую службу молодёжи, которая объявлялась почетной службой нации и государству. Эта служба состояла в «исполнении физической работы для потребностей обороноспособности Государства или его экономических интересов». Юношеские отряды труда кроме работы обеспечивали молодёжи подготовку к военной службе, а также приобретение профессии,

гражданское воспитание и общее образование [111, с. 1173]. То есть, основные функции «лагерей труда» сохранились.

Юношеские отряды труда подчинялись министру военных дел. Для этого при нём создавался Совет службы труда. В него входили представители министерств военных дел, общественной опеки, внутренних дел, сельского хозяйства и аграрных реформ, промышленности и торговли, религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Совет был совещательным органом по вопросам образовательной и воспитательной программы юношеских отрядов труда.

Во главе отрядов становились коменданты, назначаемые военным министром из числа офицеров действительной службы. Руководящий, инструкторских и административный персонал состоял из солдат действительной службы, а также из гражданских функционеров. Материальное обеспечение отрядов поручалось Фонду Труда и военному министерству.

Согласно президентскому декрету, в отряды принималась безработная молодёжь обоих полов в возрасте 18 – 20 лет. Служба труда в отрядах продолжалась 2 года. На этот период члены отрядов получали жильё, обмундирование и обеспечение согласно нормам, установленным военным министерством при согласовании с министром общественной опеки. В зависимости от существующих условий, успехов в службе и обучении члены отрядов могли получать служебное звание, соответствующее их квалификации.

Декрет предусматривал ряд льгот. Юношам, которые пробыли в отряде как минимум 12 месяцев, могли получить право пользоваться льготами при прохождении действительной военной службы. Члены отрядов имели право на медицинскую помощь наравне с солдатами действительной службы. В случае утраты работоспособности, инвалидности или смерти, служба в отряде приравнивалась к действительной военной службе со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Как уже указывалось выше, в «лагерях труда» была достаточно напряжённая ситуация с дисциплиной. Декрет учёл этот момент. За нарушение устава был предусмотрен ряд наказаний – выговор, наряд вне очереди, запрет покидать расположение отряда на срок до 14 дней, арест на срок до 3 суток, понижение в звании, исключение из отряда.

В 1936 г. численность юношеских отрядов труда достигла 11 тысяч человек, распределённых по 18 батальонов. Молодые безработные стали привлекаться к решению задач укрепления обороноспособности польского государства. Так, наряду со строительством дорог,

регулированием и осушением рек, чем ранее занимались и «лагеря труда», члены юношеских отрядов участвовали в строительстве и ремонте различного рода военных укреплений [208, с. 722].

Как заявлялось в одном из пропагандистских материалов, «молодёжь юношеских отрядов труда – авангард армии труда, который будет прокладывать дорогу к лучшему будущему... Юноши совместным усилием молодых рук построят фундамент мощного здания Польского Государства и в почётной службе труда подготовят к борьбе за существование, увеличат ряды достойных и творческих граждан страны» [113, с. 379].

Таким образом, «санационный» режим предпринял ряд мер по решению проблемы трудовой занятости молодого поколения. Хотя, разумеется, проблема молодёжной безработицы не могла быть решена полностью только одними юношескими отрядами труда. При этом следует отметить, что власти при помощи этих структур не только боролись с безработицей, но и пытались реализовать такие компоненты молодёжной политики как гражданское воспитание и военная подготовка.

Глава 3.
МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1926 – 1939 гг.)

3. 1. Основные проправительственные молодежные союзы и объединения: идеология и структура

Как уже неоднократно отмечалось, важная роль в проведении правительственной молодёжной политики отводилась многочисленным молодёжным союзам, действовавшим в целях интеграции как можно более широких масс молодёжи в «работу для государства». Эта деятельность распространялась и на территорию западно-белорусского региона. Каждая из этих организаций имела свои специфические цели и конкретные задачи, организационные принципы и методы работы. Но все они пользовались серьёзной поддержкой «санационного» режима. Именно структуры правящего Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством, а с 1936 г. Лагеря Национального Объединения, занимались выработкой общей программы идейно-воспитательной работы и координацией действий многочисленных проправительственных союзов и организаций. Итогом этой деятельности «санации» стало создание в феврале 1938 г. при Лагере Национального Объединения Службы Молодых, которая должна была стать, по мнению её создателей, руководящей инстанцией проправительственного молодёжного движения [120, с. 271].

Особо следует отметить, что патронаж властей не только определял главные направления деятельности проправительственных организаций, формально являвшихся самостоятельными, аполитичными и имевшими своё собственное руководство, но и обеспечивал им серьёзную материально-финансовую и методологическую поддержку, численный рост и «климат наибольшего благоприятствования» в общественно-политической жизни страны.

Одной из наиболее массовых молодёжных организаций 2 Речи Посполитой являлся Стрелецкий Союз «Стрелец» (Związek Strzelecki „Strzelec”). Его влияние распространялось и на молодёжь белорусских территорий, которые были захвачены Польшей в ходе польско-советской войны. Традиции Стрелецкого Союза восходили ещё к довоенному периоду. В 1908 г. власти Австро-Венгерской империи дали разрешение на создание польских военизированных организаций. Одной из таких организаций, Союзом стрелков, руководил Ю.Пилсудский. С началом Первой мировой войны военизированные союзы стали основой созданных по инициативе Ю.Пилсудского «Польских легионов», которые в дальнейшем сыграли важную роль в

возрождении независимости Польши [83, с. 166 – 167]. В 1919 г. «Стрелец» возобновил свою деятельность. В уставе союза было сказано, что его целью является «пробуждение и воспитание у своих членов национального духа, дисциплины, моральной и физической стойкости, а также распространение военных знаний» [178, с. 174]. Для реализации этой цели велась целенаправленная работа по военной подготовке, гражданскому и физическому воспитанию «гражданина-солдата на благо Речи Посполитой» [44, л. 105]. В Западной Беларуси и Западной Украине «Стрелец», кроме того, вёл значительную работу в духе «воспитания на кресах сознания спайки со всем государством» [87, с. 178].

Согласно уставу организации, её членами могли стать как юноши, так и девушки. Существовало внутреннее деление на следующие «воспитательно-возрастные группы»: а) «орлята стрелецкие» (с 13 до 17 лет), б) «юноши стрелецкие» 1 и 2 ступеней (с 17 до 19 лет), в) «стрельцы» (после 19 лет), делившиеся на допризывников и стрельцов-резервистов, то есть тех, кто прошёл армейскую службу [163, с. 8]. Источники свидетельствуют, что в основном Стрелецкий Союз объединял допризывную молодёжь в возрасте от 18 до 21 года [178, с. 174].

Официальная печать называла «Стрелец» общественно-военной организацией. Согласно ей, общественный характер организации придавали осуществление гражданского воспитания, принцип добровольности вступления, частичная выборность руководства и его ответственность перед рядовыми членами Союза, принцип самофинансирования - «давать, а не брать у государства». Военный характер организации проявлялся в реализации программы военной подготовки. Двойственность проявлялась и в системе руководства. Руководство состояло из двух элементов — «общественного» (избираемого, неоплачиваемого), называвшегося Правлением, и «военного» (назначаемого, оплачиваемого), получившего название Комендатуры [164, с. 83]. Об огромном внимании, которое уделялось военным руководством Стрелецкому Союзу в 30-е гг., свидетельствует то, что его Главную Комендатуру возглавляли старшие офицеры Войска Польского: бригадный генерал В. Яха-Рожен (1929 – 1931), полковники В. Русин (1931 – 1934), М. Фридрих (1934 – 1938), Ю. Тунгуз-Зависьляк (1938 – 1939) [178, с. 175].

Территориальная структура «Стрельца» совпадала с дислокацией военных округов польской армии. В Западной Беларуси действовали два округа Стрелецкого Союза - № 3 «Гродно» и № 9 «Полесский». Они соответствовали 3 и 9 округам Войска Польского со штабами в

Гродно и Бресте. Округ «Гродно» делился на подокруга с центрами в Белостоке, Вильно, Гродно и Молодечно. «Полесский» округ имел подокруга Новогрудок и Брест. Подокруга делились на поветы и гмины. В поветах создавались «Поветовые комендатуры Союза». Во главе их стояли специально назначенные для этой цели офицеры, освобождённые от всякой другой работы. В масштабе гмины «Стрелец» возглавляли гминные коменданты. Эта должность не являлась оплачиваемой и обычно её по совместительству замещали офицеры ближайших воинских частей. Только в исключительных случаях комендантами являлись гражданские чиновники, прошедшие военную службу и имевшие звание не ниже унтер-офицера. Округ был рассчитан на корпус «Стрельца», подокруг на дивизию или батальон, повет – батальон или полк, гмина – роту или полполка. Организационной единицей был отряд, охватывающий молодёжь в одной или нескольких деревнях [44, л. 106 – 107].

Основными источниками для развития деятельности «Стрельца» были дотации Главной Комендатуры Союза, членские взносы, пожертвования и помощь со стороны органов местного самоуправления. Следует заметить, что приказ военного министерства прямо обязывал оказывать опеку организациям, проводящим военную подготовку, не только армию, но и весь государственный аппарат [44, л. 114]. Окончательно данная практика была закреплена в 1933 году, когда был принят так называемый «Декрет об огосударствлении «Стрельца»», который фактически узаконил содержание стрелецких организаций за счёт местного управления. С этого момента «Стрелец» выступал не только как общественная организация, но и как «государственная площадка» Военной Подготовки. Именно это давало членам союза законодательно закреплённые льготы (право на сокращённый срок службы в армии, освобождение от налогов и т.д.) [34, л. 8].

Наряду со Стрелецким Союзом одной из наиболее массовых и активных проправительственных организаций 2 Речи Посполитой являлся Союз Сельской Молодёжи «Сев» (Związek Młodzieży Wiejskiej „Siew”), с 1934 г. называвшийся Союзом Молодой деревни (Związek Młodej Wsi). Как свидетельствуют архивные источники и литература, наибольшую активность он проявлял на территории так называемых восточных кресов, особенно в Виленском и Полесском воеводствах [178, с. 19].

Союз Сельской Молодёжи «Сев» возник в 1928 г. после раскола в общепольском Центральном Союзе Сельской Молодёжи (CZMW), произошедшем на базе отношения к правящему «санационному»

лагерю. Оппозиционные «санации» элементы, ориентированные на крестьянскую партию Стронництво Людове создали Союз Сельской Молодёжи Речи Посполитой «Вици», а сторонники «санации» вошли в состав Союза Сельской Молодёжи «Сев» (обе организации получили название от наименований своих центральных печатных изданий) [205, с. 68 – 69].

До 1931 г. ССМ «Сев» находился в организационном и идеологическом подчинении Центрального Союза Сельскохозяйственных Кружков – хозяйственной организации имевшей перед собой цель повышения продуктивности земледелия и обороны интересов сельского хозяйства, путём распространения сельскохозяйственных знаний, организации крестьян в профессиональные союзы и союзы самопомощи. Следует отметить, что эта организация возникла в рамках государственного плана унификации земледельческих организаций. Она объединяла наряду с крестьянами крупных земельных собственников и осадников, с самого начала своего существования являясь опорой «санации» в сельской местности [164, с. 175].

После 1931 г. ССМ «Сев» стал самостоятельной организацией. Его деятельность опиралась на собственный устав, что в значительной мере способствовало укреплению его авторитета и облегчило доступ к молодёжи. К 1934 г. его деятельность распространялась в западнобелорусском регионе на территории Виленского и Полесского воеводств.

На территории Новогрудского воеводства до 1934 г. действовал автономный Союз Сельской Молодёжи Новогрудской Земли (Związek Młodzieży Wiejskiej Ziemii Nowogródzskiej). Он также оформился после раскола Центрального Союза Сельской Молодёжи. Когда в 1930 г. перед кружками сельской молодёжи Новогрудского воеводства встал вопрос о присоединении к «Вици» или «Севу» был проведён специальный съезд. На нем было единогласно решено «сохранить для блага молодой окраинной деревни и для блага государственного дела полную самостоятельность и независимость от централей в Варшаве, чтобы защитить нашу территорию от нежелательной и вредной организационной борьбы в нездоровой атмосфере». «Вици» и «Сев» вынуждены были согласиться с таким решением [4, л. 4]. Хотя, следует отметить, что данная автономия была относительной. Так, Союз Сельской Молодёжи Новогрудской Земли присылал своих делегатов на все съезды, конференции и курсы, которые организовывались ССМ «Сев». Помимо этого, он использовал и его издательские возможности, помещая на страницах «Сева» свои коммуникаты (отчёты) [164, с. 65].

Тем не менее, на Новогрудчину в начале 30-х годов пытался просочиться и составить конкуренцию ССМ Новогрудской Земли Союз Народной Молодёжи (Związek Młodzieży Ludowej, СНМ), деятельность которого охватывала в основном собственно польские регионы 2 РП. Это вызвало конфликт этой организации с Новогрудским союзом. Он потребовал от СНМ отказаться от работы на территории воеводства, ликвидировать свои кружки или передать их в его ведение [4, л. 4]. Тем не менее, кружки СНМ продолжили действовать в Столбцовском, Барановичском и Новогрудском поветах. Кстати, подобная же «борьба за души» развернулась между СНМ и «Стрельцом» на Белосточчине [13, л. 1 – 3].

Конкуренция, сложившаяся среди всех этих организаций значительно ослабляла позиции «санации» в среде крестьянской молодёжи и мешала осуществлению планов правящего лагеря. Поэтому «санационные» круги предприняли ряд мер по объединению своих сторонников. Во-первых, эту конкуренцию должен был сгладить уже упоминавшийся Центральный Комитет по делам сельской молодёжи. Во-вторых, была проведена организационная консолидация многочисленных союзов сельской молодёжи. 4 сентября 1934 г. ССМ «Сев» объединился с рядом региональных организаций – Малопольским Союзом Сельской Молодёжи, Союзом Сельской Молодёжи Новогрудской Земли, Союзом Народной молодёжи и др. Новая организация стала называться Союзом Молодой Деревни. Ведущую роль в руководящих структурах нового Союза играли бывшие функционеры ССМ «Сев» [178, с. 19].

Официально Союз считался «культурно-просветительской организацией», ставящей перед собой цель «повышения духовного и хозяйственного уровня и гражданского чувства своих членов, обогащение культуры села и Речи Посполитой» [105, с. 3]. Согласно уставным документам, достижение поставленных целей Союза происходило на основе привлечения членов к проведению различного рода общественной деятельности: организации и проведении чтений, дискуссий, вечеров, театральных постановок, сельскохозяйственных курсов и конкурсов, строительству светлиц (клубов), созданию касс взаимопомощи и т.д. Необходимо подчеркнуть, что в Уставе специально оговаривалось, что «дела партийно-политической природы не входят в сферу деятельности Союза» [105, с. 4].

Тем не менее, ССМ «Сев» – СМД стоял на позициях «санационной» концепции «государственного воспитания», избрав своим лозунгом слова «Благо государства – наивысший закон» [132, с. 463]. Союз стремился к переустройству деревни эволюционным и прогрессивным

путём. Заявлялось, что ««Сев» стоит на позиции общественной и политической демократии, понимаемой как повышение культурного уровня масс и привлечение всего народа к работе для государства... считает, что единственной легитимацией человека является труд и его вклад в работу по строительству Польского Государства». В качестве воспитательного идеала выдвигался тип бойца-работника, образцом которого была личность Ю. Пилсудского [164, с. 62]. Ставилась задача «воспитывая душу молодого сельского человека в соответствии с идейными принципами Вождя Народа Маршала Юзефа Пилсудского, создать сознающего свои права и обязанности Совершенного Гражданина» [182, с. 1].

Организационная деятельность Союза строилась на основе разветвлённой, строго централизованной структуры с центром в Варшаве. Ему подчинялись воеводские Союзы – в Западной Беларуси – Виленский, Полесский, и (после 1934 г.) Новогрудский. Ведущими деятелями организации в Виленском воеводстве были В. Каминский и А. Савицкий, в Полесском воеводстве – С. Завадский и К. Гроховский. Причем К. Гроховский с 1929 г. входил и в Центральное Правление ССМ «Сев» в Варшаве [180, с. 52].

Воеводским Союзам в свою очередь подчинялись Окружные Союзы в поветах, объединявшие первичные ячейки – Кружки Сельской Молодёжи (Ko1ki Młodzieży Wiejskiej).

В отличие от «Стрельца» система руководящих органов ССМ «Сев»-СМД была намного более демократично построенной. Высшей властью считался ежегодный Общий Съезд, который тайным голосованием избирал Правление Союза. Из Правления формировался Президиум. На местах воеводские съезды, окружные собрания и собрания кружков соответствующим образом формировали местные руководящие органы. Предусматривалось не только строгое подчинение нижестоящих органов вышестоящим, но подотчётность руководства и его ежегодная ротация [105, с. 6 – 7, 13, 17].

Членами Союза могли быть совершеннолетние граждане Речи Посполитой, но при этом разрешалось членство и с 16 лет в качестве так называемых «элевов» (учеников, воспитанников) [105, с. 4]. Каждый член организации обязан был поступать «согласно с требованиями христианской этики и достоинства гражданина Речи Посполитой», соблюдать устав Союза и решения его вышестоящих органов, регулярно посещать собрания и платить членские взносы (причем Правление Кружка могло освободить своего рядового члена от уплаты взносов) [105, с. 16].

Ещё одной массовой организацией 2 Речи Посполитой стал Союз Польского Харцерства (Związek Harcerstwa Polskiego, СПХ), который охватывал в основном школьную молодёжь. Первые харцерские организации, действовавшие на принципах скаутинга, возникли на польских землях ещё до Первой мировой войны, в 1910 г. После создания независимого польского государства эти организации объединились в СПХ. Первоначально руководство Союзом находилось в руках польских национал-демократов, эндеков. Харцерская молодёжь воспитывалась в духе польского национализма и клерикализма. Представителям национальных меньшинств доступ в СПХ был закрыт [119, с. 55].

Представители «санационного» лагеря были недовольны таким состоянием дел. Они стремились ликвидировать засилье своих политических противников – эндеков, и изменить воспитательную направленность СПХ, что позволило бы расширить его общественную базу.

На IX съезде СПХ министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения С. Червинский настаивал на необходимости большего упора на общественное воспитание среди харцеров. При этом он требовал чтобы харцерские воспитатели старались находиться в «как можно более близком и тесном контакте с государственными властями, руководящими общественным воспитанием». Министр призывал отказаться от создания из харцерства «тихого острова, неподвижно возносящегося над быстрым течением современной жизни». По его мнению, такая изоляция может иметь только отрицательные последствия: кастовую исключительность и общественную омертвелость [174, с. 87 – 88].

На рубеже 20–30-х годов «санации» удалось захватить в свои руки власть в Союзе Польского Харцерства. Это привело к определённым изменениям. На чрезвычайном общем съезде СПХ (апрель 1930 г.) была по новому сформулирована цель Союза: «СПХ имеет целью: воспитание на принципах христианской этики методами скаутинга человека, сознательно служащего Богу, Польше и ближним, согласно с присягой и харцерскими правилами; распространение среди общества принципов харцерской жизни, использование принципов харцерских правил в гражданской службе и поддержание живого национального сознания и чувства государственных обязанностей». Помимо этого, отдельным пунктом была легализована принадлежность к Союзу представителей национальных меньшинств. Одновременно на чрезвычайном съезде было принято решение о так называемом «харцерском наступлении», предусматривавшем развитие СПХ как вширь, так и вглубь [175, с. 172]. Таким образом,

Союз должен был действовать в рамках осуществления «санационной» концепции «государственного воспитания».

Следует отметить, что в дальнейшем уставные цели были ещё раз уточнены, в сторону большего «государственнического» характера. Редакция устава СПХ 1936 г. заявляла, что целью организации является «подготовка молодёжи к сознательной, активной и жертвенной службе на благо Польского Государства, опирающейся на любви к Нему и солдатской готовности к Его обороне, бескорыстности, гражданской дисциплине и чести» [186, с. 181].

Идейным патроном Союза Польского Харцерства объявлялся маршал Юзеф Пилсудский. Упоминание о Боге и христианской этике сохранилось лишь в харцерской присяге и харцерских правилах. Согласно правилам, харцер должен был: служить Богу и Польше, добросовестно исполнять свои обязанности, держать своё слово, оказывать помощь близким, поступать по-рыцарски, любить природу, быть дисциплинированным, чистым в мыслях, словах и поступках, не курить и не употреблять спиртных напитков и т.д.

Осуществлять свои цели СПХ должен был через «проведение воспитательной работы харцерскими методами путём организации лагерей, игр и занятий, слётов, бесед и т.п., используя отрядную систему». Также предусматривалось проведение военной подготовки «в рамках, установленных государственными властями», обучение руководителей харцерской работой, создание и проведение библиотек, выставок, светлиц, касс взаимопомощи, организация издательской деятельности, проведение общественно-воспитательной акции в харцерском духе в обществе [186, с. 182].

В СПХ существовала достаточно сложная система членства, характерная для скаутского движения. Устав выделял следующие его виды: участники, харцмистры, активисты, старшие харцеры, сотрудничающие члены, поддерживающие члены. Школьники и школьницы и внешкольная молодёжь обоих полов в возрасте до 18 лет могли входить в организацию в качестве участников. Участники, в свою очередь, делились на харцеров (старше 11 лет) и зухов (младше 11 лет). Харцеры объединялись в дружины, зухи в – громады. Участников принимали с разрешения родителей или опекунов и, если речь шла о школьниках, с разрешения школьного руководства. Участники имели право пользоваться учреждениями СПХ, но не имели права голосовать [186, с. 182 – 183].

Дети и подростки в СПХ, согласно со скаутскими принципами, должны были пройти соответствующие ступени, сдав экзамен. В зуховских громадах для мальчиков предусматривалось три ступени

(зух, зух с одной звёздочкой, зух с двумя звёздочками), девочки могли получить 4 звёздочки. Для харцеров-мальчиков предусматривалось прохождение следующих ступеней – юниор (юнец), разведчик, бывалый, харцер-орлёнок, харцер РП. Для девушек – добровольки, пионерки, самаритянки, руководительницы, харцерки РП [162, с. 133 – 134].

Совершеннолетние харцеры, юноши и девушки, имеющие соответствующую подготовку становились харцмистрами. Именно на них возлагалась основная воспитательная работа с зухами и харцерами. Харцмистры имели право участвовать в выборах СПХ и занимать в нём должности. Функции, не связанные непосредственно с воспитательной работой, осуществляли активисты (активистки). Ими могли стать совершеннолетние харцеры или сотрудничающие члены. Активисты имели право избирать руководство всех уровней СПХ и сами быть избранными на окружном уровне. Старшим харцером (старшей харцеркой) становился воспитанник дружины, достигший 18 лет или закончивший школу. Впрочем, допускалось, что членство в дружине не является обязательным. Старшие харцеры имели право голосовать на выборах окружного руководства СПХ. Обязанностями харцмистров, активистов и старших харцеров состояли в соблюдении харцерских правил, активном участии в харцерской жизни, поддержка целей и идеологии Союза, а также в уплате членских взносов [186, с. 182 – 183].

Сотрудничающим членом мог стать каждый совершеннолетний человек, участвующий в работе Союза. Они объединялись в кружки друзей харцеров и имели право голосовать на окружных выборах СПХ. К поддерживающим членам относились физические и юридические лица, которые обязывались регулярно выплачивать установленные ими самими взносы. Избирательного права они не имели [186, с. 183].

Согласно уставу СПХ состоял из организаций харцеров, харцерок и друзей харцеров. Организация харцеров охватывала: харцеров и зухов, старших харцеров, харцмистров, активистов и сотрудничающих членов, исполнявших функции в харцерской организации. Аналогичной была организация харцерок.

Организация делилась на хоругви, а хоругви – на отряды (гуфцы). Отряды состояли из зуховских громад, харцерских дружин и кружков старших харцеров. Харцерская дружина обычно состояла из 4 отделений по 6-10 человек [186, с. 184].

Территориально СПХ делился на округа, а округа на обводы. Обводы обычно совпадали с поветами [186, с. 186]. Громады,

дружины и кружки, существовавшие на территории обвода составляли отряд (гуфец). В свою очередь, отряды на территории округа составляли харцеровскую хоругвь. Во главе дружины стоял «дружиновы», отряда – «гуфцовы», хоругви – комендант. Во главе всей организации харцеров стоял Начальник харцеров. Аналогичной была структура руководства и в женской харцеровской организации [186, с. 184]. К высшим руководящим органам СПХ относились, помимо Начальника харцеров и Начальницы харцерок, Общий съезд, Верховный харцерский совет, Руководитель СПХ, ревизионная комиссия, Верховный харцерский суд [186, с. 188]. Аналогичные органы действовали на окружном и обводовом уровнях.

Что касается фондов СПХ, то они должны были формироваться за счёт членских взносов, доходов от издательской деятельности и учреждений Союза, общественной и государственной помощи, пожертвований, даров и т.п. [186, с. 191].

Устав также закреплял обязанности Союза Польского Харцерства по отношению к государственным властям. Предусматривалось, что для постоянного контроля над хозяйственной и экономической деятельностью СПХ министр внутренних дел по согласованию с министрами просвещения и военных дел назначал специального делегата. Этот делегат участвовал в заседаниях руководящих органов Союза и обладал налагать вето на их решения. В области воспитания СПХ обязывался действовать в соответствии с распоряжениями министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, а в области ФВ и ВП – с распоряжениями министра военных дел. Все решения и воспитательные программы СПХ должны были быть предварительно согласованы в министерстве просвещения. Руководство Союза должно было также ежегодно представлять отчёт о своей деятельности контролировавшим его министрам. Кроме того, организационные ячейки СПХ, действовавшие в школах, подлегали контролю со стороны школьного руководства [186, с. 191 – 192].

Следует отметить, что Стрелецкий Союз и ССМ «Сев» - СМД охватывали в основном сельскую молодёжь, а СПХ действовал по преимуществу в школе. Для работы же среди городской рабочей и ремесленной молодёжи в 1933 г. была создана Организация Трудящейся Молодёжи (Organizacja Młodzieży Pracującej, OTM), в состав которой вошёл ряд региональных организаций. Одной из самых крупных таких организаций было Объединение Ремесленной и Промышленной Молодёжи Виленского воеводства (Zrzeszenie Młodzieży Rzemieslniczej i Przemysłowej woj. Wileńskiego), которая в 1933 г. насчитывала в одном только Вильно около 900 человек [44, л. 243].

ОТМ считалась, как и другие «санационные» молодёжные группировки, организацией стоящей вне политики. Главной её задачей провозглашалось распространение опеки над молодёжью в форме противодействия антигосударственным влияниям через воспитание в общественно-государственном духе. Большое внимание уделялось, прежде всего, помощи в трудоустройстве молодым безработным [164, с. 98].

Согласно «Инструкции Главного управления ОТМ о работе кружков рабочей молодёжи», основной организационной ячейкой ОТМ являлся очаг (огниско), охватывавший территорию района большого города. Во главе «очага» стоял руководитель. ОТМ действовала исключительно в городах и имела строгую иерархическую структуру. Исполнение руководящих функций зависело не от «случайных результатов выборов», а от прохождения так называемой организационной школы. Претендент на руководящую должность должен был получить степень лишь после соответствующего обучения и экзаменов [120, с. 89].

Молодёжь внутри ячейки делилась на коллективы (от 6 до 15 человек). Именно в рамках этих коллективов проводилась работа, имевшая своей целью «самовоспитание и формирование характера». Коллектив возглавлял передовик, назначенный руководителем «очага».

Одновременно в «очаге» ОТМ формировались так называемые «реализационные кружки» (певческие, музыкальные, театральные, спортивные, ремесленные и т.п.), в которые молодёжь входила вне зависимости от принадлежности к отдельным коллективам. Во главе кружков стояли соответствующие инструкторы, также назначаемые руководителем «очага». Таким образом, общественно-воспитательная работа проводилась в коллективах, а досуг и обучение – в кружках.

Члены ОТМ делились на кандидатов, участников и действительных членов. Кандидатом (в возрасте от 14 до 21 года) принимались в ОТМ руководителем «очага».

Инструкция признавала следующие средства воспитательной работы:

а) клубная работа (информация, техническое обеспечение, библиотека, чтение прессы, клубные вечера, пение, зрелища, краеведческие экскурсии, беседы, самообразование);

б) физическое воспитание;

в) обустройство «очага» и организация в нём мастерских;

г) самопомощь (предоставление возможности получить оплачиваемую работу (создание бюро посредничества труда), оказание мате-

риальной помощи нуждающимся, пропаганда бережливости и организация касс взаимопомощи [22, л. 1 – 5].

Именно последний момент – помощь в трудоустройстве и материальная поддержка – обеспечивал Организации Трудящейся Молодёжи рост численности и влияния в условиях экономического кризиса. Но по мере экономической стабилизации и выхода страны из кризиса влияние ОТМ и её численность пришли в упадок.

Следует особо остановиться на объединениях проправительственной ориентации, которые действовали в среде студенчества и молодой интеллигенции. Старейшей такой организацией был Союз Польской Демократической Молодёжи (Związek Polskiej Młodzieży Demokratycznej). Своё происхождение он вёл ещё с конца 19 века, а окончательно оформился в качестве, как планировалось, общепольской «санационной» студенческой организации в 1927 г. [178, с. 170].

СПДМ объединял молодежь, проникнутую идеями прогресса и социальной справедливости, но находившуюся под влиянием личности Юзефа Пилсудского. Программа Союза отличалась достаточным радикализмом. Декларация провозглашала необходимость «превращения нынешнего строя в таком духе, чтобы труд и капитал были крепко связаны через непосредственную заинтересованность трудящихся масс в производстве. Факторами экономической перестройки должны бать общественные организации, в первую очередь профсоюзы и кооперативы, стремящиеся к ликвидации антагонизма между трудом и капиталом» [120, с. 79 – 80].

Как и все «санационные» организации, СПДМ ставил интересы государства выше интересов отдельных социальных групп. Опорой государства должны были быть крестьяне, рабочие и трудовая интеллигенция [164, с. 30].

Важной составляющей идеологии Союза был антиклерикализм. СПДМ требовал полного отделения костёла от государства и введение гражданских браков. В области межнациональных отношений организация выступала за предоставление возможности национального развития украинцам и белорусам в рамках Речи Посполитой, считая, что это крепче соединит их с польским государством. В 1931 г. руководство Союза Польской Демократической Молодёжи признало, что наилучшим решением проблемы национальных меньшинств была бы федерация [161, с. 33].

В течение 30-х годов происходила дальнейшая радикализация СПДМ. В декабре 1933 г. Главное Правление Союза выдвинуло требование обязательного предоставления работы выпускникам вузов. Выдвигались также требования обобществления крупной промыш-

ленности, огосударствления внешней торговли, банков, средств связи, передачи контроля над производством профсоюзам, ликвидации крупной земельной собственности. Также СПДМ выступал против ограничений в гражданских правах по национальным, религиозным или расовым признакам [161, с. 57 – 58].

Радикализация привела к ослаблению связей с правящими кругами, а в дальнейшем и к организационному расколу на СПДМ-левицу и СПДМ-правицу в феврале 1936 г. Формально СПДМ перестал существовать в декабре 1938 г., когда совместно с Легионом Молодых был создан Легион Польской Молодёжи (Legion Młodzieży Polskiej) [178, с. 171].

В 1930 г. в Виленском университете, как и в других польских вузах, начала действовать ещё одна проправительственная молодёжная организация – Легион Молодых (Legion Młodych, ЛМ). Инициаторами её создания стали деятели одной из «санационных» группировок, так называемой «полковничьей группы». Это были сторонники курса «твёрдой руки», в отличие от либеральной «группы замковой» президента Речи Посполитой Игнатия Мосьцицкого, покровительствовавшей СПДМ [120, с. 80].

Высшей своей целью Легион Молодых считал расцвет Польского Государства. Идеологи организации провозглашали высшей хозяйственной, общественной и моральной ценностью труд человека. В первой идейной декларации (февраль 1930 г.) говорилось: «Человек труда и солдат – элита народа» [164, с. 21]. Достаточно радикальной была хозяйственная программа ЛМ, выдвигавшего лозунг «государства организованного труда», ограничения частной собственности и планового хозяйства: «Все наши усилия мы сосредотачиваем на задачах преобразования нынешнего строя в государство организованного труда руководимого организованной профессиональной верхушкой, ведущей государственное хозяйство на основе плановости». Признавалось даже положительное значение некоторых общественных экспериментов в СССР – «В Советах воздвигается на самом деле новая гигантская постройка человеческого быта» [44, л. 215].

Такая заострённая социальная фразеология вызывала нарекания на ЛМ со стороны консерваторов. Виленский консервативный журналист С. Мацкевич отмечал, что «ЛМ плавал в фразеологии, поставляемой советской пропагандой. За такую же болтовню, за такие же точно буквально лозунги, какой-нибудь Сенька из белорусской деревни шёл в тюрьму по подозрению в коммунизме, а студент-младолегионер – на обед с премьером» [142, с. 244].

На самом же деле организация выступала против всех «международных органов, которые ставят интересы отдельных классов и групп над интересами Государства в целом» [164, с. 21]. Таким образом, ЛМ противопоставлял себя как международному капиталу, так и Коминтерну. Враждебной силой для Государства считался и костёл, хотя одновременно признавалась большая этическая ценность религиозного фактора.

Радикальные программные установки и культ личности Ю. Пилсудского сближали обе проправительственные молодёжные организации. Главным же их различием было отношение к деятельности правящего лагеря. В отличие от оппозиционного СПДМ, первоначально ЛМ поддерживал политику Беспартийного Блока. Но в дальнейшем оппозиционные элементы усилились и в Легионе Молодых. Это привело к тому, что весной 1935 г. с предложением о роспуске ЛМ выступил инициатор его создания и многолетний покровитель Я. Енджеевич [160, с. 57].

Согласно первоначальным принципам, ЛМ должен был стать элитарной организацией, действующей в студенческой среде и воспитывающей руководящие кадры для молодёжного движения. Но с мая 1932 г. организация стала расширять своё влияние на деревенскую, городскую рабочую молодёжь и молодых чиновников. Это привело к тому, что в 1934 г. лишь 25 % членов ЛМ были студентами, остальные 75 % – не студенческий элемент, в основном молодые чиновники [164, с. 22 – 23]. Помимо студенческой, рабоче-ремесленной и чиновничьей среды ЛМ проник и на территорию средней школы. Он руководил деятельностью созданной в 1932 г. ученической организацией Передовая Стража (Straż Przednia, СП). В деятельности этой организации акцент делался на воспитание молодёжи «жертвенными и достойными гражданами РП, активно служащими польскому государству, для которых его благо, честь и свобода являются наиважнейшим делом» [185, с. 3]. Одновременно Передовая Стража должна была готовить будущих руководителей «санационных» организаций, в том числе и молодёжных союзов. О членах СП говорилось: «Если через несколько лет он – молодой юрист, врач или учитель – в далёкой местности приступит к работе в Лиге противохимической и противовоздушной обороны, «Стрельце» или кружке сельской молодёжи, то Государство будет спокойно за эту сферу общественной жизни» [141, с. 410].

Характеризуя проправительственные студенческие организации, следует упомянуть и о группе «Державная Мысль» (Mysl Mocarstwowa), также действовавшей в УСБ. В отличие от СПДМ и ЛМ, эта

организация ориентировалась на студентов происходивших из состоятельных слоев общества. Это объясняло достаточно консервативную направленность её программных принципов. ДМ выступала против классовости и национализма, считая, что классовая борьба уничтожает государство в результате борьбы капитала с трудом, а национализм угрожает целостности государства. Принцип частной собственности считался незыблемым. Католическая этика провозглашалась высшей моральной нормой в жизни личности, общества и государства. Идеалом государственности для ДМ была ягелонская Польша от моря до моря. Выдвигалась идея объединения славянских меньшинств в деле строительства державной мощи государства «через участие в развитии хозяйства при сохранении свободы культурной жизни». Державная Мысль осуждала антисемитизм как неэтичную и некультурную борьбу, видя разрешение «еврейского вопроса» в поощрении еврейской эмиграции в Палестину. Своеобразной чертой идеологии ДМ был польский империализм – утверждалось, что обладание колониями является жизненной необходимостью Польши. При всей своей не многочисленности организации (виленская организация ДМ насчитывала 100 членов), её идеология была достаточно популярной среди студентов [164, с. 27 – 29].

Таким образом, как мы видели, во 2 Речи Посполитой возникла разветвлённая сеть молодёжных союзов и объединений, находившихся под влиянием правящего «санационного» режима. Именно опираясь на них, власти планировали реализовывать основные направления своей молодёжной политики, в том числе и на территории Западной Беларуси.

3. 2. Создание проправительственных объединений молодежи на территории Западной Беларуси

В первую очередь следует отметить, что частью правительственной молодёжной политики стала поддержка и создание «санационных» молодёжных объединений. Местные воеводские и поветовые польские власти на территории Западной Беларуси проявляли значительную активность в этом направлении.

Например, в феврале 1930 г. Полесский воевода направил всем поветовым старостам специальное письмо, посвящённое вопросу создания отделений Полесского ССМ. В нём говорилось, что в ряду задач, которые стоят перед государственной администрацией, особенно на восточных окраинах, одно из важнейших мест занимает контроль над тем, чтобы развитие общественной жизни деревни шло

«по линии развития польского государственного пути». Воевода указывал, что «нынешнее правительство обращает заметное внимание на то, чтобы, прежде всего, подрастающее поколение получило такие условия развития, которые давали бы гарантию воспитания из нынешней молодёжи граждан, на которых Государство могло бы опереть своё развитие. Поэтому пан министр внутренних дел делает упор на как можно более успешное развитие организаций сельской молодёжи» [3, л. 17].

Воевода, объяснив сущность и задачи ССМ, отмечал, что работа Союза на местах будет проводиться в тесном согласии с поветовыми старостами: «Правительство морально и материально поддерживает деятельность ССМ и ожидает того же от территориального самоуправления, считая работу ССМ одной из важнейших задач нынешнего периода» [3, л. 17].

Старостам поручалось лично интересоваться работой Союза, оказывать материальную помощь «даже за счёт других позиций в делах просвещения, поддержки культуры или земледельческого просвещения». Кроме того, старосты должны были поддерживать постоянный контакт с воеводой и руководителем воеводского ССМ, незамедлительно доносить обо всех отрицательных явлениях в развитии организации или деятельности отдельных её представителей. В заключении воевода заявлял: «Лично я считаю развитие работы ССМ одним из важнейших факторов в исполнении тех заданий, которые возложены на нас, как представителей правительства и ответственных руководителях политической администрации, и ожидаю полного понимания важности опеки и сотрудничества в развитии этих работ» [3, л. 18].

Опека государственной администрации и деятелей «санации» проявлялась, в первую очередь, в непосредственном участии в организации проправительственных молодёжных союзов. Например, в Вильно почётные посты в «Стрельце» занимали такие лидеры «санации» как Я. Пилсудский (брат Ю.Пилсудского), бывший виленский воевода Киртыклис, бывший маршалок Сейма профессор Шиманский [44, л. 107]. Также обстояли дела и на поветовом уровне, где стрелецкие отряды возглавляли полицейские и местные чиновники [47, л. 63]. Что касается ССМ, то согласно отчётам поветовых чиновников, уже в 1930 г. абсолютное большинство руководителей ячеек ССМ на Полесье были членами или сторонниками ББСП [5, л. 18].

Правда, такая активность чиновничества имела и оборотную сторону. Архивные документы свидетельствуют, что у польских

властей просто-напросто не хватало чиновников, чтобы занять все руководящие посты в общественных организациях. Так, в 1930 г. поветовый комендант Стрелецкого Союза сообщал из Дрогичина о такой нехватке «руководящих людей»: «Большая трудность состоит в том, что кроме исполнения профессиональных обязанностей, почти каждый чиновник является одновременно членом правления какого-либо общественного товарищества или секции, поэтому часто они ходят с одного собрания на другое; а других избрать невозможно, так как их нет» [12, л. 6 – 7]. Фактически такое положение могло превратить деятельность того же «Стрельца» в формальность.

Одновременно большую роль в развитии проправительственного молодёжного движения играли осадники и помещики. Так, в 1935 г. в имениях Негневичского района помещики создавали из своих батраков отряды конных стрельцов (кракусов), их обучение осуществлял местный осадник [46, л. 17]. Однако в большинстве случаев инструкторами ВП были офицеры воинских частей, полиции или Корпуса Пограничной Охраны. Например, в местечке Глубокое занятиями местного отряда «Стрельца» руководил поручик из 85-го пехотного полка, которому помогали два плютоновых (взводных) того же полка [30, л. 78].

Также необходимо отметить большую роль в организационном и численном укреплении ССМ учителей польских школ. Так, в феврале 1932 г. Лидский ОК КСМЗБ сообщал: «В последнее время усилилась агитация фашистских организаций через Секретариаты Беспартийного Блока, Кулки Рольниче, ЗМВ и т.д. В одном Лидском округе учителями и работниками секретариатов ББ было проведено 700 докладов и 400 собраний. Иногда доклады устраиваются на белорусском языке» [27, л. 17]. В отчёте Полесского Воеводского Союза Сельской Молодёжи подчёркивалось, что «отношения с учительством заслуживают похвал. Учительство стоит у всех рабочих мест Союза. Оно принимает участие в работе Кружков, Окружных Союзов, Воеводского Правления, проводит беседы и курсы, режиссирует театральные постановки, советует словом, опекает, следит, поощряет» [181, с. 21].

Но, как отмечают архивные источники, взаимоотношения молодёжных объединений с местными властями и учительством не всегда складывались безоблачно, и поддержка не была абсолютной. Например, комендант ВП Слонимского повета сообщал, что «в м. Руде Яворской учитель Городко среди членов Стрелецкого Союза говорил, что к «Стрельцу надо принадлежать только для вида, а на самом деле ничего делать не надо». В том же Слонимском повете, в деревне

Роготна местный гминный войт «сопротивлялся покупке радио для Стрелецкого Союза» [20, л. 19].

Вообще следует отметить, что взаимоотношения польских чиновников и местного населения оставляли желать лучшего. Один из членов кружка сельской молодёжи из Брестского повета отмечал в своей автобиографии, опубликованной в исследовании официального Государственного института культуры деревни, что «одной из главных болячек нашей деревни (вызывающей возмущение и недоверие по отношению к правительству) является недопустимое поведение и отношение чиновников, представляющих правительство, к нашему крестьянину. Эти чиновники – исполнители поручений и приказов правительства, пропагандисты правительственных идей и мыслей. Это гминные, казначейские чиновники, полиция и т.п. На каждом шагу чувствуется какая-то неприязненная, высокомерная атмосфера, отсутствие сердечности и доверия. За одно только правильное слово против сразу же будешь назван хамом, подрывным элементом, коммунистом (последним обвинением слишком уж злоупотребляют)… В гминном или казначейском правлении, в суде или полицейском участке, везде к нашему крестьянину относятся не как к гражданину Государства, а как к враждебному Государству человеку, которого надо стричь, пока он даётся, душить, пока он тёплый, и, которому нельзя доверять ни в коем случае» [106, с. 12–13]. Естественно, такие взаимоотношения не способствовали развитию молодёжного движения.

Тот же автор, стоящий на «государственнических позициях», продолжал: «Недостатком, который в интересах Государства следует как можно скорее исправить, является полная незаинтересованность Государства судьбой сельской молодёжи и её жизнью. Лишённая всяческой опеки и помощи, сельская молодёжь блуждает крутыми дорогами ведущими к безднам драк, пьянства, преступлений, либо, как мухи на мёд, идёт на поводу у подрывной политической пропаганды враждебных Государству политических деятелей…

Там, где благодаря усилиям какого-нибудь тихого сельского деятеля возникает какая-нибудь организация, там чиновники, вместо того, чтобы прийти на помощь этой бедной слабой организации, стремятся (или из-за расхлябанности или по злой воле) только к тому, чтобы обременить её чем-либо, задержать её развитие. Организацией никто не интересуется, никто её не поддерживает. На неё и её членов смотрят с недоверием, собирая с помощью полиции данные о «благонадёжности» (может это только у нас на крессах так). Разумеется, это недоверие, отсутствие доброжелательного

сотрудничества, сердечности, шпионаж и т.п. вызывает у молодёжи разочарование и антипатию, а также отталкивает других от вступление в организацию...» [106, с. 13]. Следует отметить, что данное свидетельство относится ко второй половине 30-х годов, то есть уже после того, как Полесский воевода призывал поветовых старост лично интересоваться развитием молодёжного движения. Таким образом, роль местного польского чиновничества в развитии молодёжных союзов была неоднозначной. Даже официальные источники отмечали как поддержку, так и формализм, и даже враждебность.

Как уже говорилось выше, важной составляющей поддержки властями «санационного» молодёжного движения стала финансовая помощь. Это хорошо видно на примере Союза Сельской Молодёжи «Сев». Согласно уставным документам, основными источниками финансирования деятельности Союза были членские и вступительные взносы, доходы от проведения мероприятий, помощь от общественных и государственных институтов и пожертвования частных лиц [105, с. 9]. На практике же организация фактически находилась на государственном обеспечении, особенно это проявилось в период экономического кризиса. Об этом свидетельствует, например, отчёт о доходах Полесского Воеводского Союза Сельской Молодёжи за 1933 г. Так, членские взносы составили 487,60 злотых, доходы от издательской деятельности – 349,35 злотых. В то же время Центральным Комитетом по делам сельской молодёжи было выделено 4389,95 злотых, Правлением Полесского воеводства – 1450 злотых, Полесской Земледельческой Избой – 1000 злотых, местным комитетом Фонда Труда – 300 злотых, Правлением Брестского повета (на оплату инструкторов) – 960 злотых. Учитывая положительное сальдо за прошлый год (147,23 злотых) и другие доходы (316,20 злотых), мы видим, что из общей суммы в 9400,33 злотых государственные дотации составили 8099,95 злотых (более 86 %) [183, с. 16].

Ещё большие «финансовые вливания» получал Стрелецкий Союз. Так, комендатура Брестского округа «Стрельца» планировала доходную часть своего бюджета в объёме 354060 злотых. Из них 20000 должно было поступить от Полесского, Люблинского и Белостокского воевод, 80000 – от местного самоуправления, 30000 – от военных властей, 120000 – от Главного управления. В данном случае государственные дотации составили 310000 или более 87 % доходной части бюджета [4, л. 2]. Тем не менее, в вопросах финансирования не всё обстояло благополучно. В первую очередь это было связано с тяжёлым финансовым положением местного

самоуправления. Например, Полесский воеводский комитет ФВ и ВП отмечал, что часто местное самоуправление, «руководствуясь добрыми намерениями», выделяет на развитие деятельности по военной подготовке молодёжи суммы, «которые не может на протяжении года найти» [9, л. 15]. Поэтому основную финансовую помощь оказывали центральные органы власти.

Надо отметить, что государственные структуры, то же Главное управление ФВ и ВП считали, что финансовую помощь следует выделять «только тем организациям, которые не только лояльно относятся к начинаниям государственных властей, но и показывают большую организационную и численную силу» [10, л. 2]. Поэтому весомая финансовая поддержка – это свидетельство значимости и влияния «Стрельца» и ССМ в «санационном» молодёжном движении на территории Западной Беларуси.

Наиболее сильным влияние «санационных» молодёжных организаций было в среде сельской, крестьянской молодёжи. Тем не менее, на территории Западной Беларуси крупные отряды Стрелецкого Союза имелись также в Вильно, Белостоке, Бресте и Гродно. Так, Виленский общегородской стрелецкий отряд насчитывал до 700 человек. Самостоятельные ячейки «Стрельца» существовали и на ряде виленских предприятий (гута, государственная табачная фабрика и др.) [44, л. 108]. Стрелецкая организация действовала и в Виленском университете. Она являлась частью созданного в 1929 г. Академического отдела Стрелецкого Союза. Хотя стрельцы-студенты были достаточно многочисленными, их деятельность, за исключением участия в работе организаций студенческой взаимопомощи, была мало связана внутренней жизнью университета [160, с. 61]. Академический Отдел Стрелецкого Союза ставил перед собой цель, прежде всего, подготовки руководящих кадров для «Стрельца», он должен был стать «школой подхорунжих» для всего Союза [164, с. 83]. Характерно, что Главный комендант «Стрельца» сам признавал, что его союз охватывает ту часть молодёжи, «которая происходит из низших слоёв» [21, л. 2].

При этом численность Стрелецкого Союза постоянно росла. В 1934 г. по всей Польше насчитывалось 300000 её членов, из них в третьем и девятом округах – около 50000 человек. Согласно данным официальной польской прессы того времени, стрелецкая организация Виленщины являлась наиболее сильной во 2 РП. Уже в 1931 г. она насчитывала 300 отрядов и 7000 членов [44, л. 112]. Менее успешным был рост «Стрельца» на Полесье. По мнению польских властей, успешному численному росту организации здесь мешали малый

процент польского населения и «гигантский перевес национальных меньшинств». Кроме того, отмечалась и слабая работа местных правлений [21, л. 52 – 53]. К этим причинам следует добавить и уже подробно охарактеризованные выше взаимоотношения между представителями местных властей, которые входили в эти правления, и сельским населением на Полесье. Тем не менее, к 1939 г. общая численность Стрелецкого Союза в Польше достигла 500000 человек [91, с. 437].

Членами «Стрельца» на территории Западной Беларуси становились в первую очередь дети чиновников и осадников, поляков и белорусов-католиков. В ряде имений под нажимом помещика в конные формирования стрельцов-кракусов записывали молодых батраков и сезонных рабочих. Это подтверждается многочисленными документальными свидетельствами. Так, в отчёте Гродненского ОК КСМЗБ в конце 1932 г. сообщалось: «В «Стрельце» в Скиделе в основном сынки чиновников или они сами. Но они стремятся закладывать свои гнёзда по деревням и там втягивают крестьянскую молодёжь, организовывая гулянки, говоря о героях отечества и о войне» [37, л. 16].

Следует заметить, что для простой крестьянской и рабочей молодёжи стрелецкая организация была достаточно привлекательна. В документах ЦК КСМЗБ перечислялись основные причины количественного роста Стрелецкого Союза на территории Западной Беларуси: усиление шовинистической пропаганды среди польской и католической части белорусской молодёжи, перестройка деятельности «Стрельца» в направлении удовлетворения нужд молодёжи, расширение оборудования светлиц (стрелецких клубов), выделение новых штатных кадров, подготовка и переподготовка в широком объёме руководителей из самой молодёжи [47, л. 13].

Большую роль в привлечении молодёжи в Стрелецкий Союз, конечно же, играли льготы, предоставляемые участникам организаций ВП (сокращение срока военной службы, право на выбор рода войск и т.п.). Кракусы освобождались от некоторых налогов и повинностей, например, шарварков и «военного» налога [44, л. 15]. Они могли также дёшево и в рассрочку приобрести лошадь, обмундирование и т.д. [49, л. 4]. Полесский воеводский комитет ФВ и ВП в одном из своих отчётов признавал, что «в значительном количестве отрядов желание работать в ВП опирается только на надежду, что члены организации получат за работу в будущем определённые льготы на военной службе» [1, л. 53].

Немаловажным было и то, что в условиях экономического кризиса, который разразился в Польше, руководство «Стрельца» могло содействовать предоставлению рабочих мест своим членам. Так, в Бресте под эгидой стрелецкой организации существовало «посредничество труда», занимавшееся проблемой ликвидации молодёжной безработицы [24, л. 380]. Стрельцы всегда могли рассчитывать на материальную поддержку властей. Например, на Виленщине во время неурожая и голода 1934 г. гминные рады (управы) оказывали помощь (зерном, мукой, картофелем) в первую очередь тем сельским хозяевам, которые состояли в Стрелецком Союзе [59, с. 356]. Предусматривались и некоторые другие «прерогативы» для членов военизированных объединений. Известно, что в целях пропаганды ВП командующий округом № 9 «Брест» генерал Трояновский добился от хозяев кинотеатров «определённых уступок, льгот и прерогатив членам организаций ВП» [1, л. 72].

В свою очередь, погоня за различными льготами, которые существовали для членов союза, не могла не сказаться отрицательно на качестве членства организации. Поэтому имеется доля правды в отчёте КСМЗБ из Беловежи за октябрь 1934 г., в котором говорится: «Стрельцы это надутый пузырь, не больше. Там набрали деревенских подростков, которые идут для того, что пускают в кино бесплатно. Вот их идейность» [46, л. 124]. О низкой идейности стрельцов сообщал и комендант ВП из Кобрина: «Идейность членов за небольшим исключением мизерна. Участие в работе принимают из корысти. Из идейных побуждений работают единицы, преимущественно стоящие на руководящих постах Стрелецкого Союза» [12, л. 12].

Но было бы ошибкой оценивать всех стрельцов, как людей стремившихся в организацию только ради материальных благ. Кроме различных льгот, молодёжь вовлекалась в союз, несомненно, умело организованной патриотической пропагандой, возможностью участвовать в различных соревнованиях, походах, развлекательных мероприятиях, «военной» романтикой и даже стрелецкой униформой. Для юношей и девушек, искавших применение своим силам и энергии, стрелецкая организация предлагала множество возможностей для самореализации. Работники КСМЗБ признавали, что среди членов «Стрельца» есть и «боевые, активные элементы, которые рвутся на какую-нибудь работу и фашизм использует их активность в своих интересах» [37, л. 98].

Руководство Стрелецкого Союза неоднократно заявляло на официальном уровне о больших успехах организации в округах № 3 «Гродно» и № 9 «Брест». Этому противоречили секретные рапорты

армейских структур. Они утверждали, что, не смотря на поддержку со стороны властей, Стрелецкий Союз не достиг ожидаемых результатов. Высказывалось мнение, что крестьянская молодёжь чаще всего притягивает к организации соблазн занятий с оружием в руках, в то время как пропагандируемая идеология оказывает незначительное влияние. С неохотой это мнение были вынуждены разделить и руководители «Стрельца». Что касается Западной Беларуси, то те же секретные рапорта во второй половине 30-х годов сообщали, что в округе № 3 «Гродно» Союз вёл «растительное существование из-за фатального экономического положения деревни», а в округе № 9 «Брест» «работа Стрелецкого Союза встречала серьёзные трудности из-за большой бедности деревни и сильной коммунистической агитации». Опору организации там могли составить только польские деревни и осадники. В это же время ситуация «Стрельца» в коренных польских воеводствах была значительно лучше [153, с. 60 – 67].

Наряду со «Стрельцом» ССМ «Сев» - СМД также стремился охватить как можно большее количество сельской и местечковой молодёжи. Источники свидетельствуют, что в ряде мест в организацию удавалось привлечь не только молодых белорусов и поляков, но и евреев [32, л. 480]. Однако в первую очередь ССМ «Сев» - СМД объединял детей работников польской администрации, осадников, поляков и белорусских крестьян польской ориентации [70, с. 297]. Об этом свидетельствует, например, отчёт КСМЗБ о состоянии и работе за 1934 г., в котором приводились данные о национальном и классовом составе кружков ССМ «Сев» в Виленском воеводстве на 1934 г.: в 248 кружках состояло 3610 членов, из них поляков – 3016, белорусов – 395, литовцев – 140; крестьян – 2980, ремесленников – 141, учителей – 101, рабочих – 90 [47, л. 299].

При этом следует отметить, что власти стремились к тому, чтобы местные организации возглавляли именно поляки. Так, в одном из документов отдела общественной безопасности Полесского воеводства отмечалось, что «создание смешанных (*в национальном отношении*) организаций является желательным при условии, что руководство таких организаций должно находиться в польских руках и в правлениях должен иметь перевес явно польский элемент». Одновременно в том же документе поветовым старостам давалось распоряжение узнать «не является ли наплыв непольской молодёжи в кружки сельской молодёжи плановой работой антигосударственных элементов с целью разгрома польских организаций на селе» [3, л. 12].

Что касается общей численности Союза на территории западнобелорусского региона, то оценить её достаточно сложно. Прежде всего необходимо учитывать то, что как сообщают архивные материалы, кружки Союза «чаще всего существуют только на бумаге... Они создаются чаще всего под влиянием войтов и комендантов постарунков для их собственной карьеры» [47, л. 63]. Осложняет подсчёты текучесть кадров и недолговечность местных ячеек. Например, согласно официальному отчёту, в марте 1934 г. в Полесском воеводстве было организовано 6 новых кружков и одновременно из-за отсутствия работы распущено 4 [47, л. 62]. В материалах ЦК КСМЗБ за 1933 г. отмечалось следующее: «В отличие от «Стрельца» Союз Сельской Молодёжи не представляет из себя такой дисциплинированной организации. Здесь не только текучесть в ряде кружков, но и замирание, и повторное оживление целых кружков, и даже кружков в целых местностях» [44, л. 242]. Этот же материал всё же даёт некоторое представление о численности и размахе деятельности Союза в 1932 г.: «По Полесскому воеводству Союз Сельской Молодёжи официально насчитывает 6.000 человек; по Виленскому и Новогрудскому воеводствам массовой работой за 1932 г. было охвачено до 250.000 человек» [44, л. 242]. При этом власти стремились при помощи создания ячеек ССМ вытеснить коммунистическое влияние. Об этом говорилось в одном из писем ЦК КСМЗБ: «Оккупанты ставят ставку после «очищения» – методом пацификации революционных деревень – организационно укрепиться в этих же деревнях созданием Союза Сельской Молодёжи (проба заменить партию и комсомол своей организацией)» [34, л. 10]. Власти часто отдавали предпочтение созданию в усмирённых районах именно кружков ССМ «Сев» – СМД, а не, например, «Стрельца». В отчёте Пинского ОК КПЗБ за июль 1934 г. сообщалось, что в Высоцком районе местная администрация настояла на организации кружка ССМ, а не «Стрельца», «мотивируя тем, что если им *(т.е. местной молодёжи)* дать оружие, то завтра уйдут в лес» [42, л. 35]. Подобная же практика существовала и на Новогрудчине. Так комендант Новогрудского подокруга Стрелецкого Союза отмечал в своём рапорте: «Принимая во внимание, что отряды Стрелецкого Союза, как проводящие ВП, то есть имеющие оружие, организовываются в тех районах, где население благожелательно настроено по отношению к Польскому Государству, в то время там, где население настроено враждебно, Стрелецкий Союз не создаёт своих отрядов и освобождает эту территорию для деятельности Молодой Деревни» [19, л. 6].

На протяжении всех 30-х годов Союз постоянно расширял свою деятельность. Так, если Полесское отделение в 1930 г. насчитывало 132 кружка [181, с. 5], то в 1934 г. их уже имелось 243 [183, с. 2]. Автономные Новогрудский и Белостокский союзы сельской молодёжи в 1934 г., т.е. на момент создания Союза Молодой Деревни, объединяли в своих рядах 18000 человек [164, с. 76]. Как показывает польская историография, общая численность членов ССМ «Сев» – СМД на всей территории польского государства в 1938 г. достигла 170.000 человек [120, с. 165].

Что касается других «санационных» молодёжных организаций, то их деятельность на территории Западной Беларуси не приобрела такого размаха, как у «Стрельца» или Союза Сельской Молодёжи «Сев» – Союза Молодой Деревни. Так, например, Союз Польского Харцерства охватывал в основном городскую школьную молодёжь старших классов. При этом власти стремились ограничить деятельность других организаций на территории школ. Директорам школ рекомендовалось поддерживать «организации, дающие молодёжи возможность активной разгрузки и воспитывающие этим путём». К таким организациям относились, помимо СПХ, кружки ВП, краеведческие, спортивные, драматические и технические кружки, Красный Крест, Лига противовоздушной и противохимической обороны, Морская Лига [154, с. 146]. В 1932 г. к этому списку была добавлена находившаяся под влиянием Легиона Молодых Передовая Стража [155, с. 248].

Что касается ЛМ, то он вместе с СПДМ действовал в студенческой среде УСБ. Но, как уже говорилось выше, Легион Молодых сделал определённые шаги по распространению своего влияния за университетские пределы, но эта попытка закончилась неудачей. Первоначально это акция, в основном благодаря поддержке властей, развивалась относительно успешно. Многие представители чиновничества и молодой интеллигенции вступали в ЛМ, надеясь на карьерный рост. Виленский консервативный журналист С. Мацкевич иронизировал, что «эта молодёжь объединяется с целью добычи государственных постов, которых начинает не хватать, так как вся польская интеллигенция желает стать чиновниками» [142, с. 239].

Что касается Западной Беларуси, то третий конгресс «младолегионеров» принял решение взять кресы под свою опеку [52, л. 36]. При этом одной из своих задач ЛМ провозглашал «осознание обществом значения ценности Восточных кресов для Государства и создание типа гражданина, который бы на каждом посту на кресах считал

работу почётной обязанностью, а не печальной панщиной, как это было не раз до этого» [18, л. 19].

Следует сказать, что первоначально антикапиталистическая фразеология борьбы «за справедливую Польшу, в которой дети будут узнавать о безработице только от учителей истории, в которой совместная жизнь народов не будет требовать пацификации и виселиц» делала Легион Молодых привлекательной для западно-белорусской молодёжи. Привлекательным был также антиклерикализм организации и негативное отношение к ней костёла. Так, в информации Белостокского ОК КПЗБ сообщалось, что в Волковыске группа молодёжи присоединилась к ЛМ, после того как местный ксёндз в своей проповеди объявил эту организацию коммунистической [45, л. 114]. Особенную активность Легион Молодых проявлял, как отмечают источники КПЗБ, там, где рабочая молодёжь покинула те или иные «санационные» организации (прежде всего «Стрелец»). Так, после забастовки текстильщиков на Белосточчине в 1933 г. и распада там стрелецких отрядов, на смену им приходили ячейки ЛМ [44, л. 243]. Согласно архивным документам, в Западной Беларуси в составе «младолегионерских» отрядов было свыше 1000 человек, в основном поляков – рабочих и представителей государственного аппарата. Наибольшую активность организация проявляла на Белосточчине [47, л. 63]. Одновременно были попытки создания ячеек ЛМ среди учащихся старших классов школ.

Но, как уже отмечалось выше, среди членов союза шёл процесс радикализации и разочарования в деятельности организации. Показателен в этом отношении белостокский городской отряд «младолегионеров». В 1932 г. он насчитывал 500 человек. За два следующих года произошёл массовый отток молодых рабочих, причем часть из них была исключена за «радикализм». В итоге, в конце октября 1934 г. в местном ЛМ было записано 170 человек, из них лишь 80 являлись активными членами организации. Когда верховное руководство ЛМ приняло решение распустить окружной комитет, он призвал «младолегионеров» вступать в ППС [48, л. 143].

В 1935 г. Кружок Сеньоров ЛМ – представители правящего лагеря, покровительствовавшие союзу, – отказали ему в поддержке. Фактически это привело к кризису организации. Об этом, например, свидетельствовал отчёт общественно-политического отдела Полесского воеводского правления. Отчёт отмечал, что в середине 1934 г. в Бресте была организована комендатура Полесского округа ЛМ, которой подчинялось 7 обводов и 5 местных кружков с более чем 300 членами. Но «осуждение методов работы ЛМ со стороны Кола

Сеньоров в 1935 г. стало поворотным пунктом в деятельности ЛМ на Полесье. Выдающиеся личности, активно участвовавшие в организации по идейным взглядам, из солидарности с Колом Сеньоров отказались от работы. Затем отпали те, кто посчитал бессмысленным продолжать деятельность в объединении, официально осуждённом государственными деятелями. В результате в Легионе Молодых остались только те, кто из-за своих амбиций решил удержать организацию и не допустить её самороспуска. Только благодаря их усилиям в самом сокращённом состоянии удержались комендатура округа и 4 обвода (Брест, Кобрин, Лунинец, Пинск), из которых только один – пинский – подаёт определённые признаки жизни». Согласно отчёту, в апреле 1936 г. ЛМ на Полесье насчитывал только около 50 человек. При этом организация не имела никакого влияния и не вела никакой деятельности [2, л. 30].

Таким образом, самыми массовыми и влиятельными молодёжными организациями, созданными «санацией» на территории Западной Беларуси, стали «Стрелец» и ССМ «Сев» – СМД. Именно в их рамках и реализовывались основные концепции правительственной молодёжной политики.

3. 3. Реализация «санационной» молодежной политики на территории Западной Беларуси

Как уже отмечалось выше, одним из главных направлений молодёжной политики «санационного» режима стала военная подготовка молодого поколения. Реализация этого направления была невозможна без участия общественных организаций. Школьные отряды ВП не могли охватить всех допризывников, так как во 2 РП средняя школа была доступна лишь небольшой части молодого поколения. Так, например, в 1935 г. из 574 тысяч юношей в возрасте 17 – 19 лет только 51 тысяча (около 9 %) посещала среднюю школу [127, с. 85]. Следует сказать, что на территории Западной Беларуси этот процент был ещё более низким. Тем временем военные власти стремились охватить военным обучением, как можно большее количество будущих солдат. В этом им должны были помочь проправительственные общественные объединения.

Если говорить о молодёжных организациях, то наиболее активно и целенаправленно акцию ВП проводил Стрелецкий Союз. Также ей занимались и другие союзы. Например, среди школьной молодёжи, помимо созданных школьными властями отрядов ВП, эту работу вёл СПХ.

Существовала тщательно разработанная двухгодичная программа обучения. Она была схожей, как для школы, так и для общественных организаций. ВП была разделена на следующие разделы: физическое воспитание, стрелковое обучение, боевая подготовка, служба.

Раздел «Физическая подготовка» предусматривал марши, прыжки, бег, метание, элементы фехтования, спортивные игры (в т.ч. футбол, баскетбол), легкую атлетику, плавание. Вторая часть программы – «Стрелковое обучение» – включала изучение оружия и обучение стрелковому делу [198, с. 7 – 9].

«Боевая подготовка» готовила к поведению в бою. Раздел «Служба» в свою очередь включал такие подразделы как муштра (строевая подготовка), организация вооружённых сил, внутренняя служба (изучение военных уставов), солдатские качества, знания о Польше, охрана военных тайн [189, с. 2].

Следует отметить, что, согласно программе, весь материал ВП должен был не только учить, но и воспитывать. Так, например, физическое воспитание должно было формировать не только телесные умения, но и силу духа. Реализовать эти воспитательные качества должен был инструктор ВП. Для этого от инструктора требовались личный пример, отличное знание предмета, энергия и дисциплина, терпение и уважение к обучаемым, справедливость и забота к подчинённым, учёт возможностей обучаемых, качественная подготовка к занятиям [189, с. 10 – 11].

Как правило, занятия ВП проводились регулярно 1 – 2 раза в неделю. Всё обучение подразделялось на две ступени, школа младших и школа старших юношей. Всё обучение должно было заканчиваться летними лагерями. Согласно инструкции Главного управления ФВ и ВП на отдельные предметы отводилось следующее количество времени (в часах):

Таблица 2. **Распределение времени в школьных отрядах ВП, ч [14, л. 28].**

Предмет	школа		летние лагеря (только для школы старших)
	младших	старших	
1. Физическая подготовка	10	10	20
2. Стрелковое обучение	40	35	30
3. Боевая подготовка	40	45	50
4. Служба	20	20	5
Всего	110	110	105

Таблица 3. **Распределение времени во внешкольных отрядах ВП, ч [14, л. 28].**

Предмет	школа		летние лагеря (только для школы старших)
	младших	старших	
1. Физическая подготовка	35	35	30
2. Стрелковое обучение	40	35	30
3. Боевая подготовка	35	40	40
4. Служба	20	20	5
Всего	130	130	105

В лагерях проводился заключительный экзамен, имевший своей целью определить степень подготовленности юношей. При этом рекомендовалось проводить экзамен по предметам, которые юноши изучали слабее всего. После успешной сдачи экзаменов происходило торжественное вручение свидетельств об окончании 2 ступени ВП. Условия получения свидетельства предусматривали: окончание 1 ступени ВП, полный год работы в отряде старших юношей, получение Польской Одзнаки Спортовей (аналог советского значка ГТО), прохождение предусмотренных программой маршей и стрельб, заплыв (25 м вольным стилем), достаточное овладение предметами обучения [14, л. 24 – 25]. Свидетельство о 2 ступени ВП давало право на льготы при прохождении военной службы.

Следует отметить, что программа военной подготовки на территории Западной Беларуси имела некоторые особенности. Известно, что военная доктрина Польши строилась на планах оборонительной войны с СССР. В соответствии с этим значительное внимание в ходе военной подготовки стрельцов уделялось обучению их партизанским действиям. Об этом говорят, например, архивные документы ЦК КСМЗБ за 1932 г.: «В районе Гродненского округа проводились военные смотры осадников. Там же проводились практические упражнения стрельцов. Эти упражнения проводятся с расчётом подготовки стрельцов к партизанским действиям» [34, л. 261]. Одновременно особое внимание уделялось развитию стрелецкой организации в приграничных с БССР поветах. По неполным данным в 1933 г. там имелось 56 отрядов «Стрельца» с 1695 членами. Они были «насаждены» вдоль железных дорог и стратегических пунктов. Например, вдоль железнодорожной линии Молодечно – Вилейка действовало 10 стрелецких отрядов общей численностью 450 человек

[44, л. 114]. Несомненно, что польское командование рассчитывало использовать структуры «Стрельца» для диверсионной и партизанской деятельности в случае возможного нападения со стороны СССР.

Помимо работы в школьных отрядах ВП и общественных организациях, часть западно-белорусской молодёжи была охвачена так называемой специализированной ВП, самой известной формой которой была Конная Военная Подготовка (КВП) или «кракусы».

Название «кракусы» было связано с традициями польских вооружённых сил. Первоначально так назывались кавалерийские отряды, созданные князем Ю. Понятовским из крестьян Краковского воеводства и участвовавшие в наполеоновских войнах. Эта импровизированная кавалерия хорошо проявила себя и в период восстания 1830 – 1831 гг. Во время 2 Речи Посполитой так стали называть кавалерийские формирования, которые занимались военной подготовкой населения.

Главным принципом КВП состоял в том, что доброволец – резервист или допризывник – являлся в свой отряд ВП на собственном коне [197, с. 278]. Первые эскадроны кракусов начали создаваться в конце 20-х годов. Как и другие формы ВП, кракусы находились под контролем Главного управления ФВ и ВП, которое утвердило специальные комендатуры КВП. Причём следует отметить, что одна из первых таких комендатур была создана в августе 1929 г. на территории Волковысского повета на базе дислоцировавшегося там 3 полка конных стрелков [11, л. 7].

После того, как формирования кракусов показали свою дееспособность, кавалерийский департамент министерства военных дел выступил с инициативой использования их в качестве дивизионной кавалерии. Это нашло отражение в инструкции, которая была издана в ноябре 1936 г. Государственным управлением ФВ и ВП. Согласно инструкции, задачей КВП являлось: «тренировка и подготовка к работе под седлом лошадей, которыми предусматривалось пополнять отряды кавалерии и пехоты в военное время, и тем самым содействовать боевой кавалерийской подготовке резервистов, распространение среди призывников интереса к лошади, а также содействие углублению знаний сельского населения о принципах разведения и ухода за верховыми лошадьми» [197, с. 279].

Инструкция указывала, что служба в отрядах кракусов является добровольной. Условием принадлежности к КВП было наличие собственного коня. За пропагандистскую, организационную работу и обучение отвечали пехотные дивизии, кавалерийские полки и эскадроны КОП. Командующие военных округов должны были

обеспечить кракусам соответствующие условия: бюджет, помощь административных властей и т.д. Контроль над КВП осуществляли руководители окружных управлений ФВ и ВП. При этом инструкция отмечала, что «не следует гнаться за молниеносными количественными эффектами – не количество, а качество свидетельствует о результатах» [197, с. 280].

Командиры военных частей должны были назначать районного коменданта КВП из числа своих офицеров. Комендант, в свою очередь, должен был налаживать сотрудничество с руководством общей ВП. Большое внимание придавалось подбору инструкторских кадров. Инструкторами должны были быть офицеры и подофицеры резерва. Кроме профессиональных знаний, они должны были иметь «высоко развитую идейность и энтузиазм, ясный взгляд на цель и сущность работы в конной ВП, умение интеллигентного использования методик обучения в условиях службы, отличающихся от казармы, такт и решительность в подходе к гражданскому обществу» [197, с. 280].

Программа обучения кракусов строилась на тех же принципах, что и программа ВП в общественных организациях. Время обучения занимало два года (две ступени обучения). Занятия обычно проходили в воскресенье или в праздничные дни (четыре часа в день). В среднем выходило 36 дней занятий в год. Это время делилось на два периода – осенне-зимний и весенне-летний. В конце каждого периода проходили двухдневные сборы. После окончания второго года обучения (школы старших) кракусы должны были пройти 3-5 дневные сборы, во время которых они проходили боевую и стрелковую подготовку в поле. Также кракусы-резервисты могли быть призваны со своими лошадьми на специальные, совместные с войсками, сборы (до 7 дней зимой и 14 дней летом). Во время этих сборов они получали плату, обмундирование и питание согласно армейским нормам [197, с. 280].

Основной организационной единицей КВП был взвод, который состоял из 3 – 5 секций по 6 человек. Район взвода должен был охватывать местность в радиусе до 10 км. Из 3 – 5 взводов создавался эскадрон кракусов (обычно в границах одного повета) [197, с. 281]. Как отмечают польские исследователи, ряды КВП пополняла допризывная молодёжь, которая проходила военную подготовку 1 и 2 ступеней, резервисты кавалерии и отставные подофицеры. Из многочисленных добровольцев, которые не имели собственных лошадей, создавались внештатные взводы велосипедистов [197, с. 282].

Основой обучения в эскадронах КВП стал учебник «Кракус», который помимо непосредственно учебного материала содержал права и обязанности кракусов. Довольно подробно учебник оговаривал льготы, которыми пользовались члены КВП. Также как и другие участники ВП, они получали ряд льгот во время прохождения действительной военной службы. Кроме того, предусматривались премии, компенсации и экономические льготы для собственников лошадей, которые были отданы в КВП. Например, выплачивалась денежная компенсация за вред, причинённый животному во время занятий КВП. Ветеринарная помощь оказывалась бесплатно. Также хозяин получал денежные премии за поставку лошадей на занятия и специальные сборы. Районные коменданты кракусов могли получать от местного самоуправления освобождение хозяев лошадей кракусов от гминой подводной повинности. Кони кракусов освобождались и от налоговых экзекуций [134, с. 474 – 476].

Инспекции министерства военных дел 1933 1934 гг. показали, что не смотря на экономический кризис, крестьяне заинтересовались добровольной кавалерией. Так, государственный бюджет в 1934/35 г. мог обеспечить обучение в КВП 5600 человек, в то время как добровольцев было значительно больше. Это было связано с тем, что служба в кавалерии была очень популярной среди сельской молодёжи – традиционная слава польской кавалерии оказывала своё психологическое воздействие. Что касается социального состава кракусов, то абсолютное большинство их составляли крестьяне – 88 %. Остальные – 6 % помещики и 6 % батраки [153, с. 72 – 73].

Согласно мнению польских историков, главными факторами, которые склоняли сельское население к занятиям в КВП, были патриотизм и чувство гражданского долга, любовь к верховой езде и популярность кавалерии. И только на третьем месте указываются льготы, поскольку они всё-таки не могли компенсировать всех расходов крестьянина-кракуса. Кроме того, отдельно выделяется фактор, который действовал на территории Западной Беларуси и Западной Украины: «польских крестьян на восточных кресах (особенно осадников) к КВП могла склонять позиция соседей, которые открыто высказывали недовольство присутствием «ляхов»» [153, с. 77]. Таким образом, фактически признаётся, что КВП использовалась как средство борьбы против местного населения и установления польского господства на оккупированной территории.

К концу 30-х годов организационное развитие КВП достигло значительных успехов. В 1937 г. в Главном управлении ФВ и ВП был создан пост генерала по делам КВП. Летом того же года прошли сборы

кракусов для занятий совместно с регулярными частями. Во время их пехотные дивизии должны были выставить отряды «своих» кракусов.

Так, например 29 пехотная дивизия (Гродно) призвала на летние занятия 100 конных кракусов. На сборы явилось 64 человека. Основу эскадрона составляли резервисты, но также были и допризывники. Командир дивизии полковник В. Пекарский дал следующую характеристику эскадрону: «Часть кракусов не явилась по причине неотложных полевых работ, кони были ослаблены после сельскохозяйственных работ, но хорошо выдержали занятия под седлом. Кракусы были дисциплинированы, хорошо справлялись с задачами полевой службы. Во время междивизионных занятий кракусы, не смотря на усталость и недосыпание, проявили выдержку и хороший дух» [197, с. 284].

В 1937 г., после летних дивизионных занятий, кракусы также приняли участие в больших осенних маневрах. Вместе с другими свои эскадроны кракусов выставили 1 пехотная дивизия (Вильно), 19 пехотная дивизия (Новая Вилейка) и 30 пехотная дивизия (Кобрин). Маневры продолжались 14 дней. Эскадроны кракуосв насчитывали по 100 всадников. Участники получили по 45 злотых за выставленного коня, а также питание для себя и фураж для лошадей. Польские авторы отмечают, что во время несения полевой службы кракусы показали себя не хуже, чем регулярная кавалерия [197, с. 282].

Тем не менее, развитие КВП с самого начала сталкивалось с рядом трудностей. Эскадронам кракусов не хватало обмундирования и конской упряжи. Их покупка обходилась крестьянам слишком дорого [153, с. 71]. Финансовые трудности препятствовали планам министерства военных дел и Генерального Штаба охватить деятельностью КВП 198 из 264 поветов 2 Речи Посполитой (отряды кракусов планировалось создать везде, где процент польских крестьян и их материальное положение могли гарантировать достаточное количество добровольцев) [153, с. 78]. Но эти планы были не реализованы вплоть до 1939 г. Например, вопрос с обмундированием был решён только мобилизацией 1939 г., когда эскадроны КВП получили обмундирование из армейских запасов [153, с. 79].

Помимо материальных трудностей, много проблем коменданты КВП имели с гражданскими властями. Известно, что среди других льгот предусматривалось освобождение кракусов от ряда повинностей и шарварков. Но местные власти не давали своего разрешения на это. Часть вины за это можно возложить на государственные структуры – они не разработали соответствующего законодательного акта (инструкции предусматривали льготы, а закона не было). Это

вело к конфликтам, когда кракусы требовали исполнения привилегий и активно протестовали против очевидного, как они считали, своеволия местных чиновников. Такие конфликты могли даже привести к срыву запланированного военными властями обучения. Например, летом 1938 г. во время специальных сборов кракусов при 19 пехотной дивизии (Новая Вилейка) взвод КВП просто разошёлся по домам в знак протеста против неисполнения льгот [153, с. 80 – 81].

Тем не менее, считается, что КВП исполнила свои задачи. В сентябре 1939 г. было выставлено около 30 сильных эскадронов кракусов (7500 всадников), которые достаточно хорошо проявили себя в ходе военных действий против Германии и СССР [197, с. 286]. Этим кракусы выгодно отличались от, например, «Стрельца». Известно, что из-за отсутствия ясной концепции применения на случай войны Стрелецкий Союз не сыграл большой роли в сентябрьской кампании [153, с. 68].

На территории же Западной Беларуси малая результативность ВП стала следствием ряда других причин. Прежде всего, это было негативное или, в лучшем случае, безразличное отношение местного население к военной подготовке. Кроме того, играли свою роль слабое развитие коммуникаций и неблагоприятное материальное положение населения.

Это достаточно хорошо можно проследить на примере отчётов местных комитетов ФВ и ВП из 9 военного округа. Так, в 1927 г. о развитии ВП на территории Барановичского, Новогрудского и Несвижского поветов (район 78 пехотного полка) сообщалось: «С организационной точки зрения регион развит слабо. Большая площадь, слабые пути сообщения и малые средства не позволяют лучшего развития. К работе в ВП больше стремиться городской элемент, деревня слабо понимает его значение, исключение составляют осадники, а из призывников и резервистов только те, кто является членами объединений». В Слонимском повете (район 79 пехотного полка): «Из городского элемента более всего склонны к работе по ВП и ФВ школьная молодёжь. Из внешкольной молодёжи только некоторые единицы были втянуты в Стрелецкий Союз и харцерство. Сельская молодёжь очень мало посвящает себя работе по ВП». В Косовском и Пружанском поветах (район 80 пехотного полка): «Условия ВП неблагоприятны из-за плохих коммуникаций, неблагоприятной дислокации воинских частей и из-за недоброжелательного отношения к ВП преимущественного числа национальных меньшинств» [1, л. 57].

Характерно сопоставление Брестского и Влодавского поветов (район 82 пехотного полка): «Значительная неоднородность работы ВП. Плохие средства коммуникаций и преобладание национальных меньшинств на территории Брестского повета ещё более затрудняет проведение ВП...Более удобные условия ведения работы во Влодавском повете, лежащем перед Бугом. Значительный процент поляков, преобладает сельский элемент, который составляет 95 % в ВП» [1, л. 58]. Как видно, польская молодёжь намного активнее шла в организации ВП, чем их белорусские сверстники. Это полностью подтверждает отчёт из Кобринского и Дрогичинского поветов (район 83 пехотного полка): «Значительный процент составляют национальные меньшинства, из-за этого район не представляет удобной почвы для развития работы ВП... В Дрогичинском повете особенно неблагоприятные условия для работы ВП из-за полностью недостаточных средств коммуникаций и национальных меньшинств» [1, л. 57].

Местные власти жаловались на то, что население просто не понимало необходимости ВП. По их мнению, в Пинском, Лунинецком и Столинском поветах (район 84 пехотного полка) работа ВП затруднена из-за отсутствия понимания идеи ВП и ФВ. Кроме того: «Интеллигенция и духовенство вообще полностью безразлично относится к работе ВП... Сельская молодёжь является белорусской и не имеет любви к военным занятиям. К работе в ВП её можно привлечь только через организацию спорта, игр и забав...» [1, л. 59].

Одновременно те же отчёты отмечают положительное отношение к Военной Подготовке молодёжи в польских поветах. Об этом свидетельствует сопоставление численности населения, охваченного данной акцией. Так, если в районах 78, 80 и 83 пехотных полков в деятельности организаций ВП в 1927 г. участвовало 1893 человек, то районе 35 пехотного полка (Бяло-Подлясский повет) – 1088, в районе 34 пехотного полка (Бельский и Константиновский поветы) – 1044, в районе 22 пехотного полка (Седлецкий, Лукувский и Радзиньский поветы) – 1818 человек [1, л. 55 – 56]. То есть в шести польских поветах акцией ВП было охвачено в два раза больше людей, чем в семи западно-белорусских. В среднем на один польский повет приходилось 658 членов ВП, а на белорусский повет – приблизительно 271.

В 1937/38 учебном году на территории 9 военного округа в шести польских поветах (Седлице, Лукув, Радзинь, Бяла-Подляска, Влодаво, Бельск) насчитывалось 312 отрядов ВП общей численностью 5749 человек. В тоже время в девяти белорусских поветах (Барановичи,

Брест, Дрогичин, Кобрин, Косов, Новогрудок, Пинск, Пружаны, Слоним) существовало 316 отрядов, которые охватывали своей деятельностью 6343 человека [18, л. 1]. Среднее соотношение участников ВП на польский и белорусский поветы было соответственно 958 и 705.

Таким образом, участие белорусской молодёжи в деятельности структур ВП оставалось значительно ниже, чем участие их польских сверстников. Это было характерным для 2 Речи Посполитой, где национальные меньшинства, в отличие от поляков, относились достаточно враждебно к существующему государству и его структурам, в том числе и армии. Об этом например, свидетельствуют отчёты министерства военных дел о военных учениях лета 1934 г. Они отмечают, что на польских территориях «чувствуется работа административных властей в направлении объяснения гражданам чем является армия и как надлежит к армии относиться». В то же время в местностях, заселённых славянскими меньшинствами случались «провокации скоммунизированной белорусской молодёжи, оскорбления солдат и отрядов, отказы выделить квартиры и подводы, и даже кражи оружия» [138, с. 66].

Естественно, что в таких условиях акция ВП, инициируемая и руководимая армией, не встречала достаточной поддержки на территории Западной Беларуси. В качестве исключения в условиях восточных кресов можно привести только пример отношения к ВП местных татар. На протяжении всего межвоенного периода татары пользовались покровительством властей 2 Речи Посполитой и считались, наряду с поляками, опорой «польскости» на кресах. Известно, что по инициативе татарской общественности в 1933 г. были созданы две самостоятельные стрелецкие дружины в Новогрудке и Слониме, состоявшие исключительно из татарской молодёжи. В 1937 г. татарская молодёжь объединилась в Стрелецкий Союз в Клецке. В рамках этих организаций и велась военная подготовка молодых татар с целью пробуждения них патриотических чувств к Польше с одновременным сохранением собственных религиозных традиций. Кроме того, военные круги пошли на встречу татарской общественности, и в 1936 г. 1-й эскадрон 13 полка виленских уланов был переименован в 1-й татарский эскадрон, в котором должны были проходить службу призывники мусульманского вероисповедания. Но создать татарскую национальную часть не удалось – ежегодный рекрутский контингент татарской молодёжи составлял лишь 20 человек (это при наличии трёх отрядов ВП, занимавшихся обучением татарской молодёжи). Этого хватало лишь

на один взвод эскадрона. Поэтому в «мусульманском» эскадроне продолжали служить и православные, и католики [147, с. 259 – 260]. Таким образом, на общем фоне восточных кресов деятельность татарской общественности по проведению ВП можно считать не более, чем незначительным исключением из общих правил.

Разумеется, что ситуация с отношением молодёжи Западной Беларуси к польскому государству и его политике не могла удовлетворять «санационный» режим. Изменить положение, по их мнению, должно было гражданское воспитание подрастающего поколения. Помимо военной подготовки, оно стало важной составляющей деятельности проправительственных молодёжных объединений. Особенную активность в этом направлении проявлял Стрелецкий Союз. Согласно инструкции, выпущенной виленским руководством «Стрельца», целью этого воспитания было «дать всестороннее представление об отечестве, развивать любовь к нему, оформить государственный инстинкт, приучить к дисциплине и повиновению власти, развивать чувство патриотизма и преданности традициям, сформировать сильные характеры» [44, л. 117].

Особое внимание гражданскому воспитанию стало уделяться во второй половине 30-х годов. При этом особо отмечалась связь гражданского воспитания и укрепления обороноспособности страны: «Уставы всех существующих молодёжных организаций среди целей и задач, кроме прочего, имеют и воспитание молодёжи в государственно-созидательном духе. Эти задачи разнообразно трактуются и, в результате, у молодёжи не формируется тех черт, которые необходимы для осуществления гражданских задач, особенно такой самой благородной обязанности как служба в армии» [23, л. 3].

В декабре 1936 г. в Бресте прошло совещание, посвященное активизации гражданского воспитания, организованное окружным руководством Стрелецкого Союза. На нём было заявлено, что «верой солдата-гражданина должна быть державность Польши, службой – служба Польскому Государству». Идея службы объявлялась содержанием и сущностью гражданского воспитания. Эта идея должна была прививаться в ходе различных образовательных или воспитательных мероприятий, так как «без её усвоения воспитательно-гражданская работа не выполнит своих задач». При этом на совещании проявилось усиление националистических тенденций в политике «санационного» режима. Участники совещания заявляли, что «Польское государство – это национальная Польша, к чужим народам мы относимся толерантно и признаём за ними равенство прав, но в борьбе с врагом

не можем на них положиться» [13, л. 28]. Также на совещании предлагалось усилить польское влияние на кресах, при этом за образец брались фашистская Италия и нацистская Германия: «Как итальянцы и немцы идут со своей культурой везде, где могут, так и мы должны идти с нашей культурой и прививать её на кресах… Мы на этих землях являемся хозяевами, а не пришельцами» [13, л. 31].

Практическим результатом данной конференции стала специально разработанная «Программа гражданского воспитания для возрастных образовательных групп в отделах и подотделах Стрелецкого Союза», которая была издана в Бресте в 1937 г. Она включала следующие направления: организационное воспитание, государственное воспитание, профессиональная подготовка, чтение, экскурсии, культурно-художественное воспитание [163, с. 5].

В ходе реализации первой части программы стрельцы изучали устав, историю, традиции и обычаи организации, т.е. Стрелецкого Союза. Государственное воспитание призвано было готовить членов союза, как отмечалось в «Программе гражданского воспитания» к «надлежащему пониманию современной общественно-политической жизни…, к действенному участию в общей работе, выработать дух боевой готовности к внутренним и внешним врагам, в соответствии с указаниями Создателя Стрелецкого Союза – Строителя современной Польши, 1 Маршала Юзефа Пилсудского» [163, с. 6]. Руководствуясь этими положениями, члены организации обязаны были знать историю Польши и её государственное устройство. Особое внимание уделялось истории польского национально-освободительного движения и польских вооружённых сил. Уже на первом году нахождения в Стрелецком Союзе «орлята» должны были знать о началах польского государства, правлении династий Пястов и Ягелонов, восстаниях Т. Костюшки, 1830 и 1863 годов, «примеры из истории, в которых доблесть польской армии покрыла славой польский народ среди других народов (Грюнвальд, осада Вены, наполеоновские войны, легионы Пилсудского, битва под Варшавой)». Наряду с этим «орлята» должны были исторические и памятные места родного края, связанные с историей Польши [163, с. 12 – 13]. В дальнейшем эти знания расширялись и углублялись. Одновременно изучалось государственное и административное устройство 2 Речи Посполитой, майская Конституция 1935 г., хозяйственная и общественная жизнь родного края [163, с. 31].

Важным элементом гражданского образования было насаждение культа личности Ю. Пилсудского. Один из руководителей Стрелецкого Союза, А. Минковский, настаивал на необходимости воспитания

членов организации в «духе солдатско-сыновьей любви к коменданту Пилсудскому» [87, с. 178]. После смерти диктатора объектом поклонения стал Э. Ридз-Смиглы. Так «Программа гражданского воспитания» наряду с обязательным празднованием отрядами «Стрельца» Дня Независимости 11 ноября, Дня Конституции 3 мая и Дня Польского Солдата 15 августа, предусматривала организацию торжеств в честь именин Маршала Польши Э. Ридз-Смиглого [163, с. 37].

Дух польского ура-патриотизма являлся ведущей идеей стрелецкого государственного воспитания и делал его составляющей частью полонизации белорусской молодёжи, уничтожения её национального самосознания. Особенно ярко это видно на примере «стрелецкой» интерпретации истории. Так, битва при Грюнвальде подавалась, как победа исключительно польского оружия, а польско-советская война, в результате которой была оккупирована Западная Беларусь, имела важное «историческое и воспитательное значение» и, по мнению стрелецких воспитателей, была «последним этапом укрепления границ независимой Польши» [163, с. 23].

Профессиональная подготовка на селе включала в себя прохождение различных теоретических и практических курсов в рамках Сельскохозяйственной Подготовки для «повышения продуктивности сельского хозяйства и рационализации потребления и сбыта сельхозпродукции» [163, с. 6]. Городские стрельцы под контролем и при помощи Стрелецкого Союза овладевали каким-либо ремеслом или профессией. Принципиальной целью профессиональной подготовки руководство организации считало обеспечение своих членов работой. Профессиональное образование, как в городе, так и в деревне, включало в себя изучение вопросов гигиены труда, трудового и социального законодательства [163, с. 6].

Три последних составных части гражданского воспитания ставили перед собой задачу повышения культурного уровня членов «Стрельца» и организацию их отдыха. Признавалось, что «в современных условиях получение знаний без книги невозможно». Упор делался на воспитание любви к умелому чтению хороших книг и журналов с «проникновением в смысл и ведущие мысли, содержащиеся в них». Все члены «Стрельца», вне зависимости от возраста должны были обязательно быть постоянными читателями местных или передвижных библиотек. Помимо того, при каждом отряде Союза должна была быть создана своя библиотека [163, с. 24].

Во время экскурсий предусматривалось не только посещение исторических памятников и мест, но и образцовых хозяйств и промышленных предприятий, установление контактов с другими

отрядами Союза и родственными организациями. Культурно-художественное воспитание предполагало организацию самодеятельных хоровых и театральных кружков, спортивных секций, участие в оборудовании светлиц (клубов) [163, с. 7]. Однако и здесь проявились полонизаторские и милитаристские устремления руководства организации. Так первой песней, которую рекомендовалось обязательно выучить орлятам в кружках пения, был польский государственный гимн «Jeszcze Polska nie zginęla» [163, с. 15]. А большая часть рекомендуемой для чтения литературы была посвящены истории польского национального движения, деятельности Боевой Организации ППС, ПОВ, Легионов (т. е. организациям созданным Ю. Пилсудским). Хотя наряду с пропагандистскими агитками и жизнеописаниями выдающихся деятелей «санации», в списки обязательной литературы входили и произведения польских классиков — «В пустыне и лесах» Г. Сенкевича, «Бастион» Б. Пруса, «Верная река» С. Жеромского [163, с. 42 – 44].

Центрами «гражданского воспитания» являлись светлицы (клубы) или школы. Оно проводилось в форме различных лекций, чтений, концертов, представлений, вечеров и т. д. При этом особо указывалось на необходимость развития самостоятельности и инициативы у рядовых членов Союза: «Работа должна быть так спланирована инструкторами гражданского воспитания, чтобы как можно больше материала определённого программой обработала сама молодёжь при помощи книг... Инструкторы... лишь в самых трудных моментах должны служить своими советами, указаниями и приходить со своей помощью» [163, с. 9]. Часто в качестве инструкторов гражданского воспитания выступали школьные учителя. Между военным министерством и министерством образования было заключено соглашение о согласовании начинаний «имеющих целью вооружение общественной психики» и взаимодействии в проведении воспитательно-просветительской работы. Учителя должны были поддерживать постоянный контакт с представителями армии, чаще всего с руководителями отделов безопасности при штабах военных округов. В Западной Беларуси также широко использовалась практика замены «неблагонадёжных» учителей офицерами запаса [187, с. 62].

Помимо военной подготовки и гражданского воспитания, как уже указывалось выше, важным направлением правительственной молодёжной политики стала профессиональная, в первую очередь сельскохозяйственная, подготовка молодого поколения с целью повышения её культурного уровня.

Как заявлялось в одном из документов Виленского школьного округа: «Трудности нашей экономической и общественной жизни имеют своей причиной сильную отсталость нашей деревни. Сила общества и его внутренняя сплочённость зависит не от высокого культурного и интеллектуального уровня единиц или небольших групп, а от высокой средней культуры всего населения. Поэтому заботой всех мыслящих общественными категориями должно быть стремление к как можно более быстрому повышению культуры сельского населения, самого многочисленного слоя в Государстве» [156, с. 5].

Первоначально эту задачу планировалось решить на территории Западной Беларуси, как и во всей 2 Речи Посполитой, при помощи низших народных сельскохозяйственных школ. Именно поэтому тот же документ обращал внимание школьных учителей, работавших в сельской местности, на необходимость объяснения значения сельскохозяйственных школ во время собраний кружков ССМ, стрелецких отрядов и других молодёжных организаций и привлечения молодёжи к вступлению в эти школы [156, с. 5].

Но, как показала практика, низшие народные сельскохозяйственные школы не смогли решить поставленной перед ними задачи. В первую очередь, их просто не хватало для того, чтобы охватить если не всю, то значительную часть сельской молодёжи. Это хорошо видно на примере школ, действовавших на территории Виленского школьного округа. В данный округ входили Виленское воеводство (8 сельских поветов), Новогрудское воеводство (8 поветов) и 4 повета Белостокского воеводства (Волковысский, Гродненский, Августовский и Сувалкский). Численность сельского населения на этой территории составляла около 2356 тысяч человек. К середине 30-х годов на 20 поветов, которые входили в состав Виленского школьного округа, приходилось 13 народных сельскохозяйственных школ (8 мужских и 5 женских). Ежегодно они могли выпустить более 500 человек. При этом известно, что на территории округа ежегодно перенимали родительские хозяйства около 20 тысяч молодых крестьян. Таким образом, сельскохозяйственные школы могли обеспечить подготовку только 0,5 % этих сил [204, с. 2].

Показательно, что в среднем по 2 Речи Посполитой этот показатель составлял 10 % [203, с. 182]. Это можно объяснить тем, что по сравнению с польскими воеводствами, создание сельскохозяйственных школ на кресах началось относительно поздно. Как отмечают авторы официального отчета о развитии сельскохозяйственного обучения в Виленском округе, все школы были созданы в период с

1925 по 1930 г. С 1930 г. создание новых школ было приостановлено [204, с. 3].

Курс обучения в народных сельскохозяйственных школах Виленского округа составлял 11 месяцев (в мужских школах с 15 января по 15 декабря, в женских – с 15 ноября по 15 октября). Программа состояла из таких предметов, как земледелие, животноводство, огородничество, садоводство, пчеловодство, организация личного хозяйства. Обучение профессиональным навыкам было тесно связано с практическими занятиями в школьном хозяйстве. В женских школах программа изучения земледелия была сокращена, вместо этого изучалось домоводство. Помимо профессиональных знаний программа предусматривала «беседы на этико-религиозные темы», изучение делопроизводства, польского языка и т.д. Обучение в народных школах было бесплатным – учащиеся платили только за проживание в интернате. Занятия проходили ежедневно с 5 часов утра до 9 часов вечера [139, с. 540 – 541].

Несмотря на бесплатное обучение, официальные источники отмечали низкую посещаемость школ – часто кандидатов было меньше, чем мест. Такое положение они объясняли, в первую очередь, «отсутствием среди сельскохозяйственного населения понимания необходимости обучения». Ещё одной причиной низкой посещаемости называется то, что родители не хотели отпускать свою молодёжь в школы, так как не хотели лишаться на год бесплатного работника.

Одновременно отмечалось и то, что большие трудности встречали выпускников после возвращения со школы. Применять на практике полученные в школе знания препятствовало недоверие окружения. Отрицательным моментом было и то, что часто юноши-выпускники школ отправлялись в армию, не успев применить своих знаний в своём хозяйстве. Авторы официального отчёта признавали, что на первом этапе своего существования сельскохозяйственные школы не дали ожидаемого результата [204, с. 3].

Потребность в сельскохозяйственном обучении пытались частично удовлетворить и через передвижные сельскохозяйственные курсы. Так в Виленском школьном округе было 5 так называемых передвижных женских сельскохозяйственных школ. Они проводили ряд курсов (продолжительностью от 3 до 5 месяцев), переезжая с места на место 2-3 раза в год. Осенью 1936 г. подобные передвижные курсы были организованы в Волковысском повете и для мужской молодёжи. Согласно официальным данным, до конца 1935 г. мужские сельскохозяйственные школы окончило 1855 учеников, женские

школы – 982 ученицы и передвижные женские курсы – 1148 учениц. Вместе – 3985 человек [204, с. 6].

Как уже говорилось выше, этого было недостаточно для того, чтобы реально обеспечить повышение культурного уровня сельской молодёжи. Поэтому, как и в случае с военной подготовкой, в деятельность по профессиональной подготовке молодёжи наряду с государственными органами включились многочисленные общественные структуры.

Например, на территории Западной Беларуси большую активность в этом направлении проявлял Союз осадников. Согласно уставу, одной из его задач являлось «повышения хозяйственного уровня страны, особенно её восточных земель». Для этого планировалось проводить как можно более широкую культурно-просветительскую и хозяйственную деятельность, как среди членов союза, так и среди местного населения. Частью такой было создание просветительских учреждений, школ, образовательных и профессиональных курсов [188, с. 375]. Известно, что к 1939 г. под опекой различного рода учреждений Союза осадников находилось около 1500 человек молодёжи [188, с. 250].

Одним из таких учреждений стал Сельский общественный университет в Прудищи под Вильно. Он был создан в 1935 г. на базе проводившихся с 1928 г. общественно-просветительских курсов. Целью этого учреждения была подготовка слушателей к умелой организации работы в собственном хозяйстве. Кроме того, университет должен был объяснить им «отношения гражданина к государству» [152, с. 161].

В отличие от народных сельскохозяйственных школ в общественном университете совместно обучались юноши и девушки. Посещаемость же была на уровне школ – на курсе 1935/36 г. было 38 человек, в 1936/37 г. – 35. Данное учреждение было ориентировано на местную сельскую молодёжь – большинство учащихся были выходцами из Виленского воеводства, остальные – из других западно-белорусских воеводств. В Сельский общественный университет принимались слушатели в возрасте от 18 до 30 лет, причем от юношей требовалось прохождение военной службы. От кандидатов требовалось окончание сельскохозяйственной школы, а также продолжительная общественная работа в молодёжных организациях, имевшая значительные результаты [152, с. 162]. Под молодёжными организациями имелись в виду проправительственные объединения. Согласно польским исследователям, большинство слушателей университета являлись членами Союза Молодой Деревни [188, с. 250].

Университетские курсы были обеспечены значительным штатом преподавателей. Например, на курсе 1935/36 г. (38 слушателей) было 40 преподавателей и 1 постоянный работник [152, с. 162].

Программа обучения состояла из трёх частей. Первая, идейно-познавательная, имела своей целью расширение знаний о деревне, регионе и государстве. При этом особое внимание уделялось гражданско-патриотическому воспитанию слушателей. Например, среди тем, изучавшейся в этой части были такие, как «Создатель и Строитель государственности современной Польши» (посвящённая, как не трудно догадаться, жизни и деятельности Ю.Пилсудского), «Польша в семье наций и государств мира. Её культурный вклад в общее наследие» и т.д.

Вторая часть, практическая, была самой большой по объёму. Она предусматривала приобретение знаний и практических навыков в области просвещения, культуры, сельского хозяйства, кооперации, местного самоуправления. Много внимания уделялось теме «Сельскохозяйственная Подготовка как школа всеобщего воспитания на селе». Особый раздел был посвящен правовым знаниям (виды налогов, векселя, административные суды, закон об аграрной реформе и т.п.).

Третья часть включала изучение форм и методов работы сельских общественных организаций. Слушатели должны были познакомиться со структурой общественных организаций, методами проведения собраний и ведения клубной работы, организации библиотек, театральных и хоровых коллективов в сельской местности и т.д. [152, с. 162 – 166].

Программа обучения была специально приспособлена к повседневным условиям и создавалась при активном участии самих слушателей. Большое внимание при этом самообразованию и инициативе учащихся.

Таким образом, Сельский общественный университет дополнял государственную систему сельскохозяйственного обучения и должен был подготовить кадры будущих активистов для этой системы.

Тем не менее, основой обучения сельской молодёжи стали конкурсы, проводившиеся в рамках Сельскохозяйственной Подготовки. Активное проведение этих конкурсов на территории Западной Беларуси началось, как и по всей 2 Речи Посполитой, в конце 20-х годов. Активное участие в них принимали члены «санационных» молодёжных объединений. Руководители ССМ «Сев» заявляли, что «сельскохозяйственные конкурсы должны стать сельскохозяйственным и гражданским воспитанием молодёжи. Через сельскохозяйственные

конкурсы конкурсант должен в первую очередь воспитывать себя, формировать свою волю и врождённый ум, который существует в каждом человеке, побуждать разум к быстрому деловому мышлению» [180, с. 33 – 34].

Кроме Союза Сельской Молодёжи «Сев» – Союза Молодой Деревни к акции СП присоединился и Стрелецкий Союз. Помимо этих «санационных» организаций, участие в проведении конкурсов принимали Католические объединения молодёжи, которые первоначально лидировали в количестве выставленных коллективов СП.

Как свидетельствуют официальный отчёт, посвящённый развитию акции СП на территории Виленского воеводства, за десятилетие проведения сельскохозяйственных конкурсов (1929 – 1938 гг.) «в первоначальные период численным перевесом обладали Католические Объединения Молодёжи, в последние же годы на первом месте (численно и качественно) удерживается Союз Молодой Деревни при возрастающем уровне работы ОКМ; Стрелецкий Союз долгое время не имел условий для развития работы, так как не имел специальных инструкторов» [192, с. 493].

Более подробно динамику развития участия молодёжных организаций в конкурсах позволяет представить приведённая в том же отчёте таблица:

Таблица 4. **Коллективы СП Виленского воеводства [191, с. 464].**

Год	Молодёжные организациии								Всего	
	Союз Молодой Деревни		Католические объединения молодёжи		Стрелецкий Союз		Вне организаций			
	Прошли конкурсы									
	кол.	уч.	кол.	уч.	кол.	уч.	кол.	уч.	кол.	уч.
1929	56	306	97	538	–	–	27	163	180	1007
1930	137	859	153	966	5	32	26	180	321	3037
1931	103	779	154	1048	22	164	28	201	307	2192
1932	127	898	219	1579	35	299	27	201	408	2977
1933	142	979	269	1944	90	648	68	437	569	4008
1934	235	1569	218	1351	89	639	18	112	560	3671
1935	219	1346	193	1147	93	641	34	196	539	3330
1936	229	1416	143	851	63	414	53	374	488	3055
1937	231	1512	161	1021	80	527	31	186	503	3246
1938	263	1670	209	1447	68	438	38	258	578	3813

Примечание: Кол. – коллектив, уч. – участник.

В ходе осуществления СП руководство «санационных» организаций встретилось с рядом трудностей. В первую очередь они были связаны с последствиями экономического кризиса. Как отмечалось в отчете Полесского воеводского Союза Сельской молодёжи «Сев» за 1930 г. «Общий кризис в стране отразился и на конкурсной работе среди молодёжи. Члены кружков неохотно относятся к работе, объясняя своё нежелание тем, что увеличение урожая и финансовые расходы нецелесообразны, так как нельзя сбыть произведённые сейчас продукты, а тем более их нельзя будет сбыть, если производство увеличивать» [180, с. 16].

Тем не менее, не смотря на трудности, акция СП развивалась как количественно, так и качественно. Первоначально в конкурсной работе преобладала простейшая тематика – выращивание свеклы, моркови, капусты. Постепенно тематика усложнялась – огородничество, лён, луговые травы, животноводство [190, с. 5]. Помимо непосредственно конкурсов велась большая работа по самообразованию. Руководство «санационных» молодёжных союзов организовывало многочисленные курсы, которые имели своей целью не только воспитание, но и сельскохозяйственное обучение своих членов.

Так зимой 1933 г. воеводское правление Полесского ССМ «Сев» организовало 10-дневные передвижные общественно-просветительские курсы. Согласно программе они включали следующие разделы: наука о современной Польше (10 часов), методика клубной работы (8 часов), организационные принципы ССМ (6 часов), кооперация и сельскохозяйственные кооперативные организации (4 часа), сельскохозяйственная подготовка (30 часов), практические занятия (30 часов). Курсы прошли на территории 9 поветов (Брест, Кобрин, Дрогичин, Пинск, Лунинец, Столин, Камень-Каширский, Пружаны, Косов). Ими было охвачено 177 кружков ССМ «Сев», в основном члены правлений [3, л. 110 – 111].

В рамках СП Союз Сельской Молодёжи «Сев» также участвовал в развитии сельхозкооперации. Например, в 1931 г. в Полесском воеводском отделении этой организации существовало 17 молочных и 12 потребительских кооперативов [182, с. 9].

Кроме сельскохозяйственной подготовки, «санационные» молодёжные объединения привлекались к решению и других задач. Одной из них была борьба с молодёжной безработицей. Как уже говорилось выше, «санационный» режим пытался решить эту проблему путём организации так называемых «лагерей труда». В создании и проведении, а также подготовке руководящих кадров для этих лагерей с самого начала принимали участие и проправительственные

союзы. Так, например, особую активность проявляла Новогрудское отделение Объединения Трудящейся Молодёжи. В начале 30-х гг. её членами был создан трудовой лагерь имени сенатора Свидерского в Новоельне – промышленно-аграрное хозяйство на 8 гектарах, заслужившее похвалы на общепольском съезде ОТМ [47, л. 63]. Следует отметить, что в ходе оказания помощи молодым безработным ОТМ тесно сотрудничала с Легионом Молодых и Передовой Стражей [164, с. 98].

Заметную роль сыграл в организации «лагерей труда» для безработной молодёжи играл также Стрелецкий Союз. Вместе с другими «санационными» организациями «Стрелец» вербовал туда молодых безработных. В 1933 – 1934 гг. такие лагеря существовали в Белостоке, Вильно, на Полесье и Гродненщине [47, л. 138]. Это должно было обеспечить безработную молодёжь работой, обучить её какой-либо профессии, и таким образом не только «защитить стрельцов от бедствий безработицы и её фатального морального влияния», но и стать «одним из элементов общей борьбы с последствиями безработицы» [164, с. 84]. Но результаты этой деятельности были далеки от желаемого. Тяжелые условия жизни и труда в лагерях сочетались с казарменной дисциплиной и военной муштрой. Архивные материалы сообщают о многочисленных случаях проявления недовольства молодёжи. Так, летом 1935 г. стрельцы, работавшие в Почаповской гмине (Новогрудское воеводство) на строительстве дороги «на почве эксплуатации и плохого обращения «кировников» избили своего начальника» [50, л. 27]. В «Декларации прав молодого поколения Польши», заявлении группы молодых демократических деятелей, опубликованном в виленской газете «Папросту» в 1936 г., о лагерях говорилось, что «они позорят молодёжь, воспитывая её в духе покорности и казарменной дисциплины, где ограничивается её свобода» [56, с. 65].

Как уже указывалось выше, в 1936 г. «лагеря труда» были переданы в ведение министерства военных дел и на их базе началось создание юношеских отрядов труда. В Бресте была создана окружная комендатура юношеских отрядов труда, которой подчинялись территория военных округов № 2 «Люблин», № 3 «Брест» и № 9 «Гродно» [15, л. 2]. Общественные организации были отстранены от непосредственного участия в проведении этой акции. Тем не менее, при наборе кандидатов в отряды требовалось, помимо прочего, и предоставление документов, удостоверяющих принадлежность к молодёжным объединениям [17, л. 2]. Разумеется, в первую очередь имелись в виду «санационные» союзы, такие как «Стрелец» или ОТМ.

Следует также сказать, что, как свидетельствуют архивные документы, и воспитательная работа внутри отрядов труда была сходной с гражданским воспитанием, проводившимся в рамках проправительственных молодёжных объединений [16, л. 26 – 31].

Одним из важных направлений работы проправительственных молодёжных организаций стала деятельность в культурно-просветительской сфере и организации досуга. Для этого была создана достаточно солидная база. Так, в распоряжении Виленского воеводского ССМ «Сев» было 36 библиотек, 78 светлиц (клубов), 20 оркестров, 21 радиоприёмник [70, с. 297]. Кружки Полесского отделения Союза имели в 1934 г. 85 библиотек, 93 клуба, 132 театральных и 45 хоровых коллективов [183, с. 4 – 5]. В целях вовлечения в организацию белорусской молодёжи театральные кружки наряду с польскими пьесами ставили и произведения белорусских авторов [69, с. 51].

Но это было достаточно редким явлением, с которым польские власти вели упорную борьбу, как с проявлением нелояльности. Так в отчёте отдела общественной безопасности Полесского воеводского правления в связи с деятельностью ССМ «Сев» сообщалось: «В конце 1928 г., когда отдельные кружки ещё находились в стадии организации, среди тянувшейся к этим кружкам молодёжи можно было заметить тенденции к проведению любительских представлений преимущественно только на украинском и белорусском языках, сейчас это направление полностью изменилось и вся молодёжь, принадлежащая к Кружкам Сельской молодёжи, во главе со своими руководителями является полностью лояльной и хорошо настроенной по отношению к Польскому Государству» [5, л. 2].

В связи с этим руководящие органы ССМ «Сев» обращали большое внимание на театральный репертуар. Официально это объяснялось заботой о молодом поколении, которое под влиянием «политических убеждений кружит вокруг украинских или российских пьес, не имеющих с этой территорией ничего общего» [180, с. 24]. «Чистота» репертуара соблюдалась при помощи административных методов. Когда в сентябре 1934 г. в одной из деревень Браславского повета группа молодёжи (члены «Стрельца» и ССМ «Сев») подготовили постановку купаловской «Павлинки», представление было запрещено польской полицией по причине необорудованности сцены (она располагалась под открытым небом) [69, с. 51].

В целом, конечно же, культурная деятельность носила ярко выраженный полонизаторский характер. В качестве культурной работы в полонизаторском духе необходимо рассматривать и

привлечения молодёжи из ССМ «Сев»-СМД к организации и празднованию государственных праздников 2 Речи Посполитой, именин Маршала Ю. Пилсудского, праздника труда (дожинок) и других подобных мероприятий. Причём это происходило не только на местном уровне. Традиционным стало участие сельской молодёжи «кресов» в «Спальских Дожинках у Пана Президента РП», Празднике Моря в Гдыне, Съездах поляков заграницы в Варшаве и т.д. [183, с. 13 – 15].

Вместе с тем результат просветительской и воспитательной работы многих кружков был достаточно низок. Об этом свидетельствуют архивные источники: «В дер. Вороничи, Барановичского округа, существует Звензек Млодежи Вейской, который насчитывает 10-12 человек. Всё время они проводят в пьянках. Эта фашистская организация избивает до потери сознания население всей деревни» [30, л. 361].

Благодаря усиленной воспитательно-идеологической работе своего руководства Стрелецкий Союз и ССМ «Сев» - СМД являлись опорой проведения политики польских властей в Западной Беларуси. Наиболее подготовленные стрелецкие отряды нередко привлекались к участию в пацификациях и борьбе с забастовочным движением. Так на рубеже 1933 - 1934 гг. во время карательной экспедиции в Кобринском районе стрелецкий отряд из Жабинки участвовал в разгроме украинских кооперативов. В Черной Вси на Белосточчине во время забастовки лесных работников стрельцы работали как штрейкбрехеры под охраной полиции [25, л. 95]. В Индурском районе стрелецкие отряды, созданные в имениях, следили за порядком накануне революционных праздников с целью не допустить коммунистической агитации [НАРБ261, 361]. В том же Индурском районе стрельцы из деревни Прокоповичи выдавали полиции участников первомайской демонстрации [37, л. 94]. В районе Гродно и Глубокого созданные по инициативе местных помещиков отряды конных стрельцов (кракусов) использовались для охраны помещичьих лесов и угодий [60, с. 11]. В отчёте Пинского ОК КСМЗБ за ноябрь-декабрь 1934 г. подчёркивалось, что многие члены пинского городского отряда «Стрельца» входят в состав школы организованной польской контрразведкой (дефензивой) [42, л. 14]. На Виленщине польские власти привлекали стрельцов к борьбе с литовскими культурными организациями. Члены «Стрельца» при поддержке полиции участвовали в ряде мест в разгоне молодёжных вечеринок, организованных литовцами [59, с. 348].

Такая деятельность Стрелецкого Союза полностью соответствовала задачам «гражданского воспитания», одной из целей которого было «проявление решимости и инициативы в области поддержания общественного порядка в момент необходимости» [44, л. 117].

Подобной деятельностью занимались в западно-белорусском регионе и некоторые ячейки ССМ «Сев» - СМД. О чём свидетельствует, например, работа кружка созданного польским учителем в 1929 г. в деревне Пасиничи Слонимского повета. Члены кружка сотрудничали с полицией, были даже ею вооружены. Они участвовали в полицейских облавах и разгроме комсомольской ячейки, за что были премированы слонимским старостой [26, л. 283 – 284]. Однако следует заметить, что к борьбе с революционным и национально-освободительным движением в таких масштабах как «Стрелец», ССМ «Сев»-СМД не привлекался.

Для более эффективной реализации основных направлений молодёжной политики польские власти стремились наладить активное взаимодействие между подведомственными им объединениями, в первую очередь между «Стрельцом» и ССМ «Сев»-СМД. Например, в мае 1933 г. между Полесским Воеводским ССМ «Сев» и «Стрельцом» было заключено соглашение о сотрудничестве. Это соглашение предусматривало совместное создание и использование светлиц, пользование их инвентарём и оборудованием. Так же предусматривалось совместное участие в праздновании государственных торжеств, в спортивных и культурных мероприятиях. Группы военной подготовки, созданные при Союзе Сельской Молодёжи переходили под опеку поветовых комендантов «Стрельца», одновременно коллективы сельхозподготовки Стрелецкого Союза пользовались опекой инструкторов ССМ «Сев». Предусматривалось также и создание совместных отделений военной или земледельческой подготовки (в случае если на местах недостаточное количество членов организаций для самостоятельной деятельности в данной сфере) [182, с. 14]. Окончательно взаимодействие проправительственных молодёжных союзов и объединений в масштабах всей страны было оформлено 15 октября 1937 г., когда было подписано соглашение о взаимном сотрудничестве ведущих «санационных» молодёжных организаций, активно действовавших и на территории западно-белорусского региона – «Стрельца», Союза Польского Харцерства, Организации Трудящейся Молодёжи и Союза Молодой Деревни [178, с. 59].

Тем не менее, не смотря на усилия руководства, низовые звенья «Стрельца» и ССМ «Сев»-СМД в 30-е годы оказались затронуты процессом радикализации, что никак не входило в планы

государственной молодёжной политики. Ярким проявлением этого были события в Супрасле в июле 1933 г. Там во время столкновения бастующих текстильщиков с полицией стрельцы выступили на стороне рабочих. Два стрельца – В. Ульман и К. Буткевич были убиты полицейскими. Это привело к выходу молодёжи из супрасльского отряда Стрелецкого Союза [60, с. 18 – 22]. Супрасльские события затем активно использовал в своей антистрелецкой агитации комсомол. Так, например, было выпущено открытое письмо супрасльских стрельцов с призывом к молодёжи выходить из членов «Стрельца» [47, л. 109]. Бывшие члены «Стрельца» в результате брожения вовсе не обязательно автоматически становились членами комсомола. Так, в Лапах (на Белосточчине) 15 стрельцов перешли в ТУР, молодёжную организацию при ППС. Поводом же к распаду данного отряда стал отказ руководства стрелецкой светлицы настроить радиоприёмник на передачи из Москвы [39, л. 283]. Не всё благоприятно обстояло и в кружках Союза Молодой Деревни. Согласно отчету поветовой комендатуры ВП из Дрогичина (1937 г.): «Стремлением кружков Сельской Молодёжи является избегание всякого контроля, они неохотно пользуются опекой учителей, создавая правления из тех, мнение о которых оставляет желать лучшего: например последний председатель ССМ в Упирове убежал в Россию, как коммунист» [19, л. 14]. В деревне Дружиловичи, того же Дрогичинского повета «проявления коммунистической деятельности» состояло в том, что председателем местного кружка СМД был единогласно избран человек, неоднократно отбывавший тюремное заключение за коммунистическую деятельность. Когда власти не утвердили этого выбора, члены организации «демонстративно и совместно вышли из кружка» [20, л. 9]. Не всегда находила поддержку в рядах ССМ «Сев» – СМД и полонизаторская политика правящего режима. Например, как доносила местная администрация из Пружанского повета (1937 г.): «Работу сельской молодёжи в этой организации считаем очень нежелательной и вредной для государства. Она культивирует на здешней территории вместо польскости белорусизм и русицизм под видом регионализма. В местном клубе Молодой Деревни, как и в клубах на территории повета, не слышно других песен, кроме белорусских, украинских и русских. Председатель кружка Молодой Деревни в Пружанах Бобрик в своё время публично заявил, что Польша является ни чем иным, как мачехой для граждан. Такое отношение к государству, и даже хуже, можно услышать среди членов названной организации во всех кружках на территории повета» [19, л. 20].

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что «санационные» организации сыграли важную роль в реализации правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Наиболее активно в этом были задействованы Стрелецкий Союз и Союз Сельской Молодёжи «Сев» - Союз Молодой Деревни, которые охватили своей деятельностью значительные массы молодёжи, прежде всего в сельской местности.

«Стрелец» играл ведущую роль в осуществлении программы по военной подготовке молодёжи и внёс значительный вклад в усиление обороноспособности польского государства. Целенаправленная работа велась в сфере гражданского воспитания, которое в условиях Западной Беларуси имело ярко выраженное полонизаторское направление. Спаянная военной дисциплиной стрелецкая организация являлась опорой польского правящего режима, ярким проявлением чего явилось активное привлечение стрельцов в пацификациях и удушении забастовочного движения.

ССМ «Сев»-СМД также активно поддерживал политику полонизации и проведение военной подготовки. Одновременно он проводил значительную культурную и образовательную деятельность, которая за редкими исключениями шла в проправительственном русле и руководилась представителями местной администрации и системы образования Польши. Сельскохозяйственная Подготовка хотя и не могла разрешить проблем накопившихся в западно-белорусской деревне, однако в некоторой степени способствовала повышению продуктивности сельского хозяйства.

Вместе с тем проправительственные молодёжные организации оказались затронуты процессом радикализации. Это приводило к переходу части молодёжи в оппозиционный правящим кругам лагерь, её участию в демократическом и революционном движении Западной Беларуси, что, в свою очередь, препятствовало осуществлению планов «санации» относительно молодого поколения региона.

3. 4. Студенчество Виленского университета и «санация»

Рассказывая о реализации правительственной молодёжной политики, следует особо остановиться на такой малоизученной в отечественной историографии теме как борьба польских властей за студенческую молодёжь. Ареной этой борьбы в Западной Беларуси стал Виленский университет имени С. Батория.

Университет в Вильно являлся одним из периферийных вузов Польской республики. По данным на конец 30-х годов в нём обучалось лишь 8% студентов 2 Речи Посполитой, тогда как в

Варшаве – 40%, Львове – 20%, Кракове – 17%, Познани – 12%, остальные 3% приходились на Люблин, Лодзь и Катовице [160, с. 16]. Особенностью Виленского университета было то, что в нём училось большое количество представителей национальных меньшинств межвоенной Польши: евреев, белорусов, литовцев, украинцев. Согласно официальным данным в 1929/1930 учебном году из 3336 студентов 2171 человек считали родным языком польский, 891 – идиш и иврит, 111 – русский, 55 – белорусский, 50 – литовский, 41 – украинский, 9 – немецкий, 2 – чешский. Кроме того, среди студентов были татары, латыши, венгры [118, с. 9]. Таким образом, Вильно являлся своеобразной столицей национально-культурных центров. Вместе с тем, традиционным было значительное представительство в городе польской интеллигенции. В этой обстановке процессы происходившие в среде студенчества имели принципиальное значение.

Широкая национальная палитра студенчества виленского университета и социально-политические тенденции в обществе оказывали значительное влияние на многообразие идейных течений среди молодой интеллигенции. Среди виленских студентов действовало много организаций различного типа. Первоначально их деятельность регулировалась принятым сеймом 13 июля 1920 г. «Законом об академических школах» (статьи 99 – 105). Данный закон учитывал давние традиции польского студенческого движения, которое возникло и оформилось ещё в период до возрождения польского государства.

Закон предоставлял право создавать студенческие союзы и корпорации студентам каждого университета. При этом эти организации не могли иметь каких-либо политических целей. Действительными членами студенческих объединений могли быть только сами студенты и преподаватели. Бывшие студенты могли быть членами корпораций, а поскольку существовал ещё институт почётных членов, то бывшие студенты фактически могли участвовать в деятельности и других студенческих объединений, хотя об этом прямо и не говорилось в законе.

Закон разрешал и создание межуниверситетских студенческих объединений, над которыми осуществляло надзор министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. О надзоре со стороны министерства над союзами, действовавшими на территории отдельных вузов, ничего не говорилось. Опека над ними была закреплена за ректорами и университетскими сенатами. Эта

опека не была строго регламентирована, и фактически студенческие организации пользовались достаточно широкой самостоятельностью.

Самостоятельность усиливалось академической автономией. Это проявлялось в том, что академические объединения не подлегали общим полицейским предписаниям, касающимся объединений и собраний. Правом надзора за такими собраниями пользовались только университетские власти, которые могли посылать своего представителя на студенческие митинги. Но закон оговаривал, что студенческие собрания должны рассматривать только вопросы, касающиеся университетской жизни [200, с. 276 – 277].

Наиболее массовым объединением в УСБ был так называемый «Братняк» – Братская Помощь (Bratnia Pomoc, БП) – организация студенческой взаимопомощи, проводившая значительную социальную и культурную работу. Братская Помощь охватывала в основном студентов-поляков. На начало 30-х годов её членами было 2318 человек [118, с. 9 – 10]. Среди студентов-евреев аналогичную деятельность вело Объединение Взаимной Помощи студентов-евреев. Также в университете действовал ряд малочисленных национальных студенческих организаций – союзы белорусских, литовских и украинских студентов.

Следует отметить, что на протяжении всего межвоенного периода ведущую роль в студенческой среде играли сторонники так называемых «эндеков», польских националистов из партии Национальной Демократии. Проводником их влияния стала организация Всепольская Молодёжь (Młodzież Wszechpolska). Численно она была невелика – в Виленском университете в начале 30-х годов насчитывалось около 70 её официальных членов [160, с. 23]. Но при этом её влияние являлось преобладающим в большинстве вузов. В Виленском университете на стороне Всепольской Молодёжи выступало от 1/3 до 1/2 всех студентов. Это было меньше, чем в других университетах, во многом благодаря большому проценту студентов-представителей национальных меньшинств [160, с. 25].

Влияние ВМ обеспечивалось благодаря активной работе тайной, «внутренней» организации «Зет». Ячейки, «группы зетовы», существовали практически в каждом вузе 2 Речи Посполитой. «Зет» был централизован, спаян строгой дисциплиной и маскировал свою деятельность не только от своих противников, но и от широкого круга сторонников. Вузовская группа делилась на секции, главной из которых была политическая. Задачей этой секции было руководство политической деятельностью в студенческой среде и определение тактики «Всепольской Молодёжи». Кроме того, существовали

специальная секция для руководства другими молодёжными организациями и секция, отвечавшая за работу среди студенток («секция колежанок»). Руководитель «группы зетовой» назначался сверху, причём стать им мог только мужчина. Женщины вообще не могли принадлежать к «Зету», даже руководителями «секций колежанок» были мужчины [193, с. 25 – 26].

Польские националисты играли ведущую роль в Братской Помощи. В Вильно их монополию в руководстве БП удалось прервать лишь в 1929 и 1931 годах [160, с. 23]. Под их влиянием находились и корпорации, элитарные студенческие организации, закрытые для студентов-неполяков. Корпорации притягивали молодёжь не только своими традициями и внешними атрибутами (формой, флагами, песнями), но и тем, что оказывали своим членам помощь в трудоустройстве после окончания вуза. В Вильно ведущими эндецкими корпорациями были «Полония», «Леонидания» и «Батория». По их образцу возникли «санационная» «Пилсудия» и белорусская «Скориния» [118, с. 12].

ВМ являлась радикальной националистической организацией, стоявшей в правой оппозиции к режиму «санации». Идеологи националистов провозглашали примат Нации над Государством, что кардинально противоречило принципам «санационного» «государственного воспитания». Эндеки отрицали либерально-демократичные принципы в пользу принципов иерархичности. В области внутренней политики они выступали под лозунгом «Польша для поляков». Как следствие этого, они считали белорусов и украинцев частью польского народа и выступали за ассимиляцию славянских меньшинств. Ещё одной важной чертой идеологии ВМ был антисемитизм. Согласно их идейным декларациям, «еврей не может быть гражданином Польского Государства» [164, с. 34]. Один из лидеров и идеологов «эндеков», Роман Дмовский, говорил: «Огромная разница между евреем и европейцем ведёт к тому, что участие евреев в жизни европейских обществ имеет только разлагающее влияние на европейские общественные инстинкты... Поэтому националисты заявляют: даже если бы евреи были бы моральными ангелами и умственными гениями, даже если бы были людьми более высшего сорта, чем мы, сам факт их существования среди нас и их участие в нашей жизни является убийственным для нашего общества и от них надо избавиться» [130, с. 304].

В вузовской среде именно благодаря ВМ евреи были вытеснены из Братской Помощи. Кроме того, националисты выступали за сокращение количества студентов-евреев в вузах и за введение

сегрегации, так называемого «гетто лавкового», предусматривавшего размещение евреев за отдельными партами в аудиториях. Они неоднократно становились инициаторами антиеврейских выступлений в вузах [202, с. 59].

Виленский университет на протяжении всего предвоенного десятилетия был ареной антисемитских выступлений. Именно это свидетельствовало о влиянии эндеков среди студентов. В условиях Вильно эта борьба приобрела наибольшую остроту благодаря тому, что процент евреев был одним из самых значительных среди польских вузов (22,2 % против 6,9 % по стране в 1934/35 учебном году) [160, с. 12].

Первые антисемитские выступления начались на медицинском факультете. Причиной конфликта стал отказ еврейского кагала (общины) допускать вскрытие еврейских трупов в прозекторских. В ответ эндеки выдвинули лозунг «Для евреев – еврейские трупы». С 1931 г. столкновения между польскими националистами и евреями стали обычным явлением в Виленском университете. В ноябре 1931 г. в таком столкновении погиб студент-теолог Вацлавский, ставший «героем борьбы за дело» среди польских националистов. Осенью 1933 г. в Вильно и Варшаве была начата акция по установлению «гетто лавкового». В 1935 г. эта компания достигла своего апогея. Администрация вузов вынуждена была пойти на выделение отдельных мест для поляков и евреев, хотя по этой причине ректор и проректор Университета имени С. Батория в начале 1937 г. подали прошение об отставке.

Из-за студенческих волнений власти вынуждены были закрывать Виленский университет в ноябре 1932 г., ноябре 1933 г. и ноябре 1936 г. В марте 1938 г. на территорию университета впервые была введена полиция, что являлось исключительным случаем нарушения вузовской автономии. Помимо «гетто лавкового» эндеки требовали ограничения доступа евреев в вузы. В рамках этой компании с 1937 г. в Вильно проводились так называемые «дни без евреев», которые с осени 1938 г. превратились в «недели без евреев».

Результатом всех этих антисемитских выступлений было то, что единственной национальной группой польского государства, численность представителей которой сократилась в вузах в предвоенное десятилетие, были евреи – с 8 892 в 1931 г. до 4 790 в 1937 г. [160, с. 150 – 170].

Руководители правящего «санационного» лагеря стремились к установлению своего контроля над вузами и ликвидации засилья националистов. В связи с этим определённые надежды возлагались на

проправительственные объединения – Союз Польской Демократической Молодёжи и Легион Молодых, которые должны были противостоять влиянию националистов из ВМ. Но, как показала практика, их влияние в среде студенчества и молодой интеллигенции было минимальным.

Поэтому «санационный» режим по инициативе министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения Я. Енджеевича взял курс на ограничение академической автономии. Так, согласно проекту нового академического законодательства, ректору разрешалось вызывать на территорию вуза в случае необходимости службы безопасности. Одновременно полиции предоставлялось право появляться на территории вуза по собственной инициативе [118, с. 49].

Ограничение академической автономии нашло своё отражение и в распоряжении министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения (вступило в силу в апреле 1933 г.). Главным официальным поводом для законодательных изменений стали антисемитские выступления, прокатившиеся по вузам 2 Речи Посполитой [160, с. 130].

Прежде всего, новое распоряжение разрешало создавать объединения только на территории одного вуза. Строго регламентировались и типы студенческих союзов – научные, организации взаимопомощи, спортивные, национальные, идейно-воспитательные, культурно-товарищеские. Права юридического лица студенческим объединениям мог предоставить только министр [171, с. 156].

Новое распоряжение очень подробно регламентировало порядок создания объединений, чего не было в законе 1920 г. Была установлена минимальная численность основателей организации. Далее подробно оговаривались требования к уставу создаваемой организации, что имело целью унификацию студенческого движения [171, с. 157].

Как и ранее, устав утверждался сенатом университета, но министр просвещения получал возможность выступать посредником в случае отклонения устава сенатом. Это нововведение также усиливало контроль государственных органов над студенческой молодёжью и позволяло «санации» поддерживать «свои» союзы.

Для поддержки «санационных» студенческих организаций использовалось и введение принципа пропорциональности при выборах руководства студенческих организаций, в которых насчитывалось более 200 членов. В условиях вузов 2 РП это позволило бы сторонникам «санации» пробиться на руководящие посты в организации

«Братской Помощи», которые занимались студенческой взаимопомощью и традиционно находились под влиянием польских националистов, эндеков. Кроме того, выборы в студенческих организациях были поставлены под контроль ректора, а руководителем избирательной комиссии становился куратор объединения из числа преподавателей [171, с. 158].

Новым моментом стало введение верховного надзора и опеки над студенческими объединениями со стороны министра просвещения. Для непосредственного надзора со стороны университетского сената вводилась должность куратора, чего ранее не было. Куратор подчинялся непосредственно ректору. Куратор должен был осуществлять контроль над деятельностью своих подопечных, вплоть до роспуска собраний и отмены их решений. Также студенческие союзы были поставлены под строгий финансовый контроль со стороны министерства и руководства вуза [171, с. 161].

Кроме права контроля ректор получал широкие возможности для дисциплинарного воздействия на студенческие объединения своего вуза. Руководства вуза получало право приостановить деятельность студенческого союза или даже распустить его. Это могло произойти в случае нарушения нового распоряжения министра, несоблюдения указаний надзирающих органов (министра, ректора, академического сената, куратора), а также в случае проведения противозаконной деятельности. Причиной роспуска могло стать и то, что объединение в течение отчётного года не проявляло какой-либо деятельности, предусмотренной его уставом. Правом приостанавливать деятельность союзов и распускать их мог воспользоваться и министр. В экстренном случае приостановить деятельность студенческого объединения мог даже куратор [171, с. 162].

Согласно новому распоряжению, студенческие объединения должны были изменить свои уставы в соответствии с новыми требованиями до конца ноября 1933 г. В противном случае они подлегали роспуску с 1 декабря 1933 г. До декабря должна была пройти и реорганизация межуниверситетских студенческих объединений. Академические объединения, являющиеся членами других объединений и союзов должны были выйти из их состава до конца июня 1933 г. [171, с. 163].

Следует отметить, что большинство студентов выступило против закона ещё в мае 1932 г., когда стало известно о планирующихся нововведениях. Причём под лозунгом защиты академической автономии объединились политические противники, например, такие как эндеки и представители левого лагеря, социалисты. Наибольшую

активность проявили националисты, ведь именно их влиянию в студенческой среде угрожало распоряжение министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Всепольская Молодёжь выступила с идеей проведения студенческой забастовки [160, с. 133].

Забастовки в вузах 2 Речи Посполитой начались в конце зимы начале весны 1933 г. В Вильно забастовка началась 2 марта 1933 г. Забастовка сопровождались блокадой вузовских зданий и демонстрациями. 4 марта, в ответ на забастовку, ректор закрыл занятия. Студенческую манифестацию протеста разогнала полиция. 7 марта ректор и проректор УСБ направили прошение об отставке. На университетском подворье прошел бурный митинг, на котором выступили представители как эндеков, так и левых [118, с. 50].

Однако следует отметить, что виленское студенчество не было единым. К новому законодательству положительно отнеслись такие «санационные» организации как Легион Молодых, Державная Мысль и академическое отделение Стрелецкого Союза. Лидеры Легиона Молодых, например, сравнивали сторонников автономии с Тарговицкой конфедерацией, обороняющей золотые шляхетские вольности. В Вильно «санационные» студенческие организации даже создали Антизабастовочный комитет, который вёл соответствующую агитацию, заявляя, что наибольшие потери от забастовки несут малообеспеченные студенты [160, с. 138]. 7 марта к ректору УСБ с просьбой о возобновлении занятий обратилась делегация Державной Мысли и корпораций «Виленсия», «Кресовия» и «Пилсудия». Делегаты осудили забастовку как образец коммунистической и социалистической акции. 11 марта занятия были возобновлены [118, с. 50].

13 марта забастовка завершилась. Не смотря на протесты студентов, новое законодательство вступило в действие. Но в дальнейшем протестные акции продолжились. С осени 1935 г. они активизировались во всех вузах и вновь их возглавили эндеки, которые добивались восстановления потерянных позиций в студенческой среде. При этом националисты находили поддержку и со стороны части преподавателей. Съезды ректоров (сентябрь 1936 г., апрель 1937 г.) заявили о необходимости внесения изменений в законодательство о высшей школе, поскольку студенческие волнения делают невозможным проведение занятий. В июле 1937 г. было вновь изменено законодательство о высшей школе, что привело к частичному возвращению академической автономии [160, с. 143].

На это же было направлено и новое распоряжение министра просвещения об академических объединениях от 14 октября 1937 г.

Главным изменением было частичное возвращение возможности образования межвузовских студенческих объединений [172, с. 485].

Вторым важным изменением была отмена принципа пропорциональности при выборах руководства студенческих объединений. В новом распоряжении говорилось лишь о желательности участия представителей меньшинства в руководящих и контролирующих органах объединений взаимопомощи. Не так строго, как в распоряжении 1933 г., регламентировался сам ход выборов руководства студенческих организаций. В новом законе упоминалось лишь о том, что университетское руководство должно иметь возможность осуществлять надлежащий контроль над выборами руководства объединений [172, с. 486].

Третьим принципиальным изменением была отмена верховного надзора и опеки над студенческими объединениями со стороны министра просвещения. Сохранялась лишь опека и надзор ректора и университетского сената. Сохранялись также кураторы с широкими полномочиями. Финансовый контроль деятельности студенческих организаций также осуществлялся ректором. Министр лишь получал высылаемый ректором отчёт о деятельности академических объединений [172, с. 487 – 488].

Таким образом, изменения носили достаточно серьёзный характер. Благодаря им польские националисты получали возможность восстановить свои позиции в студенческой среде.

Следует отметить, что параллельно с борьбой за сохранение академической автономии в вузах 2 Речи Посполитой шла активная акция против повышения оплаты за учёбу и изменений в законодательстве о стипендиях. Дело в том, что, согласно закону от 18 марта 1933 г., министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения мог распределять 20% стипендиального фонда, а остальная часть денег должна была распределяться с его утверждения [201, с. 152 – 153]. До этого стипендии самостоятельно распределяли советы университетов, учитывая мнение организаций Братской Помощи и студенческих научных кружков [160, с. 173]. Таким образом, как и в случае с распоряжением о студенческих организациях, «санация» стремилась укрепить своё влияние в университетской среде.

Однако добиться этого не удалось. Повышение платы за учёбу и новый закон о стипендиях встретили массовое сопротивление со стороны студенчества. Как отмечают польские исследователи, в середине 30-х годов в так называемую «антиоплатную акцию» включились не только националисты и левые, но и часть молодёжи из

«санационных» студенческих организаций – ЛМ, СПДМ и ДМ [160, с. 184].

В январе 1936 г. в Вильно, как и в других вузовских городах 2 РП, прошла студенческая забастовка. Представители левых выдвинули требование сократить плату за обучение на 40 – 50 %, националисты и находившиеся под их влиянием организации БП – на 33 – 35 %. Под влиянием студенческих выступлений министр общественного просвещения был вынужден пойти на некоторые уступки. Например, была уравнена плата для студентов разных курсов (до этого на младших курсах плата была значительно выше, чем на старших) [160, с. 186]. Но это не смогло снять напряжение в университетах, которое сохранялось вплоть до конца межвоенного периода.

Таким образом, следует признать, что правящему «санационному» режиму не удалось достичь особых успехов по завоеванию влияния в студенческой среде. Главной же причиной этого стала та непопулярная политика, которую проводило министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в области высшей школы. Против неё выступало большинство студенчества, начиная от крайне правых и заканчивая левыми группировками. Что касается проправительственных организаций, то они до 1939 г. так и не смогли составить серьёзной конкуренции влиянию эндеков, и, кроме того, часто сами выступали в оппозиции к своим покровителям.

Глава 4.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СОЮЗОВ С ДРУГИМИ МОЛОДЁЖНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.

4. 1. Борьба за молодое поколение с левыми и демократическими организациями молодежи

Осуществление правительственной молодёжной политики «санационного» режима на территории Западной Беларуси встречало серьёзное сопротивление со стороны значительной части молодого поколения. Следует сказать, что молодёжное движение в регионе было представлено не только организациями проправительственного толка. Существовало значительное оппозиционное течение, прежде всего левой и демократической ориентации. Оно было представлено рядом организаций, которые, так или иначе, находились под влиянием оппозиционных режиму «санации» политических партий – коммунистов, социалистов и «народников» из крестьянских партий.

Наиболее радикально настроенным и, находившимся на крайне левом фланге антиправительственного лагеря, был созданный ещё в 1924 г. по инициативе Центрального Комитета Коммунистической Партии Западной Белоруссии (КПЗБ) нелегальный Коммунистический Союз Молодёжи Западной Белоруссии (КСМЗБ). Западно-белорусский комсомол являлся частью польского комсомола (КСМП) на правах автономной территориальной организации. Он не имел собственной программы и устава и в своей деятельности руководствовался документами польского и международного коммунистического движения, поскольку КСМП был секцией Коммунистического Интернационала Молодёжи (КИМ).

Непосредственные задачи и цели западно-белорусского комсомола были конкретизированы на его I (и единственном) съезде, прошедшем в 1931 г. под Минском. В Манифесте съезда провозглашалось: «Мы открыто и смело заявляем, что ставим своей задачей организовать широчайшие массы трудящейся молодёжи для непримиримых боёв против фашизма, для последнего и решительного боя за свержение фашистской диктатуры путём массового всенародного вооружённого восстания. Наша конечная цель – пролетарская революция во всей Польше, которая свергнет фашистский строй, разрешит по-революционному кризис и установит на развалинах фашистской диктатуры рабоче-крестьянскую власть, диктатуру пролетариата, советскую Польшу» [90, с. 143].

Таким образом, стратегические цели КСМЗБ совпадали с целями КПЗБ. В условиях западно-белорусского региона, помимо победы

социалистической революции, выдвигались требования ликвидации помещичьего землевладения, пропаганда пролетарского интернационализма, борьба против внешней политики Польши и защита СССР, осуществление права на самоопределение Западной Беларуси и воссоединения её с БССР [66, с. 67]. Причём следует отметить, что последний лозунг был снят по требованию Коминтерна и Москвы в период улучшения советско-польских дипломатических отношений и подписания договора о ненападении между двумя странами.

Известно, что в межвоенный период на территории Западной Беларуси действовало до 12 окружных комитетов (ОК) КСМЗБ. Уже в 1923 – 1924 годах действовали Виленский, Белостокский, Брестский, Гродненский, Пинский, Барановичско-Слонимский и Новогрудский округа. В 1930 – 1931 годах к ним добавились Волковысский, Молодечненский, Лидский, Поставско-Глубокский и Свентянско-Браславский ОК. Что касается численности западно-белорусского комсомола, то согласно архивным данным, накануне I съезда КСМЗБ насчитывал 1153 человека. Причем не учитывались комсомольцы, находившиеся в тюрьмах. Также в статистику не вошли данные из Барановичского округа, с которым в то время у ЦК не было связи. Тем не менее, приблизительно, на этот округ приходилось 50-70 комсомольцев [69, с. 158]. В дальнейшем, согласно данным современной отечественной историографии, численность комсомола Западной Беларуси достигла 4000 человек [61, с. 201]. При этом следует учитывать, что значительная часть комсомольцев (до 1/3) находилась в польских тюрьмах [67, с. 76].

Кроме подпольного КСМЗБ в Западной Беларуси действовал целый ряд легальных демократических молодёжных организаций. Они были организационно и идейно связаны с легальными, оппозиционными «санационному режиму», политическими партиями.

Одной из них была Молодёжная Организация Товарищества Университета Рабочих (Organizacja Młodzieżowa Towarzystwa Uniwersitety Robotniczego), тесно связанная с Польской Социалистической Партией (ППС). Организационно этот союз возник ещё в 1926 г., в качестве своеобразного молодёжного филиала при социалистической культурно-просветительской организации ТУР [178, с. 63].

Первоначально целями союза были развитие культуры, просвещения и спорта в среде пролетарской молодёжи. К. Чапиньский (посол ППС в Сейме) заявлял: « ТУР должен быть проявлением борьбы пролетариата, стремящегося к разрушению просветительской монополии правящих классов и присвоению всех ценных достижений

национальной и общечеловеческой культуры, где это нужно, в духе стремления своего класса к будущей Польской социалистической республике» [164, с. 92 – 93]. На начальном этапе идеология молодых «туровцев» мало отличалась от социал-реформистской идеологии ППС, воспитание будущих членов которой было одной из их задач [178, с. 64]. В отличие от коммунистов, социалисты были против диктатуры пролетариата и стремились к демократической системе управления государством.

Но уже в 1929 г., с началом социально-экономического кризиса, начался перелом в идеологии и практике МО ТУР. С одной стороны, союз стал делать всё больший упор на защиту интересов молодёжи и участие в активной политической борьбе, с другой – стремиться к большей автономии от руководства ППС.

Это вело к изменениям в идеологии ТУР. Утверждалась необходимость «массовой борьбы рабочих и крестьян и преодоления в массах иллюзий, что какая-нибудь сила в рамках капиталистического строя сможет исправить их судьбу без полной ломки власти господствующих в государстве классов» [176, с. 100]. Признавалась и необходимость установления на некоторое время диктатуры. В середине 30-х годов программа ППС, которую поддерживала и МО ТУР, включала требования расширения прав местного самоуправления и сокращения полномочий административных властей, отделение церкви от государства, право на автономию для национальных меньшинств 2 РП, обобществление основных отраслей промышленности, огосударствление банков, монополию государства на торговлю товарами первой необходимости, проведение радикальной аграрной реформы [176, с. 101].

Следует признать, что непосредственно на территории Западной Беларуси МО ТУР большого влияния на молодёжь не приобрела. Согласно данным ЦК КСМЗБ, самой крупной была «туровская» ячейка в Вильно – в 1932 г. в ней было около 200 членов [34, л. 263]. Для сравнения – нелегальный КСМЗБ в Вильно имел около 200 членов [34, л. 263], а проправительственное Объединение Ремесленной и Промышленной Молодёжи Виленского края – 900 человек [44, л. 243]. Помимо Вильно, архивные материалы сообщают о существовании «туровских» организаций в Гайновке, Гродно, Лапах и Вилейке [47, л. 243]. В работах польских историков есть сведения также об отделениях МО ТУР в Белостоке, Бресте и Лунинце [129, с. 189]. При этом характерно, что, например, в отчёте Гродненского ОК КСМЗБ (1935 г.) о ТУРе сообщалось: «ТУРа целиком, как «вещи материальной»

потрогать нельзя» (то есть он существовал лишь формально) [48, л. 128].

Следует признать, что МО ТУР распространила своё влияние на собственно польских землях, а не в западно-белорусском регионе. Этому существует ряд объяснений. Прежде всего, отсутствовала массовая база – мощный городской пролетариат, на который в первую очередь и была направлена деятельность молодых социалистов. Кроме того, среди местных городских рабочих преобладали евреи, имевшие свои многочисленные еврейские организации. Среди рабочих-поляков имели большой вес и сторонники проправительственной ориентации, как уже было показано выше при сопоставлении численности виленских союзов рабочей молодёжи.

В отличие от коммунистов, ППС уделяла определённое внимание студенчеству. Под её влиянием находился Союз Независимой Социалистической Молодежи (Związek Niezależnej Młodzieży Socialistycznej), имевший своё отделение и в Виленском университете. Однако он не мог соперничать в борьбе за влияние на студентов с мощными организациями крайне правых польских националистов. Численность его в Вильно, согласно данным польской историографии, не превышала (в 1933 г.) 25 человек [161, с. 64]. В дальнейшем, так же как и в МО ТУР, здесь проходили процессы радикализации. Многие члены СНСМ оказались связаны с прокоммунистическим Союзом Студенческой Левицы «Фронт». В результате этого, Союз был распущен в Вильно в декабре 1937 г.[163, с. 123].

Ещё одной организацией демократической направленности был Союз Сельской Молодёжи РП «Вици» (Związek Młodzieży Wiejskiej RP „Wici”). Союз организационно оформился в марте 1928 г. после раскола в Центральном Союзе Сельской Молодёжи. ССМ «Вици» был близок к созданной в 1931 г. крестьянской (народнической) партии Сторонництво Людове [178, с. 146].

Первоначально целью этой молодёжной организации должна была стать работа по повышению духовного и хозяйственного уровня сельской молодёжи и обогащение культуры деревни [164, с. 70]. Как видим, на этапе создания цели ССМ «Вици» были близки к официальным целям проправительственного ССМ «Сев». Сближала их и провозглашаемая аполитичность [178, с. 146]. Главным же различием было отношение к режиму Ю. Пилсудского, которое эволюционировало у ССМ «Вици» к началу 30-х годов от критического (но не оппозиционного) к чисто антиправительственному.

Процесс радикализации Союза нашёл отражение в общественно-политической декларации этой организации (1933 г.). В ней

утверждалось, что «нынешний капиталистический строй является источником нужды крестьян и рабочих». Провозглашалась необходимость общественного переустройства на принципах справедливости и с опорой на деревню и творческие ценности крестьянина. Основой хозяйства должна была стать кооперация и свободный труд, но в рамках экономического плана. Земля должна была находиться в руках тех граждан, которые сами на ней работают [164, с. 70 – 71].

Как и выше упоминавшийся ТУР, ССМ «Вици» не получил большого влияния и распространения на территории Западной Беларуси. Прежде всего, это можно объяснить тем, что после раскола в ЦССМ в данном регионе укрепились структуры ССМ «Сев». Отдельные ячейки ССМ «Вици» действовали лишь в Воложинском, Сувалкском, Белостокском, Бельском, Лидском, Ошмянском, Сокулковском, Гродненском и Волковысском поветах. Их руководящий центр находился в Белостоке [87, с. 212].

Польские историки оценивают общую численность ССМ «Вици» на всей территории 2 РП в 92000 человек [120, с. 165]. В Западной Беларуси, как мы видим, союз распространял свою деятельность в основном на территории Белостокского воеводства и поэтому не мог быть достаточно массовым.

Более влиятельной и массовой демократической молодёжной организацией в западно-белорусском регионе был Югенд-Бунд «Цукунфт» (Jugnt-Bund „Cukunft”). Он был создан в 1919 г. и организационно и идеологически подчинялся Бунду [133, с. 45 – 46].

«Цукунфт» стоял на социал-демократических позициях, выдвигая лозунг борьбы за социализм. Характерным для этого молодёжного союза, как части Бунда, было требование культурной, политической и экономической автономии для еврейского населения. Но одновременно он выступал против идей сионизма, считая, что создание еврейского государства в Палестине не разрешит «еврейского вопроса». Кроме того, бундовцы и цукунфтовцы обвиняли сионистов в сотрудничестве с капиталистами и религиозными ортодоксами, считая такое сотрудничество несовместимым с социалистическими принципами [73, с. 593].

«Цукунфт» объединял еврейскую пролетарскую и ремесленную молодёжь городов и местечек. Организационной единицей была группа, строившаяся по профессиональному принципу и возглавляемая «ратом» (советом). Первичные организации подчинялись городским советам, а те в свою очередь – районным. Центральное руководство организации находилось в Варшаве [87, с. 230 – 231]. Наиболее крупные организации на территории Западной Беларуси «Цукунфт»

имел в Вильно, Пинске, Гродно. Архивные документы ЦК КСМЗБ сообщают и о том, что цукунфтовские организации «густо рассеяны и по периферии», то есть в небольших городках и местечках [34, л. 262]. В наибольшей мере это касалось района Белостока. В 1931 г., во время районных слётов «Цукунфта», в Белосток на такой слёт прибыло 240 делегатов из окрестных местечек и 200 из самого города [31, л. 100].

Как и во многих других молодёжных организациях, в «Цукунфте» на протяжении 30-х годов нарастали процессы радикализации. Иногда это приводило к разрыву местных ячеек с Бундом. Например, в 1934 г. это случилось в Берёзе-Картузской, причём часть цукунфтовцев примкнула к КСМЗБ [47, л. 36].

Если говорить об основных направлениях деятельности левых молодёжных союзов, следует отметить, что так или иначе они принимали активное участие в общественно-политической жизни региона. Особенно это касается КСМЗБ, который играл одну из ведущих ролей в забастовочном движении пролетариата и крестьянских выступлениях в Западной Беларуси. Другие молодёжные организации главное внимание уделяли, прежде всего, культурно-просветительской деятельности среди молодёжи. Лишь в дальнейшем они стали включаться в борьбу за социальные и политические права молодёжи.

Главным препятствием для расширения деятельности левого молодёжного движения было противодействие польских властей. Прежде всего, это касается КСМЗБ, программные установки которого рассматривались польскими властями как подрывные и антигосударственные. Кроме того, большую обеспокоенность спецслужб 2 Речи Посполитой вызывало тесное сотрудничество коммунистического движения с советской разведкой.

В межвоенный период Коминтерн очень часто связывали с деятельностью советской внешней разведки. В коминтерновских резолюциях говорилось, что «помощь СССР, защита его и содействие победе над всеми его врагами должны определять действия каждой революционной организации пролетариата» [85, с. 311]. Данная позиция трактовалась довольно широко. Хотя следует отметить, что формально существовал строгий запрет высших инстанций ВКП(б) и руководства разведки на использование за рубежом в разведывательной работе членов местных компартий [85, с. 11].

Тем не менее, тесные контакты сохранялись. Например, разведка ОГПУ осуществлял выявление агентуры полиции в рядах коммунистического движения [85, с. 316]. Для советской стороны, в свою очередь, была ценной информация, которая предоставлялась

зарубежными коммунистическими организациями. В отчётах КСМЗБ постоянно содержались данные о деятельности «вражеских» организаций. Следует помнить, что в Западной Беларуси одной из таких организаций был Стрелецкий Союз, задачей которого было повышение обороноспособности 2 РП. Таким образом, информация о деятельности «Стрельца» могла носить закрытый военно-стратегический характер. В интересах СССР велась и антивоенная деятельность КСМЗБ. Современный польский исследователь отмечает, что в разведывательных и диверсионных целях разведка СССР использовала коммунистов, которые создали опасную идейную агентуру. Их пропагандистская и подрывная деятельность, по мнению гражданских органов безопасности, негативно влияла на мораль, настроения солдат и ослабляла обороноспособность армии [131, с. 56].

Разумеется, всё это вызывало постоянные полицейские репрессии, вынуждавшие комсомол действовать в подполье весь период его существования.

Борьба «санационного» режима с левыми группировками за влияние на молодёжь опиралась на суровую законодательную базу. До 1932 г. основой борьбы с коммунистическим движением был закон о чрезвычайном положении и статьи уголовных кодексов о государственной измене. В сентябре 1932 г. во 2 Речи Посполитой вступил в действие новый кодекс, предусматривавший жестокие наказания за политические преступления. Так, за попытку насильственной смены государственного строя полагалось от 10 лет тюрьмы до пожизненного заключения. За изготовление, хранение и распространение газет, призывающих к насильственному изменению строя – до 5 лет заключения, за участие в запрещённых властями собраниях, митингах и демонстрациях – до 2 лет тюремного заключения [140, с. 33]. Согласно этому же уголовному кодексу, принадлежность к нелегальным организациям предусматривало наказание вплоть до пожизненного заключения [61, с. 199]. Власти активно применяли это законодательство против всех оппозиционных группировок, но в первую очередь против компартии и комсомола.

В 30-е годы среди арестованных за коммунистическую деятельность в северо-восточных воеводствах преобладали молодые люди в возрасте 16 – 30 лет. Суды чаще всего выносили приговоры в границах от 4 до 8 лет. В конце 30-х годов очень много белорусов, арестованных по подозрению в коммунистической деятельности, умирало в заключении или же вскоре после выхода из него из-за чахотки. Прежде всего, это касалось очень молодых людей. Показательно, что средний возраст умерших коммунистов в восточных воеводствах 2

Речи Посполитой в 1938 – 1939 гг. составлял 26 лет. В центральных же воеводствах деятели этой партии умирали в возрасте 60 – 70 лет [145, с. 110].

Контроль за общественно-политической ситуацией осуществляли различного рода полицейские структуры (с 1926 г. – отделы общественной безопасности воеводских правлений, воеводские комендатуры и следственные комитеты). Они также тесно сотрудничали в этом направлении со 2 Отделом Генштаба (военная контрразведка). Контроль состоял в установлении границ между легальной деятельностью в рамках закона и нелегальными акциями подрывного характера. В первом случае под надзором находились все общественные организации (в том числе и молодёжные). Против организаций проводивших запрещённую деятельность велось не только наблюдение, но и репрессии. Репрессии были направлены в основном против коммунистического движения [146, с. 281].

Большой вес в борьбе с антигосударственной деятельностью власти придавали работе с информаторами – конфидентами. Задачей конфидента являлся сбор информации, интересующей полицию, и проведение «деструктивных действий в антигосударственной среде (дезинтеграция и провокация)». Особенно ценились «внутренние информаторы», которые могли быть использованы в комбинационных акциях. Конфиденты могли быть постоянными или случайными, платными или «идейными». Большинство конфидентов сотрудничало по материальным мотивам. Для этих целей полиция располагала особым материальным фондом. В случае провала информатор получал из этого фонда средства, позволявшие покинуть «опасную территорию». Однако следует отметить, что конфидентов вербовали не только за деньги. Часто использовался шантаж, психологическое и физическое принуждение. Каждое полицейское правление стремилось создать широкую сеть конфидентов на своей территории, чтобы иметь постоянную и полную информацию об общественно-политической жизни [146, с. 284 – 286]. Именно на основе информации полученной от конфидентов и проводились репрессии. Единственными свидетелями во время судебных процессов были полицейские. Они предоставляли доказательства, добытые в ходе наблюдения за подозреваемыми или в результате обыска. Суд чаще всего признавал эти доводы достаточными для вынесения обвинительного приговора. Как отмечает современный польский историк, наличие даже одной листовки коммунистического содержания, чистой бумаги, карандаша, кисти, краски во время обыска признавалось полицией как доказательство подрывной

деятельности, и приводило к обвинительному заключению. Так, в 1934 г. 18-летний житель деревни Рудник пружанского повета А. Крук был приговорён к 1,5 годам тюремного заключения за попытку свержения силой государственного строя. В ходе следствия доказывалось, что он вывесил самодельный плакат, называвший существующий режим польской оккупацией. Доказательствами стали предметы найденные у него дома: чистый лист бумаги, краска, кисть, карандаш. Прокурор назвал его «опасным руководителем коммунистического движения». Свидетелями выступили 5 полицейских. Адвокат обвиняемому предоставлен не был, суд вынес приговор после одного заседания [145, с. 107].

Активность польских спецслужб создала чрезвычайно сложные условия для конспиративной деятельности комсомола. Им удалось широко внедрить своих информаторов и провокаторов в комсомольскую среду. Так, в отчёте Брестского ОК КСМЗБ (май-август 1934 г.) сообщалось: «дефензива пытается пролезть в организации и изнутри разлагать их. В Пружанах и Берёзе Картузской ей удалось это сделать. Эти два района в настоящее время целиком находятся в руках дефы». В том же отчёте сообщалось, что эти организации по инициативе секретаря райкома КСМЗБ отказались сотрудничать с окружным комитетом [40, л. 159]. О комсомольских ячейках, поголовно перешедших на сторону полиции сообщалось и в отчёте Пинского ОК КСМЗБ за июль 1934 г. Доказательством широкого проникновения полицейской агентуры являются и отчёты полицейских властей. Часть из них вошла в сборник «Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1921 – 1939). Документы и материалы» и даёт подробную информацию о деятельности комсомольского подполья, позволяя говорить об этом проникновении. Характерно, что, например, в 1931 г. ЦК польской компартии, чтобы противостоять проникновению конфидентов, предложил на определённое время воздержаться от приёма новых членов и провести проверку старых. Также одновременно поручалось создать руководящие органы, тайные даже для членов партии [140, с. 41].

Последнее предложение было связано с тем, что агенты-провокаторы в руководящих структурах компартии и комсомола представляли особенно большую опасность. На территории Западной Беларуси наиболее известным из таких агентов стал Яков Стрельчук, занимавший пост инструктора ЦК КСМЗБ. В этом качестве он работал в Белостокском, Слонимском, Виленском, Вилейском и Новогрудском округах. В результате деятельности провокатора было

арестовано около 1000 человек [59, с. 296]. Агентами дефензивы также были секретарь Гродненского окружного комитета КСМ Сералевич [92, с. 261] и член Виленского ОК КСМ Адамович [54, с. 146]. Несомненно, крупным успехом польской контрразведки была вербовка весной 1938 г. первого секретаря ЦК КСМЗБ Трофимова [92, с. 337].

Комсомол вёл жестокую борьбу с провокаторами, используя методы индивидуального террора. Так, Сералевич был убит своим двоюродным братом в 1933 г. [92, с. 261], Адамович – членом ЦК КСМЗБ Ю. Левиным [54, с. 148]. Широкий общественный резонанс имели события 27 января 1936 г., когда Сергей Притыцкий сделал попытку ликвидировать Я. Стрельчука во время заседания виленского суда, рассматривавшего дело виленских студентов.

Урон, нанесённый комсомолу дефензивой, был велик. Помимо жестоких полицейских репрессий и постоянных разгромов подпольной сети, страдал авторитет компартии и комсомола, сеялось недоверие как внутри организации, так и во вне, среди населения и других политических партий. В отчёте Гродненского ОК КПЗБ (ноябрь 1932 г.) отмечалось: «Сильное настроение недоверия к нашей партии, посеянное провокаторскими элементами, которые говорят, что большая часть членов нашей организации является провокаторами» [37, л. 31].

Тем не менее, КСМЗБ продолжал свою деятельность. Одним из направлений этой деятельности было и противодействие проведению правительственной молодёжной политики. Именно в этом русле следует рассматривать взаимоотношение комсомола с другими молодёжными союзами и объединениями.

Необходимо отметить, что на протяжении межвоенного периода эти взаимоотношения складывались достаточно сложно. В первую очередь это касается проправительственных организаций. Так, «Стрелец» рассматривался комсомолом в качестве «ведущей молодёжной организации польских фашистов». В программных комсомольских документах говорилось, что в основе всей идеологии «Стрельца» лежит «неугасимое желание Польши «от моря до моря», стремление сокрушить государство рабочих и крестьян». Опасность Стрелецкого Союза для революционного движения, по мнению руководства комсомола, состояла в том, что данный союз охватывал значительную часть рабочей и крестьянской молодёжи. Прежде всего, обеспокоенность вызывало проведение «Стрельцом» «гражданского воспитания». Заявлялось, что «Стрелец должен дать рабочему такую школу «гражданского воспитания», чтобы он стал нерушимой опорой

порядка на фабрике, чтобы в спокойное время был конфидентом, во время забастовки – штрейкбрехером, во время оккупации фабрики тем, кто открывает ворота полиции, во время массовых революционных выступлений силой, громящей бастующих с оружием в руках, во время войны лучшим солдатом и, в первую очередь, угрозой для большевизма» [7, л. 14 – 15].

Руководство ЦК КСМП приказывало развернуть массовое движение против «Стрельца», «окружить его кордоном ненависти рабочих и крестьян и, одновременно, усилить работу внутри «Стрельца»». При этом особое внимание следовало уделить на «оккупированные территории» (т.е. на Западную Беларусь и Западную Украину), где Стрелецкий Союз «проявляет особую интенсивность в своей работе и выступает как вспомогательная сила польской оккупации» [7, л. 17].

Руководствуясь такими директивами, лидеры КСМЗБ стремились ослабить влияние «фашистских» организаций в молодёжной среде путём агитации, бойкота и даже террора. Например, представление об этой борьбе дают материалы опроса, полученные ЦК КСМЗБ из Слонима в июне 1933 г.: «В деревне Солевичи с Кулком велась очень долгая борьба, причём методы этой борьбы были неправильными: комсомол стремился путём террора разбить Кулко. Дошло до того, что группа этих типов поймала двух комсомольцев и до того избила их, что те два месяца лежали в больнице... После этого организация применила другой метод – индивидуальный подход и агитацию. Была специально выпущена летучка к этой организации в деревне Солевичи и, в конце концов, нам удалось достигнуть успеха» [44, л. 19].

Но в работе комсомола с проправительственными организациями преобладали методы физического воздействия. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так, в отчёте Молодечненского ОК КСМ (январь-апрель 1935 г.) сообщалось, что «комсомольцы работать среди стрельцов не умеют; вся работа сводится к дракам [49, л. 14]. В Крынкском районе Гродненского округа кружок ССМ «Сев» из 40 человек распался после того, как комсомольцы начали систематически избивать и запугивать его членов на сельских вечеринках [41, л. 140]. «Разагитированную» таким образом молодёжь было достаточно сложно привлечь на сторону КСМЗБ, что и вызывало нарекания и критику со стороны руководства КПЗБ за неумение работать с «вражескими» организациями.

Хотя были и положительные примеры. Выше уже говорилось о том, что белостокские комсомольцы привлекли стрельцов к участию в

забастовке текстильщиков. И этот случай не был исключением. Так, в 1933 г. комсомольцам Гродненского ОК удалось перетянуть на свою сторону коменданта крупного стрелецкого отряда (до 70 человек) в деревне Климчаны Сокольского уезда. Он распустил свой отряд и передал комсомольскому подполью 37 карабинов из стрелецкого арсенала [37, л. 98]. КСМЗБ ставил перед собой задачу втягивания рядовых стрельцов в революционную борьбу, разложения «фашистской» дисциплины и ликвидации отрядов. Следует сказать, что ЦК КСМЗБ в 1934 г. признавал, что «комсомол имеет отдельные положительные примеры работы в «Стрельце», которые в сумме совершенно не значительны» [47, л. 15].

Не менее ожесточённым было противостояние внутри левого молодёжного движения. Прежде всего, это было следствием экстремизма и «левого сектантства» КСМП и КСМЗБ. Комсомол объявлял МО ТУР и «Цукунфт» социал-фашистскими организациями, а ССМ «Вици» – народническо-фашистской. Радикализация же этих организаций и их стремление бороться за права молодёжи объяснялась лишь «фразеологией» и попыткой «приспособить методы своей агитации к революционным молодёжным настроениям» [24, л. 185]. Такая позиция комсомола полностью отвечала концепции «социал-фашизма» как наибольшего зла, которой руководствовалось всё международное коммунистическое движение до середины 30-х годов. Как заявлялось в одном из циркуляров ЦК КСМП: «Сейчас как СЛ и ППС являются самыми опасными врагами в крестьянской и рабочей среде, так и ССМ «Вици» и ТУР самые опасные враги среди крестьянской и рабочей молодёжи на пути к революции и рабоче-крестьянской власти» [6, л. 5].

Социал-демократы в ответ обвиняли коммунистов в раскольничестве и стремлении монополизировать рабочее движение. В одном из воззваний Бунда (1931 г.) говорилось, что коммунисты проводят «такую работу, которая вместо революционного дела приводит к борьбе рабочих с рабочими. Они хотят силой принудить всех рабочих идти под их командой» [31, л. 96].

Следует отметить, что ещё на рубеже 20 – 30-х годов Коминтерн, а, следовательно, и КСМЗБ, обратился к тактике «единого фронта снизу». Однако на практике эта была лишь форма маскировки в борьбе за влияние на массы, в том числе и на молодёжь. Планировалось на основе единофронтовской борьбы «отрывать массы пролетарской молодёжи из-под влияния ППС, ТУРа, «Цукунфта» и реформистских профсоюзов», создавать в этих организациях массовое оппозиционное движение под коммунистическим

руководством [24, л. 217]. Такая практика могла привести лишь к росту взаимного недоверия и враждебности внутри демократического лагеря и к его ослаблению. Неудивительно, что центральное руководство МО ТУР и «Цукунфта» запретило своим первичным организациям вступать в контакты с комсомолом. Как следствие, на местах такие контакты жёстко пресекались. Так, в конце 1932 г., когда двое комсомольцев попытались провести массовку в виленском отделении «Цукунфте», их сразу же избили и выбросили из помещения [36, л. 66].

Ситуация начала меняться в середине 30-х годов прошлого века. В это время согласно решениям VII Конгресса Коминтерна (июнь-июль 1935 г.) был взят курс на создание действительно единого народного антифашистского фронта всех левых и демократических сил. Задачи комсомола в этих условиях уточнил VI Всемирный Конгресс КИМ (25 сентября-10 октября 1935 г.). Среди 10 делегатов Конгресса от КСМП находился и Н. Масловский, первый секретарь ЦК КСМЗБ [207, с. 202]. В своём выступлении он подверг критике сектантство комсомольцев Западной Беларуси, выдвигавших задачи, не отвечавшие широким настроениям масс. В качестве примера Масловский привёл излишний максимализм в борьбе за белорусскую школу. Первый секретарь западно-белорусского комсомола признал также ошибочность трактовки всех белорусских организаций молодёжи как национал-фашистских. Особое внимание он обратил на ССМ «Сев» как наиболее массовую организацию крестьянской молодёжи в регионе, которую необходимо превратить в организацию именно белорусской крестьянской молодёжи. В целом Масловский признавал необходимость выработки совместной платформы со всеми нефашистскими организациями «для борьбы молодого поколения за национальную свободу, за образование на родном языке, за землю, работу, мир» [195, с. 53].

Что касается задач комсомола, то решениями VI Конгресса КИМ рекомендовалось создание массовых непартийных юношеских организаций, которые бы включали в свои ряды не только коммунистическую, но и социалистическую, а также беспартийную, национально-революционную, пацифистскую, религиозную и другую молодёжь для защиты экономических, политических и культурных интересов молодого поколения и воспитания его в духе классовой борьбы, пролетарского интернационализма, марксизма-ленинизма [77, с. 153 – 154]. Предусматривался также переход к легальной и полулегальной деятельности в рамках легальных союзов, в том числе «фашистских», поддержка оппозиционных, демократических и либеральных юношеских групп [77, с. 160]. Кроме этого, Конгресс

призывал коммунистические союзы молодёжи к активизации участия в профсоюзной жизни, в спортивной деятельности, организации антивоенной работы в защиту СССР [77, с. 161 – 169].

В связи с курсом на единый фронт изменилось отношение комсомола к проправительственным организациям, прежде всего к их рядовым членам. В это время КСМЗБ стремился использовать ячейки проправительственных молодёжных союзов для легальной массовой работы, ориентируясь на сотрудничество с ними, а не на ликвидацию их любой ценой. Так, в письме ЦК КСМЗБ от 9 сентября 1935 г. комсомольским организациям и их лидерам рекомендовалось сотрудничать в борьбе за школу на родном языке с кружками ССМ «Сев» и низовыми структурами «Стрельца» [48, л. 27]. Разумеется, это могло представлять непосредственную угрозу для реализации «санационной» молодёжной политики.

Однако, «террористические» настроения в низовых организациях и взаимную враждебность преодолеть оказалось достаточно сложно. Ярким свидетельством тому могут служить события в Вильно в 1935 г., когда местные комсомольцы обратились к Организации Трудящейся Молодёжи с предложением создать единый фронт. Во время визита в штаб-квартиру этой организации, члены КСМЗБ принялись высмеивать висевшие там портреты Ю. Пилсудского и И. Мостицкого. Учитывая культ личности первого маршала Речи Посполитой среди «проправительственной» молодёжи, не удивительно, что попытка наладить контакты закончилась обыкновенной дракой и изгнанием комсомольцев [48, л. 22].

Больших успехов в Вильно КСМЗБ удалось добиться в сотрудничестве с социал-демократическими молодёжными организациями. Комсомол совместно с «Цукунфтом» активно участвовал в забастовочной борьбе. Так, по инициативе комсомольцев в городе была проведена школьная забастовка протеста против увольнения одной из активисток «Цукунфта». Также был создан совместный спортивный клуб, объединивший около 80 комсомольцев и «цукунфтовцев». Совместно отмечались день социалистической молодёжи и годовщина октябрьской революции. При поддержке КСМЗБ началось создание легальных ячеек МО ТУР. В контакте с еврейской спортивной организацией «Маккаби» началась компания бойкота олимпиады в Германии. КСМЗБ налаживал контакты с сионистскими молодёжными организациями «Фрайгайт» и «Бейтар», литовскими организациями «Ритас» и «Святой Казимир», с редакцией белорусского журнала «Шлях моладзi» [48, л. 46 – 47].

В сельской местности развернулась компания за организацию молодёжных забав и вечеринок, к которой удалось привлечь и членов «Стрельца» и СМД [38, л. 48]. В октябре 1936 г. во время крестьянской забастовки на Слонимщине комсомольцы наладили сотрудничество с ССМ «Вици» в деле организации отрядов крестьянской самообороны [58, с. 68]. Согласно данным современной белорусской историографии, к концу 1936 г. различного рода единофронтовскими молодёжными организациями было охвачено около 6000 человек [67, с. 77].

Одной из таких организаций можно считать Союз Академической Левицы «Фронт» (Związek Lewicy Akademickiej «Front»), действовавший в УСБ. Руководители «Фронта» прошли значительную идейную эволюцию, прежде чем стали на демократические и прокоммунистические позиции. «Фронт» начал складываться в 1931 г. в ходе борьбы за руководство в организации студенческой взаимопомощи «Братская Помощь».

Уже тогда в этой группе были объединены представители самого широкого круга молодёжных союзов, в том числе и проправительственной ориентации. Во главе организации стоял Г. Дембинский – руководитель виленского отделения Союза Академической Католической Молодёжи «Возрождение» (ZKMA «Odrodzenie»). Помимо его самого к клерикальному «Возрождению» принадлежали будущие деятели «Фронта» М. Жеромская и В. Борисевич [118, с. 18]. Е. Стахельский наоборот до 1930 г. принадлежал к ВМ. Комендантом виленского ЛМ был С. Ендриховский, а М. Винецкий входил в состав руководства СПДМ [51, л. 4 – 8]. Активным членом харцерской организации был Я. Капала. Членом Союза Независимой Социалистической Молодёжи (организации близкой к ППС) был также и К. Петрусевич. Показательно, что единственным коммунистом среди этой группы был литовец И. Друтас (Я. Друтто), член Литовского Коммунистического Бюро [118, с. 38].

Зимой 1932 – 1933 гг. на базе «группы Дембинского» была создана нелегальная организация «Фронт». Инициаторами её создания стали С. Ендриховский, М. Дзевицкая, К. Петрусевич и М. Винецкий [118, с. 47]. Эти же люди создали комсомольскую ячейку внутри «Фронта». Следует сразу отметить, что инициатива создания комсомольской студенческой организации в данном случае исходила именно от самих студентов, а не была инспирирована из вне.

Период 1933 – 1935 гг. стал временем наибольшей активности Союз Студенческой Левицы. По его инициативе возник Блок Независимой Студенческой Молодёжи, который вёл активную борьбу на выборах в правление организаций самопомощи. Также «Фронт»

активно участвовал в борьбе за экономические права студентов и против введения новых академических законов. Студенческая организация распространила свою деятельность и за стенами университета – в организации ТУР. В марте 1935 г., после выборов в правление виленского отделения ТУР, руководящую роль в нём стали играть деятели «группы Дембинского». С 1937 г. руководителем виленского филиала ТУР был член КСМЗБ Б. Скаржинский, активный участник «Фронта» [129, с. 189].

Но наибольшее значение имела издательская деятельность «Фронта». Самым популярным его органом стал выходивший с августа 1935 г. по март 1936 г. двухнедельник «Poprostu». В его редакцию входили Г. Дембинский, С. Ендриховский, К. Петрусевич и другие. Литературный отдел возглавил поэт Е. Путрамент. Одним из сотрудников журнала стал М. Танк, который руководил его «белорусским отделом». Журнал имел широкую популярность не только среди интеллигенции, но и среди других слоёв населения. Его тираж достигал 12 тысяч экземпляров, что в условиях межвоенной Польши было достаточно высоким показателем [116, с. 58].

Именно в «Poprostu» в марте 1936 г. была напечатана «Декларация прав молодого поколения Польши», которая стала своеобразной программой создания фронта молодого поколения. В ней выдвигались вопросы защиты экономических и политических прав молодёжи. Особо выделялось признание права национальных меньшинств на автономию. Главным путём для улучшения положения молодого поколения объявлялось ограничение доходов капиталистов и сокращение военного бюджета [56, с. 64 – 65].

Деятельность демократически настроенной студенческой молодёжи вызывала обеспокоенность польских властей. Ещё в 1932-1933 гг. была предпринята попытка привлечь «группу Дембинского» на сторону «санации». В переговорах с Г. Дембинским и С. Ендриховским участвовали глава ЛМ капитан Галинат, Я. Пилсудский и В. Пилсудская, родственники польского диктатора. Брат маршала предложил Г. Дембинскому даже возглавить ЛМ. Однако переговоры всё же закончились неудачей [118, с. 31 – 32].

Как следствие этого, начались правительственные репрессии. Прежде всего, цензурным преследованиям стали подвергаться студенческие издания. В январе 1936 г. прошёл судебный «процесс 11-ти». Среди подсудимых были И. Дрз̆тас, М. Дзевицкая и К. Петрусевич. В 1937 г. были арестованы и осуждены лидеры «Фронта» – Г. Дембинский и С. Ендриховский. Польские власти, опасаясь нежелательного общественного резонанса, не стали подвергать суровому

наказанию студентов-поляков. После непродолжительного тюремного заключения фактически всё руководство «Фронта» оказалось на свободе вследствие или амнистий или различного рода кассационных жалоб адвокатов. Тем не менее, «Фронт» не прекратил своего существования. Он продолжил свою работу в ТУР, активно сотрудничал с ППС. Руководство Союза приняло решение продолжать свою деятельность и после роспуска КСМЗБ в 1938 г.

Следует отметить, что полноценный фронт молодого поколения в Западной Беларуси, как и во всей II Речи Посполитой, все же так и не был создан. Виной этому был ряд объективных и субъективных факторов. С одной стороны, комсомол не смог полностью избавиться от «левого сектантства» и стремился занять доминирующее положение в едином фронте. Кроме того, руководство Бунда и ППС опасалось репрессий со стороны властей за сотрудничество своих молодёжных филиалов с коммунистическим движением и принимало меры против молодых «экстремистов». На рубеже 1935-1936 гг. ЦК ППС из-за радикализации и излишнего стремления к автономии распустил МО ТУР, преобразовав её в более тесно связанный с партией Центральный Отдел Молодёжи ППС [178, с. 17].

Именно структуры Центрального Отдела Молодёжи ППС совместно с СПДМ и ЛМ объявили о создании в апреле 1936 г. Фронта Молодой Левицы, оставив за его рамками не только комсомол, но и СМД и ССМ «Вици». Но эта попытка консолидации молодых социал-демократов и левого крыла «санационной молодёжи» закончилась провалом. Главными причинами этого были раскол в ЛМ и СПДМ, а также то, что ЦОМ ППС находились только на стадии формирования [120, с. 84]. Что касается Западной Беларуси, то попытка создания Фронта Молодой Левицы фактически не нашла отражения в общественно-политической жизни региона.

Самым серьёзным ударом для левого западно-белорусского молодёжного движения и для единого фронта молодого поколения стало решение Коминтерна в 1938 г. распустить КПП, а, следовательно, КПЗБ и КСМЗБ. Всё коммунистическое движение было обвинено в сотрудничестве с польской контрразведкой. Польской контрразведке действительно удалось глубоко проникнуть в руководящие структуры КСМЗБ, но в целом роспуск комсомола был неоправданным, особенно в условиях борьбы за создание единого антифашистского фронта всех демократических сил.

Таким образом, необходимо отметить, что реализация правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси встречала серьёзное сопротивление со стороны левого

политического лагеря. Наиболее ожесточённую борьбу за молодое поколение с «санацией» вёл КСМЗБ. Вследствие этого на протяжении всего межвоенного периода он подвергался постоянным полицейским репрессиям и был объектом деятельности провокаторов польской контрразведки. Помимо преследований польских властей, отрицательно на развитие левого молодёжного движения оказало отсутствие внутреннего единства, которое было следствием конфронтации комсомола с легальными оппозиционными молодёжными союзами. Лишь после VI Конгресса КИМ была сделана попытка создания фронта молодого поколения, в том числе и с привлечением проправительственных объединений. Но, не смотря на отдельные положительные результаты, консолидировать молодёжное движение региона не удалось. Главными причинами этого стали взаимное недоверие и роспуск ведущих левых молодёжных организаций – КСМЗБ и МО ТУР.

4. 2. Власти и национальное молодежное движение

Как известно 2-я РП являлась многонациональным государством. Это оказало влияние и на развитие молодёжного движения на территории Западной Беларуси. На протяжении всего межвоенного периода в регионе действовал ряд группировок и организаций, стремившихся распространить своё влияние на представителей молодого поколения различных национальностей – белорусов, евреев, украинцев и т.д.

Начиная разговор о белорусском национально-демократическом молодёжном движении, надо сказать, что оно в основном находилось под влиянием Белорусской Христианской Демократии (с 1935 Белорусского Национального Объединения) – БХД-БНО. Эта организация выступала за независимость белорусского народа на всех его этнографических землях. БХД стремилась создать строй, основанный на труде, гражданском равенстве, не допускающий эксплуатации, обеспечивающий культурные и экономические потребности граждан. Белорусские христианские демократы были против всякой диктатуры – капитализма, фашизма, коммунизма. БХД выступали в защиту частной собственности, но согласно их программе «частная собственность должна быть так урегулирована и объята законом, чтобы не быть вредной для общего блага» [194, с. 168 – 169].

Не смотря на конфронтацию белорусских христианских демократов с КПЗБ и КСМЗБ, польские власти считали БХД-БНО радикальной партией, близкой к коммунистам и опасной для общественного порядка [194, с. 170]. Оценивая характер данной

партии (а, следовательно и находившегося под её влиянием молодёжного движения), можно говорить, что хотя она и не была революционной, но всё же находилась на левом фланге политического спектра. Что касается её, как это принято считать, буржуазного характера, то это положение опровергает как её классовый состав – в основном крестьяне и интеллигенция, так и постоянные финансовые трудности БХД-БНО, что было бы невозможно, пользуйся она поддержкой буржуазии.

Согласно программе БХД-БНО (1935 г.), партия шла к своим целям «путём организации, повышения сознательности белорусского крестьянства, рабочих и интеллигенции» [72, с. 27]. В этом русле развивалась и работа белорусских христианских демократов с молодёжью.

Следует сразу отметить, что какого-либо массового единого белорусского молодёжного союза национально-демократической ориентации в межвоенный период не существовало. Хотя на рубеже 20 – 30-х годов была предпринята попытка его создания. Инициатором создания Товарищества Белорусской Молодёжи «Будущее» стала редакционная коллегия журнала «Шлях моладзі». Целями организации должны были стать: культурное, национальное, общественное и профессиональное самообразование; распространение просвещения среди молодого поколения; развитие народной культуры и творчества; развитие спорта и физического воспитания; организация самопомощи.

Устав организации был подан на утверждение виленскому воеводе, который отказался это сделать. Свой отказ он аргументировал тем, что членами Товарищества могут быть только лица, достигшие 21 года, в то время как устав предусматривал полноправное членство с 16 лет, а в исключительных случаях с 14 лет. Однако, известно, что, например, в ССМ «Сев» и ОПМ принимались подростки с 14 лет. После того, как учредители Товарищества обратили на это внимание польских властей, те во второй раз отклонили их прошение, объяснив это правами воеводы [89, с. 7].

Отказалось утвердить устав «Будущего» и МВД. Начальник безопасности Виленского воеводства письмом от 23 февраля 1932 г. сообщил, что МВД оставило «без рассмотрения» протест основателей Товарищества против постановления воеводы [93, с. 10]. Неудачей закончилась и попытка создания белорусского спортивного общества «Гайсак». Воеводские власти также не дали разрешение на его регистрацию [86, с. 92].

Тем не менее, журнал «Шлях моладзі» продолжал вести работу среди белорусской молодёжи. Сам журнал был создан в начале 1929 г. Первый его номер вышел в марте этого года. В состав редакционной коллегии вошли И. Найдюк, И. Тумаш, А. Шутович, В. Тарасевич. Редактором стал М. Петюкевич (позднее его сменил И. Найдюк), издателем И. Богданович [55, с. 95]. Это были молодые работники виленской типографии имени Ф. Скорины или студенты-белорусы виленского университета. Не смотря на различные трудности, журнал выходил на протяжении 10 лет, первоначально один раз, затем (с 1937 г.) два раза в месяц. Всего вышло 157 номеров издания. Журнал распространялся преимущественно в Вильно, в Браславском, Молодеченском и Волковысском поветах [38, л. 94].

Целью своей работы редакция журнала провозгласила «борьбу за независимость Беларуси и за улучшение народного сознания, расширение просвещения и культуры в деревне, воспитание молодёжи в духе независимости и предоставление, в меру возможности, для молодёжи хорошей литературы, развлечений и интересных и полезных сведений из жизни мира, а также белорусского возрожденческого движения». За основу была взята «народная идеология», опиравшаяся на христианскую этику [89, с. 4].

В рамках декларируемых целей журнал публиковал статьи по истории Беларуси и белорусского национально-освободительного движения. Редакция журнала так оценивала значение распространения знаний по истории: «Белорусская молодёжь, имея перед собой историю – науку борьбы за свободу наших отцов и соседей, должна хорошо научиться, как она должна поступать» [78, с. 1]. Большое внимание уделялось и современному состоянию белорусского национального движения. Существовала постоянная рубрика «Хроника. Из белорусской жизни». В ней освящалась общественная и культурная деятельность белорусских национальных организаций не только в Вильно, но и за границей. В литературном отделе журнала сотрудничали многие молодые белорусские поэты – М. Танк, М. Машара, В. Тавлай [55, с. 95].

Одновременно журнал вёл острую борьбу против различного рода официальных польских молодёжных союзов и объединений. Постоянно говорилось, что эти организации «под прикрытием культуры или христианства фактически хотят полонизировать белорусскую молодёжь» [89, с. 8]. И. Найдюк в своей редакционной статье, посвящённой 15 годовщине БНР, призывал «сбросить с себя болезненный нарост «Związkow», «Stowarzyszen», «Strelcow»» [79, с. 2]. По мнению редакции журнала, белорусская молодёжь должна

«работать самостоятельно для белорусского дела, без никаких надежд на протрезвление чужого больного национализма, как на западе, так и на востоке. Белорусам есть только одна дорога – организация своих сил в своих же организациях» [80, с. 8].

Что касается отношения молодых белорусских христианских демократов к коммунистам, то они считали коммунистическую и социалистическую идеологию чуждой для белорусского народа. Тем не менее, «Шлях моладзі» был далёк от той антикоммунистической истерии, которой была проникнута официальная польская пресса. Именно поэтому, в августе 1935 г., в рамках борьбы за единый антифашистский фронт состоялись контакты между представителями ЦК КСМЗБ и редакции журнала. Но сотрудничество не состоялось. «Шлях моладзі» отказался от него, также как это сделала БХД-БНО по отношению к КПЗБ.

«Шлях моладзі» (ноябрь 1935 г.) назвал VII Конгресс Коминтерна борьбой за замену фашистской диктатуры на коммунистическую и призывал белорусскую молодёжь сотрудничать только с теми, кто несёт белорусскому народу «настоящую волю и лучшую долю, отбрасывая как фашистскую, так и красную диктатуру» [81, с. 2 – 3].

Однако антикоммунистическая позиция не спасала журнал от преследований со стороны польских властей. Так, например, польская администрация на местах составляла протоколы за одну лишь подписку на журнал. Виленские воеводские власти неоднократно налагали денежные штрафы на издателей «Шляха моладзі», некоторые номера издания были конфискованы по цензурным соображениям. Летом 1939 г. журнал был окончательно закрыт, а издатели и члены редакционной коллегии были арестованы и высланы в концентрационный лагерь в Берёзе Картузской [82, с. 401].

Помимо деятельности «Шляха моладзі», деятельность БХД-БНО в борьбе за влияние на молодёжь принимала и другие формы. Большие надежды в этом отношении возлагались на Белорусский Институт Хозяйства и Культуры (БИХиК), созданный ещё в июне 1926 г. Его целью была организация культурно-просветительской работы и хозяйственной деятельности через создание библиотек, клубов, сельскохозяйственных кооперативов, обеспечение крестьян техникой и распространение агрономических знаний [57, с. 444]. Активную агитацию по вовлечению молодёжи в БИХиК проводил «Шлях моладзі», особенно после провала попытки создания Товарищества Белорусской Молодёжи. По мнению редакции, организация кружков БИХиК могло бы частично возместить тот вред, который принёс запрет польских властей. В 1934 г. существовало до 80 кружков

Института, объединявших 1200 человек в Виленском, Браславском, Дисненском, Вилейском, Ошмянском, Лидском и Барановичском поветах [57, с. 444].

Наиболее значительной акцией БИХиК стала борьба за белорусскую школу совместно с ТБШ, находившимся под руководством КПЗБ. В феврале 1936 г. между БИХиК и ТБШ была подписана «Декларация в деле борьбы за школу на родном языке». Обе организации создали совместный Центральный школьный секретариат и начали издавать газету «За беларускую школу». Было собрано 4,5 тысячи деклараций с подписями в поддержку требования открытия белорусских школ, направлена специальная делегация в Варшаву. Власти вынуждены были пойти на некоторые уступки – были введены уроки белорусского языка в школах, открыто несколько двух-язычных школ. Одновременно на организаторов «школьной акции» обрушились репрессии. По приказу виленского староства 2 декабря 1936 г. была запрещена деятельность ТБШ, а через два дня и БИХиК [72, с. 56 – 60].

Одной из организаций, находившейся под частичным влиянием БХД-БНО, был Союз Студентов Белорусов, действовавший в виленском университете в 1920 – 1939 гг. Главными целями Союза были объединение своих членов на почве научного познания Беларуси и воспитания национального самосознания народа. В ССБ существовало четыре секции – культурно-просветительская, научная, издательская, труда, а также своя библиотека. ССБ вёл просветительско-пропагандистскую работу, в основе которой было чтение лекций среди населения Западной Беларуси. Также организовывались субботние вечера, экскурсии, театральные постановки, концерты. При ССБ существовал хор, руководителем которого являлся известный музыкант и фольклорист Г. Ширма.

Вести какую-либо иную деятельность, кроме культурно-просветительской, ССБ не мог из-за постоянного давления властей. Так, когда в феврале 1933 г. собрание ССБ постановило выразить протест против притеснения белорусской школы и белорусских просветительских организаций, куратор организации профессор Э. Кошмидер не дал на это разрешения по причине «неправдоподобности приведённых фактов и заострённости акцентов» [28, л. 104]. В том же году, в связи с новым законом о студенческих объединениях, Союз был вынужден выйти из Объединения Белорусских Студенческих Организаций, которое координировало деятельность студенческих организаций в вузах Европы и Америки [74, с. 26]. В дальнейшем ССБ было запрещено организовывать

лекции в провинции, а его членам носить значки своей организации [82, с. 193].

Таким образом, к концу 30-х годов деятельность ССБ ограничивалось территорией Вильно и средой белорусского студенчества местного университета.

Помимо давления польских властей отрицательное влияние на развитие белорусского национально-демократического движения оказали и внутренние конфликты. На рубеже 20 – 30-х годов возник «Центросоюз», или как его называли «белсанация», во главе с Р. Островским и А. Луцкевичем. «Центросоюз» считал возможным, в отличие от БХД-БНО, идти на уступки и компромиссы с польскими властями.

«Центросоюз» предпринимал определённые меры для распространения своего влияния на молодое поколение. Так молодёжь составляла большую часть членов созданного в 1933 г. «белсанацией» Товарищества Белорусского Просвещения [47, л. 67]. Цели этой организации были близки к целям БИХиК. Кроме того, предусматривалось наряду с изучением белорусской культуры и изучение польской культуры. Также руководство ТБП считало возможным сотрудничество с польскими проправительственными молодёжными союзами, прежде всего с ССМ «Сев» [24, л. 384]. Товарищество развивало свою деятельность только в Виленском воеводстве и, не смотря на свою пропольскую ориентацию, было закрыто в августе 1937 г.

Но главный упор руководство «Центросоюза» сделало на овладение белорусским студенчеством. ССБ стал объектом борьбы между «белсанацией» и БХД. Однако БХД удалось сохранить своё влияние в Союзе Студентов Белорусов. Весной 1931 г. из правления ССБ за финансовые махинации были исключены К. Глинский, Е. Бартуль и С. Станкевич – сторонники «Центросоюза» [38, л. 71]. После этого бывшие члены правления выступили с инициативой создания корпорации «Скориния».

Уже в первое время своего существования корпорация столкнулась с недостатком массовой поддержки. Для официальной регистрации вузовскими властями необходимо было предоставить не менее 50 подписей студентов. Организаторы «Скоринии» вынуждены были собирать подписи среди студентов-поляков, так как среди студентов-белорусов достаточного их количества собрать не удалось [38, л. 71].

12 июня 1931 г. университетский сенат всё же утвердил устав корпорации. Численность организации была не велика – на протяжении всего своего существования она не превышала 25 человек. Это было не только следствием отсутствия достаточной

поддержки. Корпорации изначально считались по своей сути замкнутыми элитарными организациями. Ни одна из студенческих корпораций межвоенной Польши не насчитывала более 100 членов [178, с. 47]. Но это компенсировалось за счёт строгой дисциплины и солидных материальных фондов. Как и в польских корпорациях, член «Скоринии» проходил три ступени: новопринятый («фукс»), полноправный член («камильтон») и, после окончания учёбы в вузе, корпорант становился «филистером». В обязанности «филистера» входило оказание моральной и финансовой помощи младшим членам корпорации [118, с. 12].

Благодаря поддержке «филистеров» и стало возможным функционирование корпорации «Скориния». Её «филистерами» были ведущие лидеры «белсанации» – Р. Островский и А. Налендо-Трепка. Именно Островский контролировал и распределял финансовые средства, поступавшие от властей для поддержки полонофильских организаций. Это позволяло корпорации достаточно безбедно существовать. На начальном этапе (1931-1932 гг.) её ежемесячный бюджет составлял 1500 злотых. Для сравнения – на Виленскую белорусскую гимназию выделялось 2500 злотых в месяц, а весь ежемесячный бюджет «белсанации» составлял 8000 злотых. За одну лишь аренду помещения корпорация платила 200 злотых. Студенты-«фуксы» получали 15–25 злотых, а руководство «Скоринии» – 160–200 злотых ежемесячно [38, л. 18–19]. Финансовая поддержка позволяла организации выпускать, хотя и крайне редко, свой печатный орган. Под редакцией К. Глинского, а затем Т. Гришкевича, вышло три номера журнала «Новая Варта» (латинским шрифтом) [196, с. 297].

Идеологи «Скоринии» считали необходимым вести работу с позиций «белорусского позитивизма». Предлагалось отказаться от максимализма требований и главное внимание уделять созданию и укреплению белорусской национальной и культурной базы. Показательно, что в качестве примера «позитивной работы» приводилась деятельность Ю. Пилсудского и его сторонников под покровительством Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны: «В великий исторический час не было недостатка в поляках готовых на величайший героизм. Никто сегодня не спрашивает этих поляков, как и в какой мере Австрия проявляла им своё покровительство» [95, с. 2].

Таким образом, «Скориния» считала возможным идти на компромисс и сотрудничество с польским правящим режимом. Именно поэтому лидеры корпорации настаивали на более активном участии в общеуниверситетской жизни. Корпорация также призывала к сотруд-

ничеству с польскими организациями в области спорта: «Не нужно бояться польских спортивных организаций. Спортивные организации в Вильно редко носят национальный, а тем более националистический характер. Они никого из нас не сполонизируют, а если и ополячат кого-нибудь слабого духом, невелика потеря» [101, с. 22].

Не смотря на свою немногочисленность, корпорация активно участвовала как в университетской жизни, так и в белорусском национальном движении в Вильно. Одновременно члены «Скоринии» участвовали и в официальных мероприятиях польских властей. Так во время визита Ю. Пилсудского в Вильно, делегация от «Скоринии» привлекалась к его торжественной встрече [27, л. 65].

Но главным содержанием деятельности корпорации «Скориния» стала её борьба с ССБ, находившимся под контролем БХД. Это было продолжением борьбы в белорусском национальном движении между БХД и «Центросоюзом». Фактически всё закончилось расколом в белорусском студенческом движении [69, с. 126 – 127].

Вскоре наступил и кризис внутри самой корпорации. Он был тесно связан с конфликтом в лагере «белсанации» между А. Луцкевичем и Р. Островским, которого обвинили в финансовых махинациях. Первоначально «Скориния» выступила на стороне Р. Островского [115, с. 71]. Но уже в конце 1933 г. Р. Островский был вынужден отречься от своего «филистерства» в корпорации по «финансово-хозяйственным причинам и из-за обвинений в неэтических поступках». Сразу же обострились финансовые трудности в организации. Кроме того, и сами корпоранты разделились на сторонников Луцкевича и Островского. После того, как «островщики» и «антоновцы» начали исключать друг друга из корпорации университетские власти вынуждены были распустить корпорацию в начале 1934\1935 учебного года [75, с. 11].

После роспуска корпорации наиболее активные её члены продолжили общественную деятельность. Было создано Белорусское Студенческое Товарищество имени Ф. Скорины. Следует отметить, что его руководитель, А. Мюллер, являлся одновременно инструктором в проправительственной молодёжной организации «Передовая Стража». Бывшие члены «Скоринии» в декабре 1935 г. предприняли попытку издания в Вильно польскоязычного журнала «Mowią Młodzi» («Говорят молодые»), который имел целью «объективно информировать польское общество о совокупности белорусского вопроса». Сохранился лишь первый (и вероятно единственный) номер журнала [196, с. 320 – 321]. Следует отметить, что после ликвидации

«Скоринии» деятельность «белсанации» проходила уже вне студенческой среды.

Таким образом, за весь межвоенный период белорусское национал-демократическое молодёжное движение так и не стало массовым и не приобрело значительного влияния. Это было следствием, как внутренних конфликтов, так и политики польских властей. Совсем иначе складывалась ситуация в сионистском молодёжном движении.

Следует сказать, что на 20 – 30-е гг. XX в. приходится пик общественно-политической активности еврейского населения 2 Речи Посполитой, в том числе и на территории Западной Беларуси. Политическая дифференциация среди еврейского населения была очень высокой. Не считая фракций в рамках различных политических партий и тех партий, которые имели еврейские секции (как, например, КПЗБ), в среде евреев всегда существовали не менее чем 6 – 8 политических партий с конкурирующими программами – крайне левые, реформистские, центристские и вплоть до консервативных ортодоксов и националистов [158, с. 350]. При них существовала широкая сеть профсоюзных, религиозных, культурно-просветительских и, в том числе, молодёжных организаций. Благодаря этому еврейская молодёжь активно включалась в политическую жизнь. Как отмечает американский историк Е. Мендельсон, «для молодого польского еврея, особенно в 30-е годы, участие в молодёжном политическом движении или партии было нормой, тем, что от него ожидали» [144, с. 77].

Одной из таких организаций был «Фрайгайт» («Свобода»), полное название – Еврейская Социалистическая Рабочая Молодёжь «Фрайгайт». Этот молодёжный союз был тесно связан с партией Поалей Цион («Рабочие Сиона»). ПЦ пыталась совместить в своей идеологии принципы политического сионизма Т.Герцля с научным социализмом К.Маркса [87, с. 235]. ПЦ пропагандировала создание особой еврейской экономики и строительство еврейского социалистического государства в Палестине. Ещё в 1920 г. партия раскололась на левую и правую ПЦ. Молодёжным крылом ПЦ (правой) и был «Фрайгайт». Что касается молодёжного филиала ПЦ (левой), «Югенда» («Молодость»), то какого-либо значительного влияния в Западной Беларуси он не имел [87, с. 238].

«Фрайгайт» был создан в 1925 г. Это была наименее радикально настроенная еврейская социалистическая молодёжная организация. Она входила в состав всемирного Союза Еврейской

Социалистической Молодёжи и через его посредство принадлежала к Социалистическому Интернационалу Молодёжи [178, с. 24].

Опорными пунктами ПЦ, а значит и «Фрайгайта», в Западной Беларуси были Пинск, Брест, Косово и Пружаны [31, л. 101]. В архивных материалах также содержатся сведения о существовании отделений «Фрайгайта» в Новогрудке [31, л. 3], Гродно [46, л. 81], Белостоке [48, л. 143] и Вильно [48, л. 184]. ЦК КСМЗБ сообщал в 1933 г., что во многих местах активизировалась и укрепилась организация сионистов-социалистов – «Фрайгайт» [44, л. 245]. Согласно данным польской историографии, общая численность «Фрайгайта к 1935 г. достигла 20000 человек [178, с. 24].

Идейно близким к «Фрайгайту» был «Хехалуц» («Пионер»). Эта международная сионистская молодёжная организация была создана в России в конце Первой мировой войны. В начале 20-х годов из-за репрессий со стороны Советской власти центр организации был перенесён в Берлин, а затем в Варшаву. В 30-е годы союз стал по настоящему массовым: к 1933 г. его численность достигла 83000 человек. Движение охватило не только Восточную Европу, но даже Кубу, Ирак и Южную Африку. При этом около четверти членов «Хехалуца» приходилось на II РП [73, с. 468 – 469]. «Хехалуц» действовал и на территории Западной Беларуси. Ячейки союза в 30-е годы существовали в Бресте [40, л. 14], Ружанах [33, л. 87], Новогрудке [34, л. 95], Вильно [34, л. 96], Пинске [43, л. 24] и Белостоке [39, л. 163].

В 1938 г. «Фрайгайт» присоединился к «Хехолуцу» [178, с. 24].

Ещё одной организацией, близкой к «Фрайгайту», был «Хашомер Хацаир» («Юный страж»). Впервые «Хашомер» появился в 1913 г. в Галиции. В Польше он был зарегистрирован в 1918 г. К середине 20-х годов эта организация сблизилась с ПЦ (правая) и приняла социалистическую идеологию. С 1927 г. вместе с ПЦ она входила в состав Лиги Работающей Палестины [178, с. 25].

Основными задачами «Хашомера» были: оздоровление еврейского народа как физически, так и духовно; преодоление его (народа) ненормальной структуры; возобновление еврейской жизни в Эрец-Исраэль и приобщение еврейской молодёжи к национальным ценностям и физическому труду [65, с. 42]. «Хашомер» опирался на скаутские образцы и имел две возрастные группы: с 12 до 16 лет (цофим – часовые) и с 16 до 20 лет (шомеры – стражи). Следует сказать, что привлечению детей организация уделяла особое внимание. Так в конце 1932 г. только в Вильно в «Хашомер» было принято 250 детей [36, л. 66]. Известно, что первичные ячейки

«Хашомера», «гнёзда», существовали во многих городах и местечках Западной Беларуси. Наиболее крупные были в Бресте [40, л. 14], Новогрудке [34, л. 95], Вильно [34, л. 96], Пинске [43, л. 24] и Белостоке [39, л. 163].

Говоря об основных формах работы с еврейской молодёжью «Фрайгайта», «Хехолуца» и «Хашомер Хацаира», следует отметить, что они были во многом схожими. Политической деятельности внимания уделялось мало. Как сообщал материал отчёта КПЗБ из Бреста: «сионистские организации в Бресте не ведут никакой политической работы и рабочие элементы вовлекаются в такие организации преимущественно благодаря танцам и другим развлечениям [40, л. 9]. Помимо организации досуга, велась и определённая культурно-просветительская работа – организовывались различного рода кружки, делались доклады и лекции, в основном по истории сионистского движения и Эрец-Израиля.

Большое внимание уделялось развитию спорта среди еврейской молодёжи. Ещё на пятом сионистском конгрессе было сформулировано понятие «Muskel Judentum» («евреи с мускулами»). Физическая подготовка, которой в еврейских общинах традиционно пренебрегали, являлась частью сионистской компании по нормализации еврейской жизни [73, с. 689]. Для осуществления этой задачи под влиянием сионистских организаций на территории Западной Беларуси действовали спортивные клубы «Хапоэль» и «Маккаби». Многие еврейские юноши и девушки приходили в сионистское движение именно через спортивные секции этих клубов.

Однако главной своей задачей «Фрайгайт» и, в ещё большей степени «Хехолуц» и «Хашомер Хацаир», считали «хахшару» – подготовку к эмиграции и активной жизни в Палестине. В ходе этой подготовки сионистские союзы создавали кибуцы – коллективные сельскохозяйственные поселения. Жизненные условия в этих центрах были подчёркнуто спартанскими и примитивными. Существовал целый культ самопожертвования и обуздания желаний. Все усилия были направлены на создание привычки к тяжёлому физическому труду. Освоение трудовых навыков происходило за счёт отказа от других аспектов жизни. Нередко в центрах подготовки отсутствовали даже простейшие бытовые удобства, пренебрегали правилами гигиены и культурным развитием. Следует отметить, что многие лидеры сионизма, в том числе и Бен-Гурион, сомневались в эффективности «хахшары» за пределами Палестины, поскольку условия в Европе сильно отличались от условий Палестины [73, с. 469 – 470].

Тем не менее, движение по созданию кибуцев приобрело широкий размах во 2 РП, в том числе и на территории западно-белорусского региона. Практически везде, где существовали отделения «Хехолуца» и «Хашомера» предпринимались попытки организовать коллективные поселения еврейской молодёжи. Например, в Пинске в 1934 г. существовало 2 кибуца, объединявшие соответственно 150 и 200 человек [42, л. 24].

В условиях Западной Беларуси кибуцы часто сравнивали с лагерями труда, которые создавались проправительственными молодёжными союзами. Показательно, что помимо подготовки к эмиграции в Палестину, члены кибуцев активно использовались в качестве штрейкбрехеров во время подавления забастовочного движения. В этом отношении характерен отчет КПЗБ за 1930 г., полученный с Полесья. В марте 1930 г., сообщает он, вспыхнула забастовка на лесопильном заводе в Домбровце. Почти все рабочие были уволены, а вместо них на работу были приняты 180 «халуцимов». Причём работали они за 1, 30 – 2, 50 злотых в день, тогда как рабочие ранее получали 3,50 злотых. Этот же отчёт сообщает и о других подобных случаях. Очень тяжёлая ситуация для рабочих карьеров сложилась из-за существования поблизости кибуцев: «Своим существованием они мешают рабочим Рониковского карьера сделать какое бы то ни было выступление… В то время, когда все рабочие каменного производства в Клесове (около 1000 рабочих на 3 карьерах) страдают от того, что не выплачивают жалование, что привело, между прочим, к забастовке, «кибуцы» ничего знать не хотят, помогая ещё предпринимателям в фашистском союзике, и получают за это в «кредит» (в действительности же причитаются деньги) хлеб и кашу» [29, л. 124]. В отчёте КСМЗБ из Пинска за 1934 г. говорилось о местных кибуцах :«где только есть работа, там появляются, работают за половину» [34, л. 24]. Такая ситуация крайне затрудняла борьбу кадровых рабочих за свои права. Поэтому коммунисты и оценивали «Хехолуц» как «организацию организованного штрейкбрехерства, особенно на территории Западной Беларуси» [31, л. 36].

Одновременно, из-за тяжёлых условий работы, к которым еврейская молодёжь была не привычна, и из-за низкой оплаты (или её отсутствия) в кибуцах, сионистские поселения распадались, хотя их руководство стремилось всяческими путями их сохранить. В вышеупомянутом отчёте КПЗБ с Полесья сообщалось: «Столин был облагодетельствован кибуцем, но особого счастья не имел. Сломив забастовку на Горинской лесопильне, члены разбежались, оставив

долг в 1000 злотых. И в Домбровице халуцы хотят разбежаться, да не имеют денег на проезд. Условия у них плохие, квартиры тесны, но руководство удерживает их. Они опасаются, что их кибуц обанкротится. Поэтому они всё делают. Льстят предпринимателям, становятся штрейкбрехерами и т.д. И всё это делается во имя палестинского идеала» [29, л. 124].

Ещё одной массовой сионистской молодёжной организацией был «Бейтар». Этот союз находился под контролем сионистов-ревизионистов Владимира (Зеева) Жаботинского, группы образовавшейся после раскола на сионистском конгрессе в 1931 г. В отличие от ранее упоминавшихся организаций, ревизионисты и «Бейтар» исповедовали «неразбавленный» сионизм, отрицая элементы социалистической идеологии. Целью Жаботинского стало «привлечение максимального количества евреев в кратчайший период времени в Палестину» и немедленное создание государства Израиль [64, с. 504]. Большое значение для этого имела, по мнению Жаботинского «милитаризация еврейской молодёжи в Эрец-Израиле и в диаспоре» [73, с. 504].

Именно для этого и возник «Бейтар». Он зародился в Риге, но вскоре распространился по всей Восточной Европе. Главные же силы организации были сосредоточены во 2 Речи Посполитой, где её лидером стал уроженец Бреста М. Бегин [64, с. 504]. Что касается Западной Беларуси, то наибольшее влияние ревизионисты имели в Вильно, Белостоке, Бресте и Сувалках [31, л. 92]. Существовали ячейки «Бейтара» и в других городах и местечках региона. Следует обратить внимание на то, что в основном в «Бейтар» шла учащаяся молодёжь, хотя присутствовали и молодые рабочие, видевшие в эмиграции в Палестину выход из того тяжёлого положения, в котором они оказались в результате экономического кризиса [31, л. 92].

Подобно другим сионистским молодёжным объединениям, «Бейтар» готовил своих членов к жизни в Эрец-Израиле. Большое значение уделялось изучению Палестины и иврита. Также «Бейтар» имел и свои кибуцы. Характерно, что на почве конкуренции и борьбы за сферы влияния часто происходили стычки между членами кибуцев сионистов-социалистов и ревизионистов.

От других еврейских молодёжных организаций «Бейтар» отличался своей тенденцией к использованию военной атрибутики. Характерными особенностями союза были униформа, торжественные парады, военная организация и дисциплина, а также обучение владению оружием. Вожди ревизионистов считали, что без систематического развития определённых сугубо мужских качеств, которых евреи долгое время были лишены, задача национального

возрождения неосуществима. Военная подготовка, культ вождя и не прикрытая милитаристская идеология «Бейтара» придавали этой организации определённое сходство с молодёжными праворадикальными движениями фашистского толка 20–30-х годов [73, с. 514 – 515]. Это сходство проявлялось и в том, что ревизионисты, ведя кампанию по расширению своего влияния, не выбирали средств. Так, в начале сентября 1938 г. боевики-ревизионисты осуществили нападения на местные отделения других сионистских организаций в Бресте и Пинске [150, с. 236].

Что касается военной подготовки «Бейтара» на территории Западной Беларуси, то она осуществлялась при непосредственном участии представителей польской армии. Так, военным инструктором «Бейтара» в Белостоке был офицер местного 42 полка Войска Польского [39, л. 163]. Кроме того, интересно, что отряды «Бейтара» и «Хашомера» участвовали совместно с формированиями «Стрельца» в торжественных парадах в дни государственных праздников в городах и местечках Западной Беларуси [33, л. 87].

Во многом такая позиция польских властей по отношению к молодым сионистам объясняется тем, что правящие круги 2 РП поддерживали планы Жаботинского, которые могли бы избавить страну от «лишних» евреев. Польское правительство пользовалось любой возможностью, чтобы увеличить эмиграцию. Руководство «санационного» Лагеря Национального Объединения заявляло (май 1938 г.), что решение еврейского вопроса в Польше может быть достигнуто, прежде всего, через значительное уменьшение числа евреев в польском государстве. В качестве вариантов правительственные круги рассматривали эмиграцию евреев в Африку, на остров Мадагаскар или в Латинскую Америку. Но, разумеется, приоритет отдавался Палестине. Польский министр иностранных дел Ю. Бек даже весной 1939 г. вёл переговоры на тему эмиграции в Лондоне. Польша добивалась увеличения квот для эмигрантов из Польши в Палестину. Но, помимо официальных усилий, правящий режим 2 Речи Посполитой активно поддерживал и нелегальную эмиграцию. Для этого и нужны были тесные контакты с Жаботинским и его организацией [150, с. 214 – 215].

Известно, что Новая Сионистская Организация Жаботинского усиливала своё влияние благодаря тайной поддержке государственной администрации. После того, как в 1936 г. Жаботинский провозгласил план эмиграции 750 тыс. евреев в течении 10 лет, руководители ревизионистов встречались с высокими польскими

чиновниками, получали финансовую и организационную помощь при обучении боевых отрядов [150, с. 234].

Характерно, что американский историк Е. Мендельсон, говоря про отношение польского правительства к еврейской эмиграции в Палестину, иронизирует: «…и если сионизм означает еврейскую эмиграцию в эту страну (Палестину), никто не был большим сионистом, чем польские руководители конца 30-х годов» [144, с. 108].

Также следует отметить, что большое количество различного рода организаций студентов-евреев существовало в Виленском университете. Это объяснялось, во-первых, достаточно большим процентом евреев в вузе – если в среднем в вузах 2 РП училось 14, 8 % студентов иудейского вероисповедания, то в Вильно их насчитывалось – 23, 8 % [160, с. 12]. Во-вторых, благодаря господству в вузах польских националистов из «Всепольской Молодёжи», евреи были вытеснены из общестуденческих организаций и были вынуждены самоорганизовываться. Таким образом, на конец 30-х годов в университете существовали: научные кружки студентов-евреев правоведов, биологов, химиков, агрономов, медиков, фармацевтов, гуманитариев. Идейно-воспитательные организации были представлены сионистскими союзами «Кадимах» и «Эрец Удрор» («Земля и Свобода»). Кроме того, существовали Еврейский студенческий спортивный клуб и Объединение Взаимной Помощи Студентов Евреев (Stowaryszenie Wzajemnej Pomocy Studentow Zydow U.S.B.) [166, с. 51 – 54]. Также студенты-евреи имели и свои корпорации – «Унитания», «Иордания», «Хасмонея», «Бетария» [159, с. 18].

Наиболее влиятельным было Объединение Взаимной Помощи, аналог «Братской Помощи» студентов-поляков. Господствующее положение в ней занимали сионисты. В отличие от БП, где эндекам существовала достаточно серьёзная оппозиция, сионисты пользовались безраздельным господством. Это вело к многочисленным злоупотреблениям руководства организации. О них сообщают архивные материалы. Так, один из руководителей организации занимался хищениями денег из кассы взаимопомощи и отдавал их в рост под проценты, другой – принуждал к сожительству работниц студенческой столовой и т.д. [35, л. 59].

Борьбу против сионистов пытались вести представители левого лагеря, но, в отличие от «группы Дембинского» в БП, эта борьба была неудачной. В целом же, эти организации, не смогли отстоять прав студентов-евреев и серьёзно противостоять давлению польских националистов в УСБ, где, как уже указывалось выше, в конце 30-х

было всё-таки введено «гетто лавковое» и сократилось количество студентов еврейской национальности.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что польские власти должны были учитывать факт существования национальных молодёжных группировок при проведении своей молодёжной политики. «Санационный» режим стремился не допустить развития организаций, которые могли бы представлять хотя бы потенциальную угрозу единству 2 РП. В этом отношении характерна практика последовательного подавления белорусского национально-демократического молодёжного движения. Именно благодаря позиции польских властей оно даже не было организационно оформлено, а немногочисленный ССБ из-за деятельности полонофилов был расколот.

В противоположном случае, при отсутствии «антигосударственных» тенденций, власти занимали нейтральную или даже благожелательную позицию. Это можно хорошо проследить на примере развития и деятельности многочисленных сионистских организаций. Фактически вся деятельность сионистов стала возможной только потому, что они готовились создавать своё независимое государство в Палестине, а не на территории Польши. Кроме того, «санация» оказывала им помощь, так как хотела разрешить «еврейский вопрос» путём еврейской эмиграции. Там же, где эмиграция не планировалась, как например в вузах, реальной помощи со стороны правительственных структур не было.

4. 3. Католическая церковь, клерикальные молодежные союзы и правительственная молодежная политика

Римско-католическая церковь пользовалась большим влиянием среди населения западно-белорусского региона. Западно-белорусские воеводства входили в состав Виленской митрополии и составляли Виленскую архидиоцезию и диоцезии в Пинске и Ломже [76, с. 35]. Наибольшее количество католиков приходилось на Виленское воеводство – 61, 2 % населения. В Новогрудском воеводстве они составляли 39, 5 % , а в Полесском воеводстве – 7, 8 % [88, с. 195].

Хотя, формально, костёл находился на равных правах с другими конфессиями, фактически он занимал привилегированное положение. Это позволяло ему вести значительную работу среди населения, в том числе и воспитание молодёжи.

Отношение церкви к воспитанию молодёжи было сформулировано в энциклике римского папы Пия XI «Дивини иллиус магистри» (1929 г.). Эта энциклика являлась первым официальным изложением воспитательной доктрины католицизма. Папское послание осуждало

все педагогические системы не признающие первородный грех и божью милость. Сторонники таких систем, по мнению папы, занимаются не позитивным формированием человека, а освобождением его от влияния божьих заповедей: «Педагоги и философы сушат себе головы, чтобы выдумать и изложить какой-то новый кодекс воспитания молодёжи, как будто ничего не стоят божьи заповеди, изложенные в декалоге, как будто бы не существует никаких евангельских законов, как будто бы не было прирождённого закона, который Бог привил в людских сердцах» [117, с. 179 – 180].

Энциклика определяла, кто должен заниматься воспитанием – церковь, семья и государство. При этом ведущая роль отводилась именно церкви, а семья и государство должны были подчиняться ей в воспитательной сфере. Утверждалось, что христианское воспитание имеет универсальный характер. Принципиальной же целью этого воспитания являлось формирование «настоящего и совершенного христианина» [117, с. 180].

Согласно энциклике, главной обязанностью государства является поддерживать любыми способами воспитание молодёжи организованное церковью и семьёй. При этом папа заявлял: «Чем теснее светская власть сотрудничает с духовной, помогает ей и поддерживает, тем больше имеет отношения к сохранению Государства» [117, с. 184]. Считалось, что воспитание доброго христианина означает и воспитание хорошего гражданина. В энциклике говорилось, что «католик благодаря тому, что воспитан согласно католическим принципам, является наилучшим гражданином, любящим своё Отечество и по-настоящему лояльным по отношению к государственной власти, независимо от формы правления» [117, с. 186]. Как видим, данная концепция расходилась с «санационной» концепцией воспитания, которая отводила руководящую роль в воспитании молодёжи государственным структурам. Это вызывало недовольство ряда деятелей правящего режима, но, тем не менее, католическая церковь вела активную воспитательную деятельность в молодёжной среде, в том числе и на территории Западной Беларуси.

Работа с молодежью проходила в рамках так называемой Католической Акции (КА). Она организационно оформилась после 1922 г. по инициативе папы римского Пия XI, который определил её политические цели: содействовать укоренению в обществе основных идей католической социальной доктрины и папских энциклик, расширять общественную базу католической церкви, активно влиять на политической окружение [53, с. 222]. В основу социальной

программы костёла были положены папские энциклики «Рерум новарум» (1891 г.) и «Куадрогезимо анно» (1931 г.), в которых осуждалась классовая борьба, социализм и коммунизм, рекомендовалось установить корпоративную систему классового сотрудничества трудящихся с капиталом [63, с. 70].

В Западной Беларуси мероприятия в рамках Католической Акции начали осуществляться с середины 20-х годов. Окончательное организационное оформление Католической Акции произошло в начале 30-х. В ноябре 1930 г. был создан Главный Институт Католической Акции в Познани. В 1930 – 1932 г. начали действовать Институты КА, в том числе и в Вильно. Основой КА во 2 РП стали четыре колоны (организации). Эти союзы объединяли соответственно мужчин, женщин, юношей и девушек. Помимо этого с КА сотрудничал ряд других клерикальных объединений [99, с. 231 – 232].

Наиболее крупной клерикальной молодёжной организацией во 2 Речи Посполитой было Объединение Польской Молодёжи (Stowarzyszenie Młodzieży Polskiej). Оно возникло ещё в 1919 г. в Познани [164, с. 77]. Первые кружки ОПМ появились в Западной Беларуси в 1926 г. [32, л. 476]. В 1934 г. в рамках унификации организаций (колонн) Католической Акции в ОПМ произошла реорганизация. Были созданы отдельные организации для юношей и девушек – Католический Союз Мужской Молодёжи (Katalicki Związek Młodzieży Męskiej) и Католический Союз Женской Молодёжи (Katalicki Związek Młodzieży Żeńskiej) [126, с. 1112 – 1113].

В ОПМ, а затем в КСММ и КСЖМ, принималась «вся христианская молодёжь с 14 до 25 лет». В Западной Беларуси до 80 % членов этой организации составляла сельская молодёжь [32, л. 476].

Организационная структура объединения опиралась на структуру костёла. Первичные ячейки создавались при церковных приходах. Следующей ступенью были поветовые союзы, затем окружные. В Западной Беларуси существовали следующие округа ОПМ – с центром в Вильно (для Виленского округа), в Сокулке (для Белостокского округа) и Лиде (для Лидского округа). Все три округа подчинялись Вильно, как и вся Католическая Акция в Западной Беларуси. Руководство организации на всех уровнях частично избиралось, а частично назначалось властями костёла. На каждом уровне существовал костёльный ассистент, имевший право решающего голоса [178, с. 27]. Для помощи и опеки над ОПМ в поветах и округах из числа духовенства, родителей и школьных учителей создавались патронаты [32, л. 477].

На начало 30-х годов союз насчитывал в Западной Беларуси 11500 членов в 587 кружках и 1300 опекунов в окружных и поветовых патронатах [32, л. 477]. По данным польской историографии, католические молодёжные союзы были самыми многочисленными молодёжной организациями во 2 Речи Посполитой. Это объясняется тем, что согласно уставу Католической Акции молодёжные кружки должны были существовать в каждом приходе. Таким образом, в 1937 г. в КСММ и КСЖМ по всей стране насчитывалось 151780 юношей и 180039 девушек [178, с. 27].

В декларации ОПМ говорилось, что его целью является воспитание просвещённых, дельных и проникнутых католическим духом поляков [164, с. 77]. В условия Западной Беларуси это означало фактическое участие в полонизации местной молодёжи. Характерно, что орган военного министерства, «Армия резервова», так писал об этом союзе и его роли в Западной Беларуси: «ОПМ осознаёт свою роль, которую исполняет на северо-восточных рубежах по укреплению польской культуры... под знаменем креста и орла» [32, л. 476].

Основными формами работы организации было участие в религиозной практике, собрания, съезды, развитие кооперации, сельскохозяйственные и профессиональные курсы, спорт и т. д. [164, с. 77–78]. В ОПМ существовали следующие отделы: общеорганизационный, культурно-просветительский, сельскохозяйственной подготовки, отдел физического воспитания и военной подготовки. Кадры инструкторов для работы в союзе готовились специально в Католической Общественной школе в Познани и в нескольких Народных Католических университетах [178, с. 27].

Большое внимание уделялось организации и проведению военной подготовки юношей-членов ОПМ. В данной области ОМП фактически не отличался от Стрелецкого Союза или ССМ «Сев». Объединение также пользовалось помощью армейских инструкторов или проводило военную подготовку совместно с проправительственными организациями.

Помимо непосредственных военных занятий, католическое духовенство активно вело милитаристскую пропаганду среди молодёжи. Образцом такой агитации может быть молитва, которая была помещена в брошюре «Война» ксендза Мешкиз-Узерского, одного из идеологов ОПМ: «О, Боже, дай нашим рукам силу, преимущество пушкам, невидимость нашим аэропланам, текучесть и всюду проникаемость газам. Именем любви, которой ты нас любишь, да упадёт враг, как трава, скошенная твоей милостью. Да падут вражеские пули и стрелы в траву, а наши, как тигры вырвут вражьи

сердца с кровью и пускай ослепнут наши враги. Сделай нас нетронутыми. Аминь» [32, л. 477].

Кроме военной подготовки, ОПМ много делало для развития спорта среди сельской молодёжи. Создавались кружки физвоспитания, как для юношей, так и для девушек. Проводились спортивные соревнования. Особенно популярными были пешие экскурсии и походы.

ОПМ вело большую культурно-просветительскую работу среди молодёжи Западной Беларуси. Эта работа носила, прежде всего, полонизаторский и клерикальный характер. Проводились доклады на различные темы, создавались любительские театральные коллективы. Только в 1930 г. было проведено 495 докладов и поставлено 1867 любительских представлений [32, л. 477]. ОПМ в Виленской архидиоцезии имело 186 библиотек с 24500 томами. Так же как и ССМ «Сев» и Стрелецкий Союз, клерикальной объединение имело свои клубы-светлицы. На начало 30-х годов в Западной Беларуси их насчитывалось 270. При клубах действовало 129 хоровых, 32 музыкальных и 53 просветительских кружка [32, л. 477].

Большое значение имело участие членов ОПМ в различного рода сельскохозяйственных курсах в рамках Сельскохозяйственной Подготовки. Активно привлекалась молодёжь к проведению сельскохозяйственных конкурсов и выставок. Так, в 1929 г. члены объединения организовали на территории Виленской архидиоцезии 500 опытных полей [32, л. 478].

Для девушек-членов ОПМ организовывались курсы по домоводству, кройке и шитью и т.д. В 1930 г. было организовано 60 таких 4-х и 6-ти недельных курсов, охвативших 952 девушки [32, л. 478].

Но самое главное внимание в деятельности молодёжных колонн Католической Акции уделялось религиозному воспитанию молодого поколения в духе католических принципов. Члены организации активно привлекались к проведению религиозных праздников в своих приходах. Кроме того, каждый ноябрь организация отмечала «Праздник молодёжи» в честь своего покровителя св. Станислава Костки. Для целей религиозного воспитания служили создаваемые костёльные хоры, кружки по изучению Закона Божьего. Много внимания этому вопросу уделялось в периодической печати организации – для юношей выходил журнал «Przyjaciel Młodzieży», для девушек – «Młoda Polka».

ОПМ заявляло о своей аполитичности. Но это не соответствовало действительности. На рубеже 30-х годов в объединении было сильно влияние польских христиан-демократов и эндеков. Но в Западной Беларуси эти партии не пользовались значительным авторитетом и

были слабо представлены в кружках ОПМ Виленской митрополии. Окончательно светские партии были вытеснены с началом 30-х годов. Это было связано с решение папы Пия XI изолировать Католическую Акцию от всяческого политического влияния. Поэтому церковные власти провели «чистку» ОПМ [164, с. 79].

Католические молодёжные объединения достаточно бескомпромиссно относились к другим молодёжным организациям. На территории Западной Беларуси они противостояли не только комсомолу, МО ТУР, ССМ «Вици», но и проправительственным союзами. Это было следствием той позиции, которую занимала церковная иерархия по отношению к «санационному» лагерю. Известно, что церковь активно критиковала антиклерикальное крыло «санации». Атаки были направлены против Легиона Молодых, ССМ «Сев» - СМД, «Стрельца» [132, с. 406 – 407]. Более всего критиковался Легион Молодых, особенно в тот период, когда там шёл процесс радикализации. Так, кардинал А. Глонд, примас Польши, заявлял в одном из своих посланий (февраль 1934 г.): «Объединение под названием «Легион Молодых» стало на коммунистические позиции. Не смотря на заявления об обратном, оно отрицает христианство, борется с Церковью. Клевещет на св. Столицу и католические организации. Желает разделения и борьбы Государства с Церковью... Если эта антикатолическая и коммунистическая ориентация будет сохраняться в периодике и докладах, надо будет считать «Легион Молодых» объединением осуждаемым церковью согласно каноническому праву» [149, с. 581].

Следует отметить, что обвинения ЛМ в антиклерикализме (но не коммунизме) были справедливы. Такие же претензии выдвигала католическая иерархия и в отношении ССМ «Сев» - СМД, который всегда подчёркивал свой христианский, точнее католический характер. Так, например, каждый вальный съезд организации начинался с богослужения в костёле. Тем не менее, в идейной декларации ССМ «Сев» заявлял, что «духовенство должно воздерживаться от участия в политике и служить только Религии, Церкви и Государству» [132, с. 463 – 464]. Такая позиция не могла быть одобрена церковными кругами.

Но главной причиной конфликта следует считать соперничество за влияние в молодёжной среде. Фактически ССМ «Сев» - СМД, с одной стороны, и ОПМ (КСММ и КСЖМ), с другой, были конкурентами, также как концепция «государственного воспитания» составляла конкуренцию воспитательным идеям Католической Акции.

Как свидетельствуют архивные источники, «санационные» организации очень часто проигрывали в этой конкуренции. Так в 1933 г. слонимский декан, ксёндз Свирковский, установил связь с общественными организациями, в том числе и проправительственными, и «используя их религиозные чувства, смог склонить к участию в финансовой акции с целью реставрации костёла и приходских зданий». В реальности значительная часть фондов пошла на Католическую Акцию, в том числе на обеспечение светлиц католических молодёжных союзов. Местное руководство Стрелецкого Союза пыталось воздействовать на членов проправительственных организаций, но безрезультатно. Как отмечает донесение инспектора ФВ и ВП «доходит до парадоксов – например, Союз гражданской работы женщин *(женская проправительственная организация)* организует в Слониме представления, доход с которых передаётся ксендзу Свирковскому» [20, л. 9].

Очень часто ксендзы вели агитацию против «санационных» союзов прямо с церковного амвона. Так, комендант ВП Слонимского повета сообщал (1937 г.), что в д. Роготна ксёндз Гой на проповеди заявил, что в гминных бюджетах предусмотрены деньги для стрельцов, а те их пропивают [4, л. 19]. Также известно, что, например, в Белостокском повете были случаи бойкота духовенством членов Стрелецкого Союза и их семей [153, с. 64].

Положение стало меняться в середине 30-х годов XX века. Как уже говорилось выше, в этот период «санационный» лагерь пытался модифицировать свою воспитательную доктрину в направлении принятия националистических и католических идей. Одновременно был принят целый ряд законодательных актов, облегчавших существование КСММ и КСЖМ. Так, 28 января 1934 г. было принято постановление Совета Министров 2 РП, которое регулировало позиции религиозных объединений. Благодаря этому, молодёжные колонны Католической Акции заняли среди них первое место. А согласно декрету президента от 14 ноября 1935 г. отделения союзов получили ряд льгот, в том числе освобождение от уплаты налогов за помещения, которые они занимали [76, с. 53 – 54].

Церковная иерархия наладила и сотрудничество с армией. Она пошла на это даже ценой признания «Стрельца». В 1936 г., когда Государственное управление ФВ и ВП прервало сотрудничество с КСММ, генерал Т.Каспржицкий (руководитель этого учреждения) по личной просьбе кардинала А. Глонда приказал возобновить его. При этом военную подготовку своих членов КСММ мог проводить только в отрядах «Стрельца» [153, с. 65]. Правящие круги высоко оценивали

роль костёла в повышении обороноспособности 2 РП. В секретной записке МИД на имя президента Мостицкого от 18 мая 1937 г. отмечалось: «Положительное отношение Ватикана к польской армии общеизвестно. Любые меры, направленные на усиление обороноспособности Польши, с особым удовлетворением встречаются в Ватикане» [76, с. 37 – 38].

Однако следует отметить, что среди белорусской молодёжи распространение ОПМ, а затем КСММ и КСЖМ сталкивалось с серьёзными трудностями. Часто ячейки объединения существовали только на бумаге. Один из корреспондентов «Беларускай Крыніцы» (органа БХД) сообщал из Браславщины: «Ксендзовский баловень – Объединение Польской Молодёжи так и вынужден умирать, не имея у нас необходимых для жизни соков – польского элемента... У нас нет поляков, и поэтому ничего удивительного, что не могут развиваться польские организации» [28, л. 105].

Власти вынуждены были признавать, что влияние церкви на молодёжь ослабевает. Молодёжные клерикальные союзы теряли свои позиции даже в местностях с преобладающим католическим населением, а среди православной белорусской молодёжи они никогда и не могли пользоваться популярностью. Так в отчёте за ноябрь 1935 г. Несвижский староста сообщал: «Влияние католического духовенства на молодёжные организации почти полностью отсутствует. Союзы католической молодёжи не проявляют никакой деятельности». Подобные явления происходили, согласно донесениям Новогрудского воеводы за март 1937 г., и в Щучинском повете. В 1939 г. после предпринятого специального исследования было выявлено, что в таких населённых пунктах как Климовичи, Леоновичи, Ягнищицы Слонимского повета, Бабаевичи, Лукавцы, Паначи Несвижского повета, Торкачи, Заполье, Пулунье Новогрудского повета, и во многих других распространяется «акция безбожия», а костёлы посещают только старые женщины [76, с. 81].

Деятельность клерикального направления молодёжного движения не ограничивалось только средой сельской молодёжи, охваченной влиянием молодёжных колонн Католической Акции. Определённая работа велась и среди молодой интеллигенции и виленского студенчества. Ещё в 1928 г. сначала в Варшаве, а потом и в других вузовских центрах возникло так называемое академическое духовенство. Оно не ограничивалось традиционной религиозной практикой и занималось также координацией деятельности студенческих организаций. Были созданы специальные ректорские костёлы,

которые стали центрами объединения студентов-католиков и католических студенческих организаций [149, с. 426].

В Виленском университете имени С.Батория в межвоенный период действовали как общепольские студенческие клерикальные организации, так и распространявшие своё влияние только в одном университете. К первой группе относились такие союзы и группы как Объединение Католической Академической Молодёжи «Возрождение» (Stowarzyszenie Katolickiej Młodzieży Akademickiej «Odrodzenie»), «Ювентус Христиания» («Juventus Christiania») и некоторые другие. Ко второй группе можно отнести существовавшие только в УСБ Студенческое Общественное Действие (Akademicki Czyn Społeczny) и корпорацию «Конрадия».

В некоторых вузовских центрах католические студенческие союзы стремились к объединению и совместным действиям. Так произошло и в Вильно. Тут существовало Соглашение Студенческих Католических Объединений (Porozumienie Akademickich Katolickich Stowarzyszen, PAKS).

Наиболее влиятельной среди этих организаций, не смотря на свою относительную немногочисленность, было ОКАМ «Возрождение». В Вильно его численность не превышала 50 человек [164, с. 45]. Эта организация возникла ещё до 1 мировой войны, а с 1919 г. распространила свою деятельность в вузах 2 РП. Как и другие молодёжные католические союзы, «Возрождение» было частью «Католической акции», сохраняя, однако, относительную самостоятельность. Помимо этого, организация поддерживала связь с «Пакс Романа» – международным секретариатом национальных федераций студентов-католиков [178, с. 90].

Организация стремилась к «возрождению католической студенческой жизни». В своей деятельности она опиралась на папскую энциклику «Рерум новарум». Лозунгом «Возрождения» было «Отдать народ Христу». Что касается социальной программы студентов-католиков, то, согласно доктрине церкви, частная собственность признавалась фундаментом общественного устройства. Государству отводилась роль регулятора и контролёра частной инициативы. Организация подчеркивала свою национальную и даже националистическую позицию. К национальным меньшинствам относились с позиций христианской этики. Только отношение к евреям было негативным среди студентов-католиков, что сближало их с эндеками из Всепольской Молодёжи. Своим покровителем «Возрождение» признавало св. Павла, который начал свою

апостольскую деятельность с «внутреннего возрождения» [164, с. 45 – 46].

Главной целью «Возрождения» считалось распространение идей католической этики в частной и общественной жизни, а также воспитание активной католической интеллигенции. Прежде всего, это воспитание должно было проходить в форме религиозно-философской работы. Для этого ещё с 20-х годов организация проводила Общественные недели, во время которых организовывались дискуссии с чтением рефератов [103, с. 987]. Главное внимание уделялось проблемам общественной доктрины церкви, вопросам школьного образования и воспитания, семейной жизни, идеологии католического корпоративизма, национализма и отношений между народами [178, с. 89 – 90]. Ещё одной формой работы стала организация студенческих религиозных паломничеств в Ясную Гуру, так называемы пилигримок. Первая пилигримка была осуществлена уже в 1929 г, а в 1936 г. в ней участвовало уже 20000 студентов (около 1/2 всех студентов 2 РП [130, с. 329].

Среди филиалов «Возрождения» в польских вузах особое место занимала виленская организация. В конце 20-х годов её председателем стал Генрик Дембинский. Под его влиянием началось идейное брожение в организации. Собрания виленского «Возрождения» превратились в бурные дискуссии молодёжи различной политической ориентации. Студенты-католики порвали с эндеками, вступили в борьбу за ограничение их влияния в университете. Одновременно произошло сближение с проправительственными союзами, прежде всего с радикально настроенным СПДМ [160, с. 34]. Это отличало виленское отделение от других филиалов «Возрождения». В остальных вузах студенты-католики достаточно враждебно относились к светским, антиклерикальным и радикальным организациям.

Сотрудничество «Возрождения» с другими студенческими союзами в Вильно принесло успех на выборах в «Братскую Помощь» – на весь 1931/1932 учебный год организация студенческой взаимопомощи вышла из-под контроля Всепольской Молодёжи [160, с. 30].

Но затем в среде виленских студентов-католиков произошёл раскол. Власти костёла, патронировавшие над «Возрождением», не желали поддерживать всё более радикализирующуюся «группу Дембинского». Дело в том, что в начале 1932 г. эта группа выдвинула программу выходившую далеко за рамки внутриуниверситетской борьбы и клерикальной идеологии. Предлагалось установление планового руководства экономикой, государственное руководство национальным производством, раздел доходов между трудящимися,

плановая индустриализация, общественные работы в государственном масштабе, государственная монополия на внешнюю торговлю, создание на основе крестьянских хозяйств объединений производителей, создание МТС. Необходимой предпосылкой данных изменений общественного строя должна была стать «моральная революция» [118, с. 27 – 28].

В консервативных кругах Дембинского и его сторонников стали называть католиками-коммунистами, считая их более опасными, чем настоящих коммунистов – «те ведь сидят в тюрьме, а эти получают стипендию» [118, с. 29]. Редактор виленского «Слова» ликвидировал неофициальный орган ОКАМ «Возрождение» «Wilcze Zęby» («Волчьи зубы»), издававшийся с декабря 1931 г. до марта 1932 г. в качестве бесплатного приложения к его газете [161, с. 28].

Летом 1932 г. прошёл всепольский съезд «Возрождения» в Люблине. На нём Дембинского и его сторонников обвинили в радикализме. Дембинский в ответ заявил о необходимости перехода общественного католицизма на сторону мира труда и подчёркивал необходимость глубокого изучения марксизма-ленинизма, из которого необходимо брать самое ценное. После такого заявления, опекун виленских студентов ксёндз Мештович сказал, что «чувствует себя курицей, которая высидела самолёт». Дембинскому было предложено отказаться от публичных выступлений по поводу своих тезисов. Взамен он мог выехать на учёбу в Рим. Но Дембинский отказался и вышел из организации вместе со своими сторонниками [118, с. 36]. В дальнейшем именно «группа Дембинского» стала основой для прокоммунистического Союза Академической Левицы «Фронт», о котором уже шла речь выше.

Тем не менее, ОКАМ «Возрождение» в виленском университете не прекратило своего существования после кризиса 1932 г. Во главе его стали С. Стомма и В. Новодворский. Организация вновь вернулась на позиции католической общественной доктрины, нейтралитета по отношению с эндеками и сотрудничества с правящим лагерем. Виленские студенты-католики значительно снизили свою активность. Самым заметным её проявлением стало издание с 1933 по 1938 год ежемесячника (с 1935 г. выходил раз в 2 недели) «Pax». Постулаты издания были близки к ОКАМ «Возрождение». Его радикализм не выходил за рамки очерченные папскими энцикликами «Рерум новарум» и «Куадрогезимо анно» [161, с. 117]. Общественное переустройство, согласно публицистам «Pax», можно было достигнуть лишь путём морального самоусовершенствования, но никак ни путём политической борьбы. «Pax» из-за финансовых трудностей не

превышал объёма в 4 – 12 страниц. Кроме того, за весь период его существования издание неоднократно меняло главных редакторов.

Таким образом, католическое молодёжное движение в Западной Беларуси развивалось достаточно интенсивно. Действовавшие в рамках Католической Акции ОПМ (с 1934 г. КСММ и КСЖМ) прилагали значительные усилия по реализации христианского воспитания в среде молодых крестьян. В основных своих направлениях работа ОМП совпадала с деятельностью проправительственных союзов. Но при этом католические союзы рассматривали все другие организации, вне зависимости от их политической ориентации, как своих конкурентов, что вело к серьёзным конфликтам и ставило под угрозу реализацию правительственной молодёжной политики. Тем не менее, правящий режим и католические иерархи во второй половине 30-х годов смогли прийти к определённому компромиссу.

Помимо сельской молодёжи, Католическая Акция стремилась распространить своё влияние и в студенческой среде. Но здесь позиции клерикалов оказались слабы. ОКАМ «Возрождение» пережило раскол. Радикально настроенные его члены в перешли на прокоммунистические позиции, а оставшиеся члены организации не смогли играть заметную роль в университетской жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правивший во 2 РП в 1926 – 1939 гг. «санационный режим» проводил достаточно активную молодёжную политику, в том числе и на территории Западной Беларуси. Принципиальной основой этой деятельности стала разработанная на рубеже 20 – 30-х гг. прошлого века концепция «государственного воспитания». Это была вызванная жизненной необходимостью стройная и детально разработанная система. Её положительные чертами были актуализация и связь с жизнью, воспитательный характер обучения. Она ставила перед собой цель воспитать у молодёжи сильную волю, динамизм, дисциплинированность, лояльность, умение правильно оценивать реальность, способность к жертвенности и героизму. Но позитивные черты «государственного воспитания» были подчинены прагматическим задачам правящего лагеря. «Санация», которая отождествляла себя с государством, считала необходимым навязывать свои гражданские идеалы обществу. Это вело к излишней идеологизации обучения. Ещё одним отрицательным моментом было и то, что политика «государственного воспитания» стала орудием полонизации национальных меньшинств. Фактически ставилась цель воспитать не просто достойного гражданина, а гражданина-поляка. Это привело к неудачам «государственного воспитания» на территории Западной Беларуси, в отличие от непосредственно польских земель, где оно достигло значительных позитивных результатов.

Одним из основных направлений молодёжной политики властей межвоенного польского государства стала работа по реализации военной подготовки молодого поколения в рамках концепции «нации под ружьём». Целями этой подготовки были повышение обороноспособности государства и, одновременно, патриотическое воспитание молодого поколения в духе верности существующему режиму. Особенно акция ВП оживилась в период нахождения у власти «санационного» лагеря, стремившегося консолидировать всё общество 2 РП во имя идеи обороны страны. В её реализации принимали участие как государственные структуры, прежде всего, армия и школа, так и многочисленные общественные объединения и союзы. Следует отметить, что усилия официальных властей и общественности не смогли в дальнейшем предотвратить ликвидации польской государственности, т.е. их результат в военно-профессиональной сфере был минимален. Однако несомненно, что они все-таки оказали значительное влияние на молодёжь. Хотя это

влияние следует по разному оценивать на этнически польских территориях 2 РП и на территории её «восточных крессов».

Ещё одним направлением правительственной деятельности в молодёжной сфере стала Сельскохозяйственная Подготовка. Эта форма сельскохозяйственного просвещения создавала потенциальные возможности для широкого распространения профессиональных знаний среди крестьянства. Через отдельные ступени СП каждый год проходили тысячи молодых крестьян, в том числе и на территории Западной Беларуси. Уровень полученных сельскохозяйственных знаний и умений свидетельствовал, что СП было полноценным дополнением сельскохозяйственных школ. Она стала во главе всей системы сельскохозяйственного просвещения, как по количественному охвату молодёжи, так и с точки зрения практических результатов распространения передовых агротехнических знаний. Это была полностью сформировавшаяся форма внешкольной сельскохозяйственного просвещения, которая имела собственные определённые задачи, программу, организационные принципы, методы и средства успешного воздействия на сельскую молодёжь.

Одновременно «санационный» режим предпринял ряд мер по решению вопросов, связанных с трудовой занятостью молодого поколения. Была сделана попытка решить проблему молодёжной безработицы при помощи юношеских отрядов труда. При этом следует отметить, что эти структуры не только боролись с безработицей, но и пытались реализовать такие компоненты молодёжной политики как гражданское воспитание и военная подготовка.

Также следует отметить, что во 2 Речи Посполитой возникла разветвлённая сеть молодёжных союзов и объединений, находившихся под влиянием правящего «санационного» режима. Самыми массовыми и влиятельными молодёжными организациями, созданными «санацией» на территории Западной Беларуси, стали «Стрелец» и ССМ «Сев» - СМД. Именно опираясь на них, власти планировали реализовывать основные направления своей молодёжной политики, в том числе и на территории Западной Беларуси.

Действительно, «санационные» молодёжные союзы сыграли важную роль в проведении правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Наиболее активно в этом были задействованы Стрелецкий Союз и Союз Сельской Молодёжи «Сев» - Союз Молодой Деревни, которые охватили своей деятельностью значительные массы молодёжи, прежде всего в сельской местности.

«Стрелец» играл одну из ведущих ролей в осуществлении программы по военной подготовке молодёжи и внёс значительный вклад в усиление обороноспособности польского государства. Целенаправленная работа велась в сфере гражданского воспитания, которое в условиях Западной Беларуси имело ярко выраженное полонизаторское направление. Спаянная военной дисциплиной стрелецкая организация являлась опорой польского правящего режима, ярким проявлением чего явилось активное привлечение стрельцов в пацификациях и удушении забастовочного движения. ССМ «Сев»-СМД также активно поддерживал политику полонизации и проведении военной подготовки. Одновременно он проводил значительную культурная и образовательная деятельность, которая за редкими исключениями шла в проправительственном русле и руководилась представителями местной администрации и системы образования Польши.

Вместе с тем проправительственные молодёжные организации оказались затронуты процессом радикализации. Это приводило к переходу части молодёжи в оппозиционный правящим кругам лагерь, её участию в демократическом и революционном движении Западной Беларуси, что, в свою очередь, препятствовало осуществлению планов «санации» относительно молодого поколения региона.

Также правящему «санационному» режиму не удалось достичь особых успехов по завоеванию влияния в студенческой среде. Главной же причиной этого стала та непопулярная политика, которую проводило министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в области высшей школы. Против неё выступало большинство студенчества, начиная от крайне правых и заканчивая левыми группировками. Что касается проправительственных организаций – ЛМ и СПДМ, то они до 1939 г. так и не смогли составить серьёзной конкуренции влиянию эндеков, и, кроме того, часто сами выступали в оппозиции к своим покровителям.

Необходимо отметить, что реализация правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси встречала серьёзное сопротивление со стороны левого политического лагеря. Наиболее ожесточённую борьбу за молодое поколение с «санацией» вёл КСМЗБ. Вследствие этого на протяжении всего межвоенного периода он подвергался постоянным полицейским репрессиям и был объектом деятельности провокаторов польской контрразведки. Помимо преследований польских властей, отрицательно на развитие левого молодёжного движения оказало отсутствие внутреннего единства, которое было следствием конфронтации комсомола с легальными

оппозиционными молодёжными союзами. Лишь после VI Конгресса КИМ была сделана попытка создания фронта молодого поколения, в том числе и с привлечением проправительственных объединений. Но, не смотря на отдельные положительные результаты, консолидировать молодёжное движение региона не удалось. Главными причинами этого стали взаимное недоверие и роспуск ведущих левых молодёжных организаций – КСМЗБ и МО ТУР.

На территории Западной Беларуси польские власти должны были учитывать факт существования национальных молодёжных группировок при проведении своей молодёжной политики. Прежде всего, «санационный» режим стремился не допустить развития организаций, которые могли бы представлять хотя бы потенциальную угрозу единству 2 РП. В этом отношении характерна практика последовательного подавления белорусского национально-демократического молодёжного движения. Именно благодаря позиции польских властей оно даже не было организационно оформлено, а немногочисленный ССБ из-за деятельности полонофилов был расколот.

В противоположном случае, при отсутствии «антигосударственных» тенденций, власти занимали нейтральную или даже благожелательную позицию. Это можно хорошо проследить на примере развития и деятельности многочисленных сионистских организаций. Фактически вся деятельность сионистов стала возможной только потому, что они готовились создавать своё независимое государство в Палестине, а не на территории Польши. Кроме того, «санация» оказывала им помощь, так как хотела разрешить «еврейский вопрос» путём еврейской эмиграции.

Также польские власти должны были учитывать и то, что на территории Западной Беларуси достаточно интенсивно развивалось католическое молодёжное движение. Действовавшие в рамках Католической Акции ОПМ (с 1934 г. КСММ и КСЖМ) прилагали значительные усилия по реализации христианского воспитания в среде молодых крестьян-католиков. В основных своих направлениях работа ОМП совпадала с деятельностью проправительственных союзов. Но при этом католические союзы рассматривали все другие организации, вне зависимости от их политической ориентации, как своих конкурентов, что вело к серьёзным конфликтам и ставило под угрозу реализацию правительственной молодёжной политики. Тем не менее, правящий режим и католические иерархи во второй половине 30-х годов смогли прийти к определённому компромиссу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЗАКОН
от 9 июля 1920 года.
О народных сельскохозяйственных школах.

I. Общие положения.

Ст. 1. Народные сельскохозяйственные школы имеют целью профессиональную подготовку самостоятельных сельских хозяев и хозяек и осознающих свои обязанности граждан страны.

Ст. 2. Народные сельскохозяйственные школы делятся на публичные и частные. К публичным народным сельскохозяйственным школам относятся школы, которые содержатся Государством, поветовыми коммунальными союзами или Земледельческими Избами.

К частным народным сельскохозяйственным школам относятся школы, содержащиеся объединениями, союзами и частными лицами.

Ст. 3. Верховный контроль за публичными и частными народными сельскохозяйственными школами принадлежит Министру земледелия и государственного имущества.

II. Об общественных народных сельскохозяйственных школах.

Ст. 4. В каждом повете должны быть основаны как минимум две публичные народные сельскохозяйственные школы: мужская и женская. Поветовые коммунальные союзы могут объединяться для того, чтобы временно иметь общую школу.

Ст. 5. Обязанность по созданию и содержанию публичных народных сельскохозяйственных школ лежит на поветовых коммунальных союзах; их могут также основывать и содержать Земледельческие Избы. Государство может основывать и содержать публичные народные сельскохозяйственные школы независимо от народных сельскохозяйственных школ, содержащихся поветовыми коммунальными союзами или Земледельческими Избами.

Ст. 6. При исполнении вышеуказанной обязанности поветовые коммунальные союзы или Земледельческие Избы будут пользоваться государственной помощью, а именно:

1) для организации школ и ведения школьного хозяйства Государство передаст для пользования поветовым коммунальным союзам или Земледельческим Избам необходимые участки;

2) на строительство и организацию публичных народных сельскохозяйственных школ Государство выделит поветовым коммунальным союзам или Земледельческим Избам безвозвратную

помощь в объеме ¼ от общей суммы расходов и долговременный 3% государственный кредит в объеме ½ от суммы расходов на строительство и организацию школы, согласно плану и бюджету, утвержденного Министром земледелия и государственного имущества;

3) Государство будет нести расходы по оплате учителей публичных народных сельскохозяйственных школ; кроме того, учительский персонал получает от хозяина школы бесплатное жилое помещение, дрова, освещение и продукты согласно нормам, утвержденным распоряжением Министра земледелия и государственного имущества;

4) кроме того, по мере необходимости, Государство на общих принципах будет выделять коммунальным союзам и Земледельческим Избам помощь, необходимую для проведения школ.

Ст. 7. Поветовые коммунальные союзы или Земледельческие Избы, содержащие школы, ежегодно представляют Министерству земледелия и государственного имущества отчеты о деятельности публичных народных сельскохозяйственных школ.

Закрытие публичных народных сельскохозяйственных школ, пользующихся поддержкой Государства и содержащихся поветовыми коммунальными союзами или Земледельческими Избами, может произойти только по решению Министра земледелия и государственного имущества по соглашению с Министром внутренних дел.

Ст. 8. Министр земледелия и государственного имущества назначает руководителя (руководительницу) и учителей (учительниц) публичных народных сельскохозяйственных школ по предложению содержащих эти школы поветовых коммунальных союзов или Земледельческих Изб.

Квалификацию, требующуюся от руководителей и учителей публичных народных сельскохозяйственных школ, Министр земледелия и государственного имущества определит в отдельном распоряжении по согласованию с Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

Ст. 9. Курс обучения в публичных народных сельскохозяйственных школах продолжается не менее 11 месяцев.

Обучение проходит при помощи теоретических лекций и практических занятий в хозяйствах при школах.

Программу обучения разрабатывает Министерство земледелия и государственного имущества в сотрудничестве с Министерством религиозных вероисповеданий. Утверждает ее Министр земледелия и государственного имущества.

В публичные народные сельскохозяйственные школы могут приниматься кандидаты, достигшие 16 лет, и кандидатки, достигшие 14 лет. Они должны окончить всеобщую народную школу или иметь соответствующую подготовку, объем которой будет определен распоряжением Министра земледелия и государственного имущества.

Ст. 10. Ученики публичных народных сельскохозяйственных школ во время учебы будут проживать в организованных при школах интернатах и будут оплачивать свое содержание в них.

Ст. 11. Министр земледелия и государственного имущества разработает особый план открытия публичных народных сельскохозяйственных школ таким образом, чтобы через 20 лет со времени принятия данного закона было достигнуто число публичных народных сельскохозяйственных школ, предусмотренное в ст. 4.

Необходимые для этого числа школ фонды государственной помощи должны ежегодно предусматриваться в бюджете Министерства земледелия и государственного имущества.

Ст. 12. С целью организации в повете публичной народной сельскохозяйственной школы, основанной поветовыми коммунальными союзами или Земледельческими Избами, будут созданы поветовые школьные комиссии публичных народных сельскохозяйственных школ. В состав этих школьных комиссий входят:

три делегата, избранные поветовым сеймиком, из которых как минимум один должен быть членом поветового сеймика; одного из них комиссия избирает председателем (в случае создания школы Земледельческой Избой выборы трех представителей Земледельческой Избы и председателя комиссии из их числа осуществляет Земледельческая Изба),

представитель Министерства земледелия и государственного имущества,

школьный инспектор всеобщих школ,

руководитель (руководительница) существующих в повете публичных народных сельскохозяйственных школ. Руководители (руководительницы) существующих в повете публичных народных сельскохозяйственных школ пользуются совещательным голосом.

Комиссия может приглашать на свои заседания специалистов с правом совещательного голоса.

Мандат делегатов сеймика в школьной комиссии заканчивается с окончанием срока полномочий поветового сеймика, который проводил выборы; мандат представителей Земледельческой Избы – после окончания срока, определенного распоряжением Министра земледелия и государственного имущества.

Ст. 13. К обязанностям поветовой школьной комиссии относится:

1. опека и надзор над деятельностью публичных народных сельскохозяйственных школ и школьным хозяйством;

2. внесение на рассмотрение поветовых сеймиков или Земледельческих Изб предложений, касающихся потребностей публичных народных сельскохозяйственных школ в повете и способа использования фондов, предназначенных на эти цели;

3. предоставление поветовому сеймику или Земледельческой Избе отчетов о своей деятельности. Особый распорядок деятельности поветовой школьной комиссии утвердит Министр земледелия и государственного имущества по соглашению с Министром внутренних дел.

III. О частных народных сельскохозяйственных школах.

Ст. 14. Отдельные граждане Польской Республики, объединения и союзы имеют право создавать частные народные сельскохозяйственные школы.

Эти школы могут пользоваться государственной помощью на общих основания.

Ст. 15. Разрешение на создание и проведение частной народной сельскохозяйственной школы дает Министр земледелия и государственного имущества.

Руководителя и руководительницу школы назначает хозяин, утверждает Министр земледелия и государственного имущества. Учителей назначает руководитель школы в согласии с хозяином. После этого руководитель школы незамедлительно пересылает список учителей вместе с документами, подтверждающими их квалификацию, для утверждения Министру земледелия и государственного имущества на основе принципов, предусмотренных в ст. 8.

Ст. 16. Разрешение на открытие частной народной сельскохозяйственной школы становится недействительным, если школа не была создана на протяжении одного года после того, как было дано разрешение. В отдельных случаях Министр земледелия и государственного имущества имеет право продлить срок действия разрешения.

Ст. 17. Руководитель (руководительница) отвечает за воспитательно-учебную сторону школы; ответственность за финансы и санитарно-гигиенические условия несет хозяин.

Ст. 18. Министр земледелия и государственного имущества может отозвать разрешение на проведение частной народной сельскохозяйственной школы, если хозяин не придерживается предписаний, установленных соответствующими распоряжениями Министра земледелия и государственного имущества; Министр земледелия и

государственного имущества сообщает хозяину мотивы отзыва разрешения.

Ст. 19. Частные народные сельскохозяйственные школы, существующие в момент выхода данного закона, будут подлегать его предписаниям.

Хозяева этих школ должны в указанный Министром земледелия и государственного имущества срок внести прошение о разрешении на их дальнейшее существование.

IV. Заключительные положения.

Ст. 20. Исполнение нынешнего закона поручается Министру земледелия и государственного имущества.

Маршалок: *Трампчиньский*,
Президент министров: *В.Грабский*,
Министр земледелия
и государственного имущества: *Буяк*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РАСПОРЯЖЕНИЕ
от 28 января 1927 г.
в деле создания Государственного Управления Физического Воспитания и Военной подготовки, Научного Совета Физического Воспитания и воеводских, поветовых и городских комитетов Физического Воспитания и Военной Подготовки.

Согласно ст. 15 и 18 декрета о временной организации Верховных Властей от 3 января 1918 г. постановляем следующее:

§ 1. Для руководства работами, касающимися всеобщего физического воспитания и военной подготовки, при Министре военных дел создается Государственное Управление Физического Воспитания и Военной Подготовки.

§ 2. Во главе Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки стоит директор, назначаемый министром военных дел в согласии с Министром внутренних дел и Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

§ 3. Организацию и область деятельности Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки

установит распоряжение Министра военных дел, изданное в согласии с Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министром внутренних дел.

§ 4. Бюджетные кредиты, предназначенные на физическое воспитание и военную подготовку, будут предусмотрены в соответствующих частях государственного бюджета; ими распоряжается директор Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки.

§ 5. При Министерстве военных дел создается Научный Совет Физического Воспитания. Его целью является проведение научных исследований, формирования мнения и направления предложений в сфере всеобщего физического воспитания, в делах, направленных в этот Совет Государственным Управлением Физического Воспитания и Военной Подготовки.

§ 6. В состав Научного Совета Физического Воспитания входят:

a) Министр военных дел или же назначенный им заместитель, в качестве руководителя;

b) лица, назначенные Министром военных дел в согласии с Министрами внутренних дел и религиозных вероисповеданий и общественного просвещения из числа ученых и знатоков физического воспитания, а также выдающихся гигиенистов и педагогов;

c) директор Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки, делегированный Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения чиновник Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, а также Директор Департамента службы здоровья Министерства внутренних дел.

Общее число членов Научного Совета Физического Воспитания не может превышать 25.

Полномочия назначенных членов Научного Совета Физического Воспитания, указанных в § 6 п. b, продолжаются 2 года.

§ 7. Способ осуществления своей деятельности Научный Совет Физического воспитания определит в самостоятельно изданном внутреннем уставе Совета.

§ 8. Министр военных дел создает в отдельных воеводствах Воеводские комитеты Физического воспитания и Военной Подготовки, задачей которых является координация и поддержка деятельности государственных, самоуправленческих и общественных органов на территории данного воеводства по вопросам физического воспитания и военной подготовки.

§ 9. В состав Воеводского комитета Физического Воспитания и Военной Подготовки входят:

a) воевода, командир округа корпуса, определенный Министром военных дел, и куратор школьного округа воеводского центра, - или же представители этих лиц,

b) четыре члена, назначенные Министром военных дел, или же лицом, уполномоченным на это Министром военных дел.

§ 10. Воеводский комитет Физического Воспитания и Военной Подготовки действует согласно с общими директивами Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки, направляет ему отчеты о своей деятельности и предлагает свои предложения в сфере физического воспитания и военной подготовки. Кроме того, он осуществляет общий надзор за поветовыми и городскими комитетами Физического Воспитания и Военной Подготовки и отдает им распоряжения в соответствии с директивами Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки.

§ 11. В поветовых городах по мере необходимости могут быть созданы поветовые комитеты Физического Воспитания и Военной Подготовки, задачей которых является координация на территории повета деятельности государственных, самоуправленческих и общественных органов в деле физического воспитания и военной подготовки, а также поддержка физического воспитания и военной подготовки в повете.

В отдельных городах, не являющихся поветовыми центрами, могут быть созданы отдельные городские комитеты Физического Воспитания и Военной Подготовки для данных городов.

§ 12. Поветовые и городские комитеты Физического Воспитания и Военной Подготовки создает руководитель воеводского комитета Физического Воспитания и Военной Подготовки.

§ 13. В состав поветового (городского) комитета Физического Воспитания и Военной Подготовки в качестве членов входят лица, назначенные руководителем воеводского комитета Физического Воспитания и Военной подготовки, кроме того, членами этого комитета являются назначенные военными властями офицер военной подготовки и офицер-инструктор.

Число членов поветового (городского) комитета не может превышать 20.

Руководителя комитета назначает руководитель воеводского комитета Физического воспитания и военной подготовки.

§ 14. Поветовые (городские) комитеты Физического Воспитания и Военной Подготовки могут создавать в отдельных местностях повета или в городах, являющихся местом пребывания городского комитета, местные спортивные комиссии, состоящие из назначенных представителей местных спортивных клубов и организаций. Местные спортивные комиссии имеют своей целью сотрудничество с поветовыми (городскими) комитетами Физического Воспитания и Военной Подготовки.

Руководителем местной спортивной комиссии является назначенный военными властями офицер-инструктор или инспектор физического воспитания, если же в данной местности такого офицера нет, руководителя назначает руководитель поветового (городского) комитета.

§ 15. Распоряжение Совета Министров от 25 апреля 1925 года о создании Верховного Совета Физического Воспитания и Военной Подготовки и воеводских и поветовых комитетов Физического Воспитания и Военной Подготовки, а также изменяющее его распоряжение Совета Министров от 29 июля 1925 года, теряют обязательную силу со дня оглашения нынешнего распоряжения.

Министр военных дел определяет своим распоряжением способ передачи функций вышеуказанных институтов директору Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки, а также Научному Совету Физического Воспитания и комитетам, предусмотренным в нынешнем распоряжении.

§ 16. Исполнение нынешнего распоряжение поручается Министру военных дел в согласии с Министром внутренних дел и Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

§ 17. Нынешнее распоряжение вступает в силу со дня оглашения.

Варшава, 28 января 1927 г.

Председатель Совета Министров
и Министр военных дел: (–) *Ю. Пилсудский*
Министр внутренних дел: (–) *Складковский*
Министр религиозных вероисповеданий
и общественного просвещения: (–) *Добруцкий*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

РАСПОРЯЖЕНИЕ
Министра военных дел в согласии с Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министром внутренних дел от 21 марта 1927 г.
по вопросу исполнения § 3 Распоряжения Совета Министров от 27 января 1927 г. в деле создания Государственного Управления Физического Воспитания и Военной подготовки, Научного Совета Физического Воспитания и воеводских, поветовых и городских комитетов Физического Воспитания и Военной Подготовки.

Согласно § 3 вышеуказанного Распоряжения Совета Министров приказываю следующее:

§ 1. В состав Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки входят:

1) Директор этого Управления,

2) Постоянный персонал, состоящий из военных и гражданских лиц, назначенных Министром военных дел,

3) Делегаты Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, а также Министерства внутренних дел, назначенные соответственными министрами в согласии с Министром военных дел.

§ 2. Персональный состав Управления устанавливается приказом Министра военных дел.

Делегаты Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министерства внутренних дел (§ 1 п. 3) назначаются в рамках штатов этих министерства и остаются в служебном подчинении собственных Министров.

§ 3. Директор Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки подчиняется непосредственно Министру военных дел и получает от него директивы, а также действует в согласии и совместно с Министром внутренних дел и Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в делах, входящих в сферу деятельности этих Министров и касающихся физического воспитания и военной подготовки.

§ 4. К сфере деятельности Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки относится:

Руководство всеми работами, касающимися всеобщего физического воспитания и военной подготовки, а именно:

a) утверждение директив вышеуказанных работ и их очередность,

b) представление заинтересованным Министрам предложений и мнений относительно издания необходимых законов и распоряжений, а также издания отдельными Министерствами распоряжений в сфере физического воспитания и военной подготовки,

c) осуществление надзора над учреждениями и организациями физического воспитания и военной подготовки, а также их инспектирование,

d) представление Министру военных дел предложений, касающихся постоянного персонала Государственного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки, состава Научного Совета Физического Воспитания, состава воеводских комитетов Физического Воспитания и Военной Подготовки, а также занятия других военных должностей в сфере работы армии по физическому воспитанию и военной подготовке,

e) представление заинтересованным Министерствам предложений относительно заложения в отдельных частях государственного бюджета кредитов на цели физического воспитания и военной подготовки,

f) обсуждение предложений, проектов и распоряжений Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министерства внутренних дел в сфере физического воспитания и военной подготовки,

g) направление директив воеводским комитетам Физического Воспитания и Военной Подготовки,

h) издание периодики и книг, посвященных физическому воспитанию и военной подготовке.

§ 5. Государственное Управление Физического Воспитания и Военной Подготовки может непосредственно обращаться к отдельным представителям властей и учреждениям по вопросам, касающимся физического воспитания и военной подготовки.

§ 6. Нынешнее распоряжение вступает в силу со дня оглашения.

Варшава, 21 марта 1927 г.

Председатель Совета Министров
и Министр военных дел: (–) *Ю. Пилсудский*
Министр внутренних дел: (–) *Складковский*
Министр религиозных вероисповеданий
и общественного просвещения: (–) *Добруцкий*

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

РАСПОРЯЖЕНИЕ
Министра военных дел от 29 июня 1935 г. в деле льгот при прохождении обязательной военной службы для членов организаций военной подготовки.

На основе ст. 5 закона от 23 мая 1924 г. о всеобщей воинской обязанности постановляем следующее:

§ 1. (1) Лица обязанные проходить военную службу, которые проявили активное участие в работе военной подготовки, при прохождении военной службы будут пользоваться льготами, предусмотренными в нынешнем распоряжении.

(2) Льготами могут пользоваться лица обязанные к прохождению обязательной действительной службы (призывники, добровольцы), а также лица обязанные проходить службу в резерве.

(3) Вид и область льгот для призывников (добровольцев) зависит от утверждённого соответствующими инстанциями вида обучения в военной подготовке, а также от вида войск, в состав которых был зачислен призывник (доброволец) – для резервистов же от подтверждённого соответствующими властями времени работы военной подготовке.

§ 2. (1) Степень обучения в военной подготовке подтверждает свидетельство, предоставленное соответствующими инстанциями военной подготовки (Образец № 1).

(2) Эти инстанции представляют свидетельство лицам, принимающим активное участие в работе военной подготовки после окончания II ступени военной подготовки или после окончания специального курса.

(3) Свидетельство является действительным на протяжении 2 лет с момента выдачи. Оно может быть продлено на дальнейший период инстанциями, имеющими на это полномочия, если данной лицо и далее принимает активное участие в работах военной подготовки или же, при отсутствии такой работы, сдаст требуемый экзамен.

§ 3. (1) Обводовые коменданты военной подготовки присылают в термин до 1 сентября каждого года соответствующим поветовым комендантам призывных комиссий именные списки военнообязанных лиц, которые пользуются льготами в связи с окончанием II ступени общей или специальной военной подготовки.

(2) На основе этих списков поветовые призывные коменданты вносят факт окончания призывником (добровольцем) II ступени

общей или специальной военной подготовки в военные учётные документы, предусмотренные соответствующими предписаниями.

§ 4. Окончание II ступени общей или специальной военной подготовки даёт военнообязанным (призывникам, добровольцам):

a) право на льготы на военной службе (§ 5);

b) право на получение срочного отпуска (§ 7);

c) право на сокращение обязательной военной службы (§ 8).

§ 5. Льготы при прохождении военной службы (§ 4)состоят в:

a) праве ношения на армейском мундире значка об окончании II ступени военной подготовки,

b) праве на получение разрешения покидать казарму, а также на получение увольнений в воскресенье и праздники, в том числе и в первые три месяца службы,

c) получении отпусков на религиозные праздники, а также на праздник физического воспитания и военной подготовки того повета, в котором данное лицо получило обучение в ходе военной подготовки,

d) признание первоочерёдности при направлении в подофицерские школы,

e) ускоренном присвоении звания старшего рядового в случае успехов в подофицерской школе,

f) ускоренном присвоении звания капрала в соответствии со ст. 22 п. 2 пп. b распоряжения президента Речи Посполитой от 7 октября 1932 г. о службе подофицеров и рядовых.

§ 6. Льготы, предусмотренные § 5, предоставляются призывникам и добровольцам вне зависимости от того, проходит ли призывник (доброволец) сокращённую действительную службу в соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности (призывники и добровольцы с цензом) или нет (призывники и добровольцы без ценза).

§ 7. (1) Срочный отпуск (§ 4, пп. b) даётся командиром не ниже командира полка тем подофицерам и рядовым, которые в момент призыва имели действительное свидетельство об окончании II ступени общей или специальной военной подготовки и которые не проходят сокращённую действительную службу в соответствии с законом о всеобщей военной обязанности (призывники, добровольцы без ценза).

(2) Этот отпуск предоставляется на втором году службы в зависимости от рода войск и вида законченной военной подготовки в следующих размерах:

Род войск	Вид законченной военной подготовки	Продолжительность отпуска
Пехота	Общая и специальная	2 недели
Кавалерия	Общая и специальная	4 недели
	Конная военная подготовка	6 недель
Артиллерия	Общая и специальная	4 недели
Авиация	Авиационная	4 недели
Инженерные войска, Войска связи, Бронетанковые войска, Служба тыла, Жандармерия, Авиация, Медицинская служба	Общая и специальная	2 недели

(3) Размер отпуска, предусмотренный для подофицеров и рядовых, проходящих действительную военную службу в частях: инженерных, войск связи, бронетанковых войск, службы тыла, жандармерии, авиации и медицинской службы может быть продлён до 3 недель в зависимости от общих условий службы в данной части и от степени подготовки и поведения на службе данного подофицера или рядового.

§ 8. (1) Сокращение срока обязательной службы (§ 4, пп. c) состоит в позднейшем по сравнению с другими призывниками сроке призыва, не зависимо от того, закончил ли призывник II ступень общей или специальной военной подготовки, и от того, в какой род войск он зачислен.

(2) Призывники (добровольцы) без ценза со свидетельством II ступени авиационной военной подготовки должны быть включены в состав авиационных частей.

(3) Призывники (добровольцы), направленные для прохождения сокращённой действительной военной службы в силу закона о всеобщей военной обязанности, согласно нынешнему распоряжению,

не пользуются правом на сокращение срока действительной военной службы на основе окончания II ступени военной подготовки.

§ 9. Сокращение срока обязательной действительной службы на основе свидетельства об окончании II ступени общей военной подготовки составляет:

a) для зачисленных в части: пехотные и авиационные – 6 недель,

b) для зачисленных в части: бронетанковые, тыловые, жандармерии и медицинские – 4 недели,

c) для зачисленных в части: инженерные и войск связи – 4 недели; это не касается призывников и добровольцев, зачисленных в части: Электротехнические и радиотелеграфные.

§ 10. (1) Сокращение срока обязательной действительной службы на основе свидетельства об окончании II ступени специальной военной подготовки: авиационной, радиотелеграфной и электротехнической, составляет при зачислении в тот род войск, которой соответствует вид законченного призывником (добровольцем) специального обучения в военной подготовке:

a) для зачисленных в авиационные части – 6 недель,

b) для зачисленных в радиотелеграфные и электротехнические части – 4 недели.

(2) В случае окончания призывником общей и специальной военной подготовки сокращение службы производится в размере, предусмотренном для специальной военной подготовки.

§ 11. (1) В случае зачисления призывника (добровольца) с законченной II ступенью специальной военной подготовки (конной, электротехнической, радиотелеграфной или географической) в состав части, которая не соответствует полученному в ходе специальной военной подготовки обучению, то есть в части: пехоты, авиации, инженерные, войск связи, бронетанковых войск, медицинской службы, тыловой службы или жандармерии, – сокращение срока действительной службы происходит согласно нормам, предусмотренным в § 9.

(2) Данное постановление не касается электротехнических и радиотелеграфных частей, в которых льготы предоставляются только на основе окончания II ступени специальной военной подготовки (электротехнической в электротехнических частях или радиотелеграфной в радиотелеграфных частях).

§ 12. Призывникам (добровольцам) с цензом, которые потеряли право на сокращение действительной военной службы, не пользуются никакими льготами на основе свидетельства об окончании II ступени военной подготовки.

§ 13. (1) Основой для предоставления льгот, касающихся сокращения срока обязательной действительной службы (§§ 9–11), являются записи в военном учёте об окончании II ступени военной подготовки. Эти записи осуществляет поветовый призывной комендант на основе списков, предоставленных обводовыми комендантами военной подготовки (§ 3), или на основе свидетельств, представляемых призывником (добровольцем) во время военного призыва членам призывной комиссии или же после призыва, но до зачисления в состав части, поветовому призывному коменданту.

(2) предоставление призывником (добровольцем) военным властям свидетельства об окончании II ступени после срока, указанного в п. 1, не даёт права на льготы, указанные в §§ 9–11; однако, не лишает его права на льготы, предусмотренные в §§ 5 и 7, если претендующий на льготы предоставит свидетельство об окончании II ступени военной подготовки своему командиру вместе с просьбой о предоставлении ему этих льгот.

§ 14. (1) Признание льгот призывника (добровольца) в связи с окончанием II ступени военной подготовки объявляется в дневном приказе по части.

(2) Окончание II ступени общей и специальной военной подготовки следует удостоверить в личных документах подофицеров и рядовых, а также в их учётных документах, ведущихся в подотрядах.

§ 15. Льготы для лиц, обязанных проходить военную службу в резерве, состоят в зачислении работы в военной подготовке в счёт военных занятий в резерве для офицеров, подофицеров и рядовых резерва и в ускоренном присвоении званий для подофицеров резерва.

§ 16. (1) Зачисление времени работы в военной подготовке в счёт военных занятий в резерве может произойти только для тех офицеров , подофицеров и рядовых резерва, которые участвуют в работе военной подготовки, соответствующий тому роду войск, к которому данный офицер, подофицер или рядовой резерва имеет мобилизационное предписание, а также если речь не идёт о занятиях:

a) предусмотренных для офицеров резерва в ст. 79 закона о всеобщей военной обязанности,

b) предусмотренные для офицеров, подофицеров и рядовых резерва в ст. 83 закона о всеобщей военной обязанности.

(2) Это постановление не касается пилотов и наблюдателей резерва авиации даже в случае регулярного проведения пилотами платных полётов в организациях военной подготовки.

§ 17. (1) При условиях, указанных в § 16, следует зачислять в счёт одного военного занятия в резерве:

a) офицерам резерва – два года работы в военной подготовке в качестве командира или инструктора, с допустимыми перерывами, составляющими в сумме не более, чем 6 месяцев,

b) подофицерам и рядовым резерва – исключая специалистов, призванных в те части, которые каждый раз определяет Министр военных дел в приказе о призыве резервистов – 1 год работы в военной подготовке в качестве инструктора – или 2 года работы в ином качестве, с допустимыми перерывом при одногодичной работе 3 месяца, при двухлетней работе 6 месяцев.

(2) Указанным образом офицерам резерва могут быть зачислены два последние военные занятия в резерве, однако не более, чем 8 недель занятий, тогда как подофицерам и рядовым резерва одно последнее занятие в резерве, но не более, чем 4 недели занятий.

§ 18. (1) Основой для зачисления работы в военной подготовке в счёт занятий в резерве (§ 17) являются свидетельства, предоставленные офицерам резерва командующими округов корпусов (образец № 2), а подофицерам и рядовым резерва командирам собственных воинских частей (образец № 3) – на основе мнения обводовых комендантов военной подготовки и, соответственно, командиров инструкторских курсов военной подготовки.

(2) На основе этих свидетельств командир учётной части зачисляет проведённую в военной подготовке работу в счёт военных занятий в резерве, уведомляя при этом соответствующего поветового призывного коменданта, кроме того, в отношении офицеров резерва при получении свидетельства, предоставленного командующим округа корпуса, также соответствующего начальника на уровне Министерства военных дел с целью зачисления в персональных учётных документах офицеров резерва.

§ 19. Подофицерам резерва, работающим в военной подготовке в качестве инструкторов не менее 2 лет, пользуются правом на получение очередного звания в рамках распоряжения Президента Речи Посполитой от 7 октября 1932 г. о военной службе подофцеров и рядовых. Получение звание может произойти только во время прохождения занятий. Назначение осуществляет командир части, в которой подофицер проходит занятия. Решение о предоставлении к званию направляет комендант обвода военной подготовки, в котором данный офицер работал в качестве инструктора. За работу в военной подготовке можно присваивать звание только один раз.

§ 20. Нынешнее распоряжение вступает в силу с момента оглашения.

Руководитель Министерства военных дел *Тадеуш Каспржицкий*

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ДЕКРЕТ ПРЕЗИДЕНТА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
от 22 сентября 1936 г. о службе труда молодёжи.

На основе ст. 55 (1) конституции и ст. 1 пункт а) закона от 2 июля 1936 г. о полномочиях Президента Речи Посполитой в издании декретов постановляем следующее:

Ст. 1. (1) Служба труда молодёжи является почётной службой для Нации и Государства.

(2) Она состоит в исполнении физической работы для нужд обороны Государства или его экономических интересов.

(3) Служба труда несётся на добровольных принципах в юношеских отрядах труда.

Ст. 2. Юношеские отряды труда, помимо несения службы труда, обеспечивают молодёжи также подготовку к военной службе или к вспомогательной военной службе, а также получение профессиональной квалификации, гражданское воспитание и общее просвещение.

Ст. 3. Юношеские отряды труда подчиняются Министру военных дел.

Ст. 4. (1) При Министре военных дел создаётся Совет Службы Труда, состоящий из представителей Министров: военных дел, общественной опеки, внутренних дел, земледелия и аграрных реформ, промышленности и торговли, религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, а также из членов, назначенных министром военных дел по договорённости с указанными министрами.

(2) Совет Службы Труда является консультативным и совещательным органом Министра военных дел в сфере образовательных и воспитательных программ юношеских отрядов труда.

(3) Сферу деятельности Совета Службы Труда определит устав, изданный Министрами, упомянутыми в ст. (1).

Ст. 5. (1) Во главе юношеских отрядов труда стоит комендант этих отрядов, назначенный Министром военных дел в согласии с Министром общественной опеки из числа офицеров действительной службы.

(2) Местом работы коменданта юношеских отрядов труда является комендатура юношеских отрядов труда.

Ст. 6. (1) Руководящий, инструкторский и административный персонал состоит из солдат действительной службы и гражданских функционеров и работников.

(2) Солдаты действительной службы, прикомандированные к юношеским лагерям труда, сохраняют свой статус и принадлежность к своим корпусам и частям и подчиняются всем предписаниям, действующим в армии.

Ст. 7. (1) Потребности юношеских отрядов труда покрываются из бюджета Фонда труда и из иных доходов, определённых отдельными предписаниями.

(2) Кроме того, юношеские отряды труда будут обеспечиваться:

a) оборудованием и орудиями труда, выделенными Фондом Труда;

b) оборудованием и предметами, выделенными Министром военных дел.

Ст. 8. Юношеским отрядам труда будет поручено выполнение работ согласно установленного экономического плана на условиях и в очерёдности согласно договорённости между Министром военных дел и заинтересованными министрами и властями, которые выделяют инвестиции.

Ст. 9. (1) В юношеские отряды, прежде всего, будет приниматься безработная молодёжь обоих полов.

(2) Принятые в юношеские отряды труда носят название юношей (девушек).

(3) Юноши (девушки) в меру имеющихся условий, отличий в службе и достижений в обучении будут получать служебные звания, соответствующие их квалификации.

Ст. 10. (1) Служба в юношеских отрядах труда будет продолжаться 2 года, если министр военных дел в согласии с Министром общественной опеки не решит иначе.

(2) в случае подачи юношей (девушкой) заявления об оставлении службы, его (её) увольнение происходит на протяжении 4 недель от дня подачи заявления.

Ст. 11. (1) В юношеские отряды труда может приниматься молодёжь в возрасте с 18 до 20 лет.

(2) Министр военных дел может разрешить принять в отряды лиц иного возраста, чем указан в п. (1).

(3) Кандидаты в юноши (девушки) составляют декларацию, в которой обязуются нести службу труда согласно с постановлениями нынешнего декрета и изданными на его основе предписаниями.

(4) Органы, проводящие набор, условия и способ приёма и увольнения юношей (девушек) и предписания о работе юношей (девушек) определит распоряжение Министра военных дел в согласии с Министрами общественной опеки и внутренних дел.

Ст. 12. Юноши (девушки) получают квартиры, обмундирование, продовольствие и вознаграждение согласно нормам, которые установят Министр военных дел в согласии с Министром общественной опеки.

Ст. 13. Юнаки, отслужившие в юношеских отрядах труда как минимум 12 месяцев, могут получить право на льготы при несении военной службы на принципах, которые установит Министр военных дел.

Ст. 14. В вопросах, касающихся безопасности и гигиены труда, действуют предписания трудового законодательства.

Ст. 15. (1) Юноши (девушки), которые во время службы в юношеских отрядах труда повредили здоровье, имеют право на бесплатную медицинскую помощь, лекарства и госпитальное лечение на принципах, установленных для солдат действительной службы.

(2) В свидетельстве на случай утраты трудоспособности, инвалидности или смерти, служба в юношеских отрядах труда будет считаться равнозначной действительной военной службе.

Ст. 16. (1) Юноши (девушки) обязаны во время несения службы подчиняться начальникам и исполнять предписания устава юношеских отрядов труда, изданного Министром военных дел.

(2) В случае нарушения обязанности, указанной в п. (1), начальники, указанные в уставе юношеских лагерей труда, могут использовать по отношению к юношам (девушкам) следующие дисциплинарные наказания:

a) выговор,

b) наряд по службе вне очереди,

c) запрет покидать квартиры на срок до 14 дней,

d) арест на срок до 3 дней,

e) понижение в служебном звании,

f) увольнение из юношеских отрядов труда.

(3) Увольнение из юношеских отрядов труда влечёт за собой потерю прав, связанных с этой службой и невозможность быть принятым в юношеские отряды труда заново.

(4) Самовольное оставление службы в юношеских отрядах труда влечёт за собой те же последствия, что и увольнение.

Ст. 17. Исполнение нынешнего декрета поручается Министрам военных дел и общественной опеки в согласии с заинтересованными министрами.

Ст. 18. Нынешний декрет вступает в силу в день его объявления.

Президент Речи Посполитой *И. Мосьцицкий*

Председатель Совета министров *Славой Складковский*

Министр военных дел *Каспржицкий*
Министр общественной опеки *Марианн Зыдрам-Костялковский*

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

РАСПОРЯЖЕНИЕ
Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министра военных дел от 10 сентября 1937 г. (Nr II W-8256/37) в деле организации подготовки школьной молодежи к обороне страны.

I. Цели и задачи подготовки школьной молодежи к обороне страны.

§ 1. 1. Целью подготовки школьной молодежи к обороне страны является подготовка сознательных, активных, мужественных и дисциплинированных граждан, готовых в каждую минуту стать на ее оборону от грозящей с какой-либо стороны опасности. Подготовка школьной молодежи к обороне страны является основной задачей воспитательной и дидактической работы каждой школы.

2. Подготовка молодежи к обороне страны охватывает:

a) общую подготовку к обороне страны,

b) военную подготовку (для женской молодежи – подготовку ко вспомогательной военной службе).

Общая подготовка молодежи к обороне страны реализуется через всю воспитательную и дидактическую работу каждой школы.

Военная подготовка реализуется в средних общеобразовательных и профессиональных школах согласно обязательным школьным программам.

§ 2. Для осуществления задач, связанных с общей подготовкой молодежи к обороне страны, школы, согласно со своими уставами и программами:

a) в воспитательной работе обращают особое внимание на все те факторы, которые имеют отношение к формированию сильных, правильных характеров, к выработке чувства ответственности за личную и общую работу, к развитию и укреплению солдатских достоинств, а особенно любви к Отечеству, чувства чести, старательности и воли к победе.

b) делают упор при изучении отдельных предметов на те элементы знаний, которые имеют связь с обороноспособностью Государства и

окружают специальной опекой занятия физкультурой, как основы военной подготовки молодежи.

II. Организация школьных отрядов.

§ 3. Военная подготовка мужской молодежи и подготовка женской молодежи к вспомогательной военной службе является обязательным школьным предметом. Оценка достигнутых молодежью результатов ставиться в школьных свидетельствах. Этой подготовки подлежит молодежь, указанная в § 1. Охваченная военной подготовкой молодежь составляет школьные отряды, носящие название и номер школы.

§ 4. В некоторых профессиональных школах могут быть организованы школьные отряды специальной военной подготовки.

§ 5. Организация школьных отрядов, опека и контроль над их деятельностью является обязанностью директора школы и педагогического совета.

Непосредственный профессиональный надзор над мужскими школьными отрядами осуществляет комендант обвода военной подготовки, а над женскими школьными отрядами инструкторша В.П.Ж., назначенная соответствующим Командиром Округа Корпуса.

§ 6. Программу военной подготовки устанавливает Министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в согласии с Министерством военных дел.

§ 7. 1. Комендантом школьного отряда является учитель, имеющий звание офицера или подхорунжего резерва. В случае отсутствия среди учителей соответствующего кандидата эти функции может исполнять офицер или подхорунжий резерва (возможно выпускник данной школы), или же офицер действительной службы, назначенный комендантом обвода военной подготовки.

2. Кандидат на должность коменданта школьного отряда военной подготовки выбирается в согласии с комендантом обвода военной подготовки директором школы и представляется куратору школьного округа, который утверждает его с согласия с соответствующим Командиром Округа Корпуса.

3. Комендантша женского отряда является учительница, имеющая признанную Министерством военных дел подготовку к этой работе и назначенная по предложению директорши (руководительницы) школы куратором школьного округа в согласии с Командиром Округа Корпуса. В случае отсутствия среди учительниц соответствующей кандидатки, эти функции может исполнять инструкторша В.П.Ж. Организации Военной Подготовки Женщин, нанятая дирекцией

школы после утверждения куратором школьного округа в согласии с Командиром Округа Корпуса.

Комендантша отряда проводит обучение в сотрудничестве со школьным доктором и местными госпитальными учреждениями.

4. Вознаграждение комендантов и комендантш устанавливают особые предписания.

§ 8. Коменданты и комендантши школьных отрядов входят в состав педагогического совета.

К обязанностям коменданта или комендантши школьного отряда относится:

a) выполнение программы ВП,

b) поддержание дисциплины и порядка в отряде,

c) управление кружком.

§ 9. Комендант обвода военной подготовки и инструкторша В.П.Ж. осуществляют профессиональный надзор согласно § 5 после предварительного уведомления директора.

Для обсуждения важнейших вопросов, специально связанных с проблемой военной подготовки, комендант обвода военной подготовки и инструкторша В.П.Ж. по приглашению директора принимают участие в собранных по этому поводу заседаниях педагогического совета.

§ 10. 1. Ученики и ученицы, входящие в состав школьного отряда, подлежат особому осмотру школьным доктором. Принципы проведения и особенности осмотра устанавливают отдельные предписания.

2. От занятий в школьных отрядах или от занятий по определенной части обучения ученик (ученица) может быть освобожден только временно и частично на основе разрешения школьного доктора.

§ 11. 1. Организацией окружных летних лагерей для мужской молодежи и несколько-дневных женских лагерей занимается Министерство военных дел, которое заботится о материальном обеспечении и о необходимом руководящем и инструкторском персонале.

2. Молодежь школьных отрядов в лагерях подчиняется предписаниям и лагерному распорядку военной подготовки.

3. Коменданты школьных отрядов направляются в лагеря на принципах, которые определяются отдельными предписаниями.

§ 12. Оружие и частично амуницию и снаряжение для обучения школьных отрядов представляют военные власти военной подготовки.

§ 13. Помощников инструкторов, подчиняющихся во время службы в школьных отрядах коменданту отряда, представляют военные власти военной подготовки.

III. Надзор.

§ 14. Надзор над подготовкой к обороне страны на территории школ принадлежит соответственным школьным властям.

§ 15. Профессиональный надзор над военной подготовкой мужской молодежи и подготовкой к вспомогательной военной службе женской молодежи осуществляют соответствующие военные власти ВП, всегда в согласии с директорами школ.

§ 16. Надзор над лагерями и специальными курсами осуществляют соответствующие Командования Округов Корпусов.

Делегаты Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения имеют право на посещение лагерей и курсов и воспитательный контроль за ними после предварительного соглашения с комендантами лагерей или курсов.

IV. Заключительные и переходные предписания.

§ 17. Школьные отряды принимают участие в праздниках ФВ и ВП на принципах, определенных Министерством религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

§ 18. Особую организацию школьных отрядов определяют уставы мужских и женских отрядов, изданные Министерством религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в согласии с Министерством военных дел.

§ 19. Дело подготовки к обороне страны в высших учебных заведениях урегулирует отдельное распоряжение.

§ 20. Организация военной подготовки мужской молодежи и подготовки к вспомогательной военной службе женской молодежи вводится во всех школах лицейского типа со дня вступления в силу данного распоряжения.

Во всех других школах эта подготовка будет введена отдельными распоряжениями Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. До того времени действительны прежние предписания.

§ 21. в тех школах, где обязанности комендантов отрядов исполняют кадры ВП, директоры школ назначают одного из учителей заместителем коменданта. Обязанности заместителя коменданта отряда определит отдельное распоряжение Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

§ 22. Нынешнее распоряжение вступает в силу со дня оглашения.

С этого дня, если предписания нынешнего распоряжения не противоречат этому, теряет обязательную силу распоряжение Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министра военных дел от 4 февраля 1931 года Nr I WF-637/31.

Министр религиозных вероисповеданий
и общественного просвещения: и.о. *Ежи Ферек Блешиньский*
Министр военных дел: *Т. Каспржицкий*

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

РАСПОРЯЖЕНИЕ
Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения от 14 октября 1937 г. об академических объединениях.

На основе ст. 52 закона от 15 марта 1933 г. об академических школах постановляем следующее:

I. Общие положения

§ 1. На территории университета могут действовать только те академические объединения, которые получили подтверждение устава согласно нынешним предписаниям.

§ 2. (1) Могут создаваться следующие типы академических объединений: научные, организации взаимопомощи, религиозные, просветительские, идейно-воспитательные, культурно-товарищеские, организации интеллектуального сотрудничества с другими нациями, артистические, благотворительные и спортивные.

(2) Академические объединения не могут вести политическую деятельность.

§ 3. (1) В академическое объединение могут входить только студенты из одного университета. Однако в исключительных случаях, таких как малочисленности данной группы студентов, специальный характер данного объединения (напр. спортивный), может быть утверждён устав объединения, созданного при одном из университетов, но предусматривающий принадлежность к объединению в качестве членов студентов различных высших учебных заведений данной местности. В этих случае утверждение устава может произойти только с разрешения всех тех университетов, студенты которых могут быть членами данного объединения.

(2) Устав может содержать предписания, которые ставят принадлежность к указанному объединению в зависимость от принадлежности к определённому факультету, происхождения из определённой части страны, вероисповедания или национальности.

(3) Академическое объединение не может быть членом другого объединения или союза без согласия Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Перед принятием решения Министр выслушивает мнение сената.

(4) Резиденция академического объединения может находиться не на территории университета.

§ 4. Министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения по предложению сената может разрешить организовать объединение на принципах отличных от установленных в нынешнем распоряжении, утвердить устав и установить способ осуществления надзора и опеки над объединением.

§ 5. Министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения может придать отдельным объединениям право юридического лица после консультации с сенатом или сенатами (§3).

II. Порядок создания объединений и выборов их руководства.

§ 6. (1) Академическое объединение взаимопомощи может основать группа студентов, насчитывающая минимум 50 человек, другие объединение – не менее 20 человек.

(2) Основатели вносят письменное прошение академическому сенату об утверждении устава; это прошение подписывают все основатели с указанием полного имени и фамилии, факультета, номера индекса, курса и адреса.

(3) В прошении следует указать фамилии тех основателей, которые являются уполномоченными вести переговоры с руководством университета по вопросу утверждения устава.

(4) К прошению прилагаются четыре экземпляра проекта устава; в случае, когда устав предусматривает участие в академическом объединении студентов нескольких университетов, к прошению придаётся ещё по одному экземпляру проекта для каждого университета.

§ 7. (1) В уставе каждого объединения должно быть указано: a) название объединения, выразительно отличающееся от названий других академических объединений, зарегистрированных в данном университете, b) резиденция объединения (местность), c) тип, цель и методы деятельности объединения, d) способ принятия и исключения членов, их права и обязанности, e) фонды объединения и способ уплаты членских взносов, f) руководство объединения, область их компетенции и способ его избрания (пополнения), g) способ представления объединения вовне и условия действительности его решений, документов и сообщений, h) способ изменения устава, i)

условия и способ роспуска объединения, j) распоряжение имуществом, оставшимся в случае роспуска объединения.

(2) Кроме того, в зависимости от вида объединения и его целей, в уставе должны содержаться дополнения, которые необходимы для нормализации его деятельности.

(3) В случае обнаружения в статуте недостатков ректор или академический сенат возвращают устав основателям для внесения соответствующих изменений.

(4) Устав может предусматривать развитие своих положений в отдельные регламенты, например, регламент правления, товарищеского суда, библиотеки, кухни. Регламенты утверждаются ректором после консультации с куратором; в случае, когда утверждение устава произошло с согласия двух или более сенатов, ректор утверждает регламент с согласия ректоров заинтересованных университетов.

§ 8. (1) Академический сенат отказывает в утверждении устава объединения, если устав не соответствует требованиям нынешнего распоряжения или же если сенат считает, что существование объединения с точки зрения его цели, структуры или области деятельности входит в противоречие с законодательством и может создать угрозу для общественного покоя и порядка и университетской дисциплины, и, наконец, если создание нового объединения не принесёт пользы ни для молодёжи, ни для университета.

(2) Об утверждении или об отказе в утверждении ректор уведомляет уполномоченных основателей (§ 6, п. 3) письменно. В случае утверждения ректор возвращает один экземпляр устава, заверенный разрешающей резолюцией, и одновременно указывая фамилию куратора объединения.

(3) Основатели могут опротестовать решение сената, обратившись при посредничестве ректора к Министру религиозных вероисповеданий и общественного просвещения на протяжении 14 дней с момента вручения решения.

§ 9. (1) На протяжении четырёх недель со дня уведомления основателей об утверждении устава правление обязано уведомить ректора о составе руководства объединения и указать адрес резиденции объединения.

(2) Все изменения устава требуют утверждения академического сената. Также сенат может по собственной инициативе внести изменения в случае, если посчитает это необходимым. Сенат уведомляет объединение о запланированном изменении, определяя четырнадцатидневный срок на его внесение. Объединение может опротестовать решение сената об изменении устава, обратившись через посред-

ничество ректора к Министру религиозных вероисповеданий и общественного просвещения на протяжении 14 дней после сообщения о решении сената.

(3) О создании объединения и всех изменениях в его уставе ректор уведомляет Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения, приложив при этом один экземпляр утверждённого устава либо текст внесённых изменений.

§ 10. (1) Постановления устава о выборах руководства объединения должны предусматривать следующие принципы:

a) право голосовать имеет член объединения, который в данный момент учиться в университете и внёс членские взносы в установленный уставом срок; голосование происходит лично;

b) университетское руководство должно иметь возможность осуществлять надлежащий контроль над выборами.

(2) В руководящих и контролирующих органах объединений взаимопомощи желательно участие представителей меньшинства.

§ 11. В объединениях с большим количеством членов устав, с согласия сената, может предусматривать проведение непрямых выборов таким образом, чтобы члены организации с отдельных факультетов, и даже члены организации с отдельных курсов, могли избирать своих делегатов, которые, в свою очередь, избирали из своей среды руководство объединения.

§ 12. (1) Выборы руководства объединения проходят в первом квартале календарного года. Ректор устанавливает срок, до которого должны быть проведены выборы. В случае необходимости ректор может установить другое время для проведения выборов.

(2) Если в силу каких-либо причин выборы руководства объединения прошли во второй половине отчётного периода, ректор может продлить срок полномочий руководства на следующий отчётный период.

III. Учёт объединений.

§ 13. (1) Ректор ведёт реестр объединений, действующих на территории данного университета.

(2) В реестр должны быть внесены следующие данные: a) название объединения и его тип, b) дата утверждения устава и его изменений, c) адрес резиденции объединения, d) количество членов по состоянию на 1 января каждого года, e) дата составления отчёта, f) получение дотаций, g) фамилия куратора, h) личный состав руководства объединения.

(3) Объединение должно предоставлять ректору списки своих членов по состоянию на 1 января каждого года.

§ 14. Правление объединения обязано уведомить ректора о составе руководства объединения на протяжении недели после его избрания и незамедлительно сообщать о каждом изменении, произошедшем во время его полномочий. Также правление объединения обязано уведомлять ректора об изменении адреса своей резиденции и о роспуске объединения.

IV. Надзор и опека.

§ 15. (1) Обязанность непосредственного надзора и опеки над академическими объединениями лежит на руководстве университета.

(2) Каждое объединение находится под надзором и опекой куратора, назначенного сенатом по предложению ректора из числа преподавателей. Также сенат по предложению ректора может назначить заместителя куратора, может выделить в помощь куратору вице-куратора для исполнения части его обязанностей, установив при этом сферу их компетенции и взаимные отношения.

(3) При исполнении своих обязанностей куратор подчиняется ректору.

(4) Сенат разрешает также все вопросы, касающиеся объединения и внесённые ректором на его рассмотрение, исключая случаи указанные в нынешнем распоряжении.

§ 16. (1) Правление объединения обязано уведомлять куратора о каждом собрании руководства объединения не позже, чем за 48 часов, а в экстренных случаях за 24 часа до собрания, предоставляя одновременно повестку дня.

(2) Правление объединения обязано предоставлять куратору протокол каждого заседания; куратор визирует оригинал протокола и может требовать предоставления ему его копии или копии отдельных решений.

§ 17. (1) Общее собрание проходит в присутствии куратора в согласованный с ним срок. Если куратор не имеет возможности присутствовать, ректор делегирует заместителя куратора или другого члена преподавательского коллектива, который получает все полномочия куратора.

(2) Повестка дня общего собрания должна быть предоставлена куратору для утверждения перед сообщением о дате проведения общего собрания и перед отправкой сообщений. Изменения в повестку дня могут быть внесены только с согласия куратора.

(3) Ректор может перенести дату проведения общего собрания.

(4) В общих собраниях объединения имеют право участвовать только члены объединения и приглашённые члены преподавательского коллектива, и обязательно ректор или делегированный им профессор.

(5) Недействительными являются решения принятые на общем собрании, если куратор не был о них уведомлён, а также решения, касающиеся вопросов, не предусмотренных в предоставленной куратору повестке дня, если куратор не присутствовал при их принятии.

§ 18. (1) Куратор имеет право: a) участвовать в каждом собрании, проходящем в объединении, и выступать на нём вне регламента, b) отклонить предложение, которое, по его мнению, противоречит уставу, действующим предписаниям или не касается вопросов, предусмотренных в повестке дня, c) отменить решения, противоречащие уставу объединения, действующим предписаниям или интересам объединения, d) требовать от председательствующего на собрании использования средств, необходимых для поддержания покоя и порядка; e) распустить собрание, если при его созыве не были соблюдены действующие предписания или если ход собрание приобретает характер, противоречащий академической дисциплине или общественному порядку.

(2) Отмена решения во время собрания должна быть подтверждена в протоколе собственноручной подписью куратора; о запрещение исполнения решения, принятого на собрании в отсутствии куратора, а также об отмене такого запрета куратор сообщает правлению письменно.

§ 19. (1) Все выступления объединения на территории университета требуют согласия куратора, а выступления вне университета – дополнительно и согласия ректора.

(2) Все документы, при помощи которых объединение обращается к университетскому руководству, требуют подписи куратора. Университетское руководство направляет объединениям все документы через куратора или поручает ему их копии.

(3) Все документы, направленные к другим государственным или самоуправленческим органам, к общественным структурам и прессе и все воззвания и публикации объединения требуют письменно выраженного согласия ректора перед их оглашением, а документы, которые должны быть оглашены в печати – перед их передачей в печать.

(4) Решения ректора, оговоренные в п.п. 1 и 3, не могут быть обжалованы.

§ 20. (1) Правление объединения может в четырнадцатидневный срок через ректора обжаловать перед сенатом решение куратора в случае: a) отрицательного решения куратора, если в уставе или

нынешнем распоряжении требуется согласие или разрешение куратора, b) снятия куратором предложения с голосования или обсуждения (§ 18 п.1 пп. b), c) отмена решения (§ 18 п.1 пп. c).

(2) Обжалование рассматривается и окончательно решается сенатом. Внесение обжалования не приостанавливает исполнения решения.

§ 21. Академические объединения обязаны в любой момент предоставить надзирающему руководству все разъяснения и данные, касающиеся их деятельности.

§ 22. (1) Отчётным периодом для академических объединений является календарный год.

(2) Объединения должны перед 1 февраля каждого года составить в 2 экземплярах отчёты о своей общей и финансовой деятельности за период прошедшего года вместе с бюджетом на следующий год.

(3) Куратор следит за целесообразностью и легальностью всех начинаний и учреждений объединения и осуществляет общий контроль в этой сфере. Особый финансовый контроль проводит ректор при помощи подчиняющихся ему органов.

(4) В срок до 1 апреля ректор высылает министру религиозных вероисповеданий и общественного просвещения 1 экземпляр отчёта о деятельности академического объединения, присоединив к нему свои замечания.

V. Дисциплинарная ответственность руководства объединения, его членов, а также приостановление деятельности и роспуск объединений.

§ 23. (1) Нарушение руководством объединения или членами объединения действующих законов, распоряжений и устава, невыполнение требований надзирающего руководства, проведение деятельности противоречащей закону и предписаниям об академической дисциплине и порядке может повлечь за собой следующие наказания:

a) отстранение от руководства правления объединения или отдельных его членов,

b) лишение на определённый срок или навсегда права пользоваться определёнными льготами,

c) приостановление деятельности объединения на срок от одного до шести месяцев,

d) роспуск объединения.

(2) Решение об отстранении от руководства правления объединения или отдельных его членов принимает ректор. Решение

ректора не может быть обжаловано. О применении наказаний, указанных в подпунктах b, c и d выносит решение сенат. Решение сената о роспуске может быть обжаловано перед Министром религиозных вероисповеданий и общественного просвещения на протяжении 14 дней.

(3) Приостановление деятельности и роспуск объединения может также произойти путём указания Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

(4) В неотложных случаях куратор может временно приостановить деятельность объединения, незамедлительно уведомив об этом ректора. Приостановление выполненное куратором теряет силу, если академический сенат в течении двух недель не утвердит или не отменит это приостановление.

§ 24. Использование наказаний, указанных в § 23, не исключает привлечения членов объединения к дисциплинарной ответственности.

§ 25. (1) Члены руководства объединения, созывающие общее собрание и президиум этого собрания, подлежат дисциплинарной ответственности ха созыв и проведение собрания вопреки §§ 17 и 18 данного распоряжения. Кроме того, председатель и члены президиума общего собрания несу дисциплинарную ответственность за неисполнение требований надзирающего руководства и за все упущения в ходе проведения заседания.

(2) Также дисциплинарную ответственность несут участники собрания, оказывающие сопротивление требованиям куратора или иного представителя университетского руководства, а также председателю собрания.

§ 26. (1) В случае снятия с постов правления объединения ректор назначает временное правление из числа членов объединения. Временное правление исполняет все руководящие функции до момента избрания нового правления в срок, указанный ректором.

(2) Люди, снятые с постов в правлении, не могут быть избраны снова на руководящие посты в тот же самый срок полномочий.

(3) Если с поста был снят председатель объединения, руководство переходит к его заместителю, который обязан провести выборы нового председателя согласно требованиям устава.

§ 27. (1) Приостановление деятельности и роспуск объединения влечёт за собой одновременное приостановление всей деятельности, закрытие резиденции и учреждений объединения.

(2) В случае приостановления деятельности объединения ректор может по обоснованной просьбе правления дать разрешение на осуществление правлением под плотным контролем куратора и

ректора деятельности, внезапное прекращение которой могло бы отрицательно сказаться на научной жизни или взаимопомощи молодёжи или же принести объединению материальный вред.

(3) Для распоряжения имуществом объединения и проведения не терпящих отлагательства выплат сенат по предложению ректора может назначить своих делегатов.

§ 28. (1) Объединение, которое на протяжении как минимум одного отчётного года не проявляет какой-либо деятельности (не проходит собраний, не составляются отчёты, не избирается руководство, предусмотренное уставом), может быть распущено академическим сенатом по предложению куратора.

(2) По вынесения решения о роспуске объединения, как по причинам указанным в § 23, так и в первом пункте данного параграфа, ректор организует ликвидацию под надзором куратора объединения.

(3) Имущество распущенного объединения будет использовано в целях, предусмотренных его уставом, а в случае отсутствия соответственных указаний академический сенат сам распорядится им, учитывая цели объединения.

§ 29. В каждом случае приостановления деятельности или роспуска академического объединения ректор уведомляет Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения.

VI. Переходные и заключительные предписания.

§ 30. (1) Правления уже существующих академических объединений должны в срок до 31 января 1938 г. предоставить академическим сенатам к утверждению устав, соответствующий нынешнему распоряжению.

(2) Объединения, которые не выполнят требований предыдущего пункта, подлегают роспуску через сенат.

§ 31. (1) Нынешнее распоряжение вступает в силу со дня оглашения.

(2) Одновременно теряют обязательную силу: а) распоряжение Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения от 30 апреля 1933 г. об академических объединениях, b) распоряжение Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения от 16 января 1934 г. по вопросу изменения некоторых постановлений распоряжения Министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения от 30 апреля 1933 г. об академических объединениях.

Министр религиозных вероисповеданий
и общественного просвещения (–) *В.Свентославский*

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ СТРЕЛЕЦКОГО СОЮЗА

Я, ……………., вступая в ряды Стрелецкого Союза, обещаю и клянусь, что всю мою жизнь благо Польской Речи Посполитой будет для меня превыше всего, я буду готов защищать Её независимость до последней капли крови, буду служить Наияснейшей Речи Посполитой до последнего дыхания, и все мои действия и намерения будут подчинены этой наивысшей службе.

Обещаю и клянусь:

добровольно и достойно исполнять свои обязанности члена Стрелецкого союза, старательно соблюдать стрелецкие правила, дисциплинированно и охотно исполнять приказы руководства Стрелецкого Союза.

Всё это сейчас обещаю перед моей совестью. Присягаю, что сдержу эти обещания, и присяга моя подтверждена торжественным честным словом солдата, гражданина и свободного, честного человека.

подпись и должность принимающего присягу

подпись

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

УСТАВ
Союза Польского Харцерства

Раздел 1.

Название, характер, цель и средства деятельности.

§ 1.

1) Объединение носит название: «Союз Польского Харцерства» (СПХ).

2) Союз Польского Харцерства (СПХ) является объединением высшей полезности согласно закону об объединениях.

3) Территорией деятельности Союза является территория Польского Государства. Усадьба верховного правления СПХ находится в столичном городе Варшаве.

§ 2.

СПХ, как объединение высшей полезности, согласно ст. 48 закона об объединениях, обладает правом юридического лица и имеет право принимать пожертвования и дары, а также покупать и продавать движимое и недвижимое имущество без ограничений и без необходимости получения разрешений, предусмотренных в специальных предписаниях регулирующих пожертвования, дары и приобретение имущества физическими и юридическими лицами.

§ 3.

Идейным патроном Союза Польского Харцерства является Маршал Юзеф Пилсудский.

§ 4.

СПХ имеет следующие цели:

a) воспитание харцерскими методами, согласно Харцерскому Обещанию и Правилам, энергичных, честных и способных к самоотверженности людей;

b) подготовка молодежи к сознательной, активной и жертвенной службе Польскому Государству, опирающейся на любви к Нему и солдатской готовности к Его защите, бескорыстности, гражданской дисциплине и чести;

c) введение принципов харцерской идеологии в публичной жизни;

d) помощь в харцерской работе польской молодежи за границей и взаимодействие с международным скаутским движением.

§ 5.

1) Воспитание харцерской молодежи опирается на принципах христианской этики.

2) Основой харцерской идеологии являются Харцерские Обещание и Правила, которые звучат следующим образом:

Харцерское Обещание:

«Чистосердечно желаю всю жизнь служить Богу и Польше, оказывать добровольную помощь ближним и соблюдать Харцерские Правила».

Харцерские Правила:

1. Харцер служит Богу и Польше и добросовестно исполняет свои обязанности.

2. На слово харцера можно положиться как на Завишу.

3. Харцер является полезным и несет помощь ближним.

4. Харцер в каждом видит ближнего, а каждого другого харцера считает братом.

5. Харцер поступает по-рыцарски.

6. Харцер любит природу и старается ее познать.

7. Харцер является дисциплинированным и послушным по отношению к родителям и всем своим начальникам.

8. Харцер всегда спокоен.

9. Харцер бережлив и самоотвержен.

10. Харцер чист в мыслях, словах и поступках; не курит табака и не пьет алкогольных напитков.

1. Харцерка служит Богу и Польше и добросовестно исполняет свои обязанности.

2. На слово харцерки можно положиться как на Завишу.

3. Харцерка является полезной и несет помощь ближним.

4. Харцерка в каждом видит ближнего, а каждую другую харцерку считает сестрой.

5. Харцерка поступает по-рыцарски.

6. Харцерка любит природу и стремится ее познать.

7. Харцерка является дисциплинированной и послушной по отношению к родителям и всем своим начальникам.

8. Харцерка всегда спокойна.

9. Харцерка бережлива и самоотверженна.

10. Харцерка чиста в мыслях, словах и поступках, не курит табака и не пьет алклгольных напитков.

3) Главный Харцерский Совет с согласия надзирающих властей может установить другие формулировки принципов Харцерских Правил и Обещания для зухов и старших харцеров.

§ 6.

1) Для достижения своих целей СПХ:

a) организует членов и участников в соответствующие организационные подразделения (§ 12),

b) проводит воспитательную работу харцерскими методами через организацию лагерей, экскурсий, игр и занятий, слетов, бесед и т.п., используя отрядную систему,

c) проводит военную подготовку в сфере, определенной соответствующими государственными властями,

d) готовит руководителей харцерской работы,

e) ходатайствует о фондах, собирает помощь, создает соответствующие органы и учреждения, напр. библиотеки, выставки, мастерские, светлицы, воспитательные очаги, харцерские дома и школы, кассы взаимопомощи и т.п.

f) проводит издательскую и пропагандистскую деятельность,

g) проводит общественно-воспитательную работу в харцерском духе в обществе.

2) Вышеуказанную деятельность СПХ проводит в рамках действующих законов и распоряжений.

Раздел 2.

Члены и участники союза.

§ 7.

1) Члены СПХ делятся на:

a) харцмистров и харцмистринь,

b) активистов и активисток,

c) старших харцеров и старших харцерок,

d) сотрудничающих членов,

e) поддерживающих членов.

2) Нешкольная молодежь в возрасте до 18 лет и школьная молодежь может принадлежать к организации в качестве участников.

3) Участники делятся на харцеров и зухов.

§ 8.

1) Харцмистром (харцмистриней) может стать совершеннолетний харцер (харцерка), обладающий подготовкой к проведению воспитательной работы в Союзе и соответствующий требованиям, определенным во внутреннем уставе.

2) Обязанности харцмистров и харцмистринь следующие:

a) соблюдение Харцерских Правил,

b) активное участие в харцерской работе, прежде всего, на воспитательских должностях,

c) распространение харцерской идеологии и поддержка целей Союза,

d) уплата членских взносов, установленных Главным Советом.

3) Права харцмистров и харцмистринь следующие:

a) активное и пассивное избирательное право при выборах всех руководящих органов Союза,

b) право на осуществление всех функций в Союзе.

4) Харцмистров назначает и увольняет Начальник харцеров, харцмистринь – Начальница харцерок (§ 50).

5) Предшествующей харцмистру (харцмистрине) степенью является подхарцмистр (подхарцмистриня). Права, обязанности и способ назначения и увольнения подхарцмистров и подхарцмистринь определяет внутренний устав.

§ 9.

1) Активистом (активисткой) может стать совершеннолетний харцер (харцерка) или совершеннолетний сотрудничающий член, обладающий подготовкой к проведению работы в союзе на

должности, не являющейся воспитательной, и соответствующий требованиям, определенным во внутреннем уставе.

2) Обязанности активистов и активисток следующие:

a) активное участие в харцерской работе,

b) распространение харцерской идеологии и поддержка целей Союза,

c) уплата членских взносов, установленных Главным Советом.

3) Права активистов и активисток следующие:

a) пассивное избирательное право в выборах во все руководящие органы Союза, активное – в выборах руководства Округа,

b) право исполнять все функции в Союзе, за исключением Коменданта (Комендантши) Хоругви, Шефа Главной Квартиры, а также Начальника харцеров и Начальницы харцерок.

4) Активистов из числа сотрудничающих членов назначает и увольняет Руководитель СПХ (§ 50), а из числа харцеров – Начальник харцеров, из числа харцерок – Начальница харцерок.

§ 10.

1) Старшим харцером (старшей харцеркой) становится воспитанник дружины после достижения 18 лет или окончания средней школы. Кроме того, старшим харцером (старшей харцеркой) может стать каждый, достигший 18 лет и соответствующий требованиям, определенным во внутреннем уставе.

2) Обязанности старших харцеров и старших харцерок следующие:

a) соблюдение Харцерских Правил,

b) участие в работе и жизни подразделений старших харцеров,

c) распространение харцерской идеологии,

d) уплата членских взносов, установленных Главным Советом.

3) Совершеннолетние старшие харцеры и старшие харцерки имеют пассивное избирательное право при выборах руководства округа.

4) Старших харцеров и старших харцерок принимает и увольняет руководители старшехарцеровских округов.

§ 11.

1) Сотрудничающим членом может стать каждый, кто достиг 18 лет и участвует в работе Союза. Сотрудничающие члены объединяются в кружки друзей харцерства.

2) Обязанности сотрудничающих членов следующие:

a) активная поддержка целей союза.

3) Совершеннолетний сотрудничающий член имеет пассивное избирательное право при выборах руководства округа.

4) Сотрудничающих членов принимают и увольняют правления округов (§ 39) или правления кружков друзей (§ 26).

§ 12.

1) Поддерживающим членом может стать каждое физическое или юридическое лицо, которое обязуется постоянно уплачивать объявленные им самим взносы и будет принято Начальниками или уполномоченным на это органом.

2) Поддерживающие члены не имеют ни пассивного, ни активного избирательного права.

§ 13.

1) Власти, уполномоченные принимать новых членов, могут исключить из СПХ членов, которые:

a) осуществили позорный поступок или действуют во вред Союзу,

b) не соблюдают устава и предписаний, либо задерживают более, чем на год уплату членских взносов.

2) В случае исключения члена на основе ст. (1) п. a) исключенному дается право обратиться в соответствующий харцерский суд, согласно с Уставом Харцерских Судов, а в случае исключения на основе ст. (1) п. b) – в вышестоящим харцерским властям.

§ 14.

1) Участники в возрасте до 11 лет носят название зухов и организованы в зуховские громады.

2) Участники старше 11 лет носят название харцеров и организованы в харцерские дружины.

3) Участники воспитываются в громадах и дружинах в соответствии с принципами Харцерских Правил и Обещания.

4) Участники принимаются в состав дружин и громад дружинный с согласия родителей или опекунов и, если речь идет о школьной молодежи, руководства школы. Участники имеют право пользоваться учреждениями СПХ, однако не имеют ни активного, ни пассивного избирательного права. Школьная молодежь принадлежит громадам и дружинам, организованным на территории школ и находящимся под надзором школьного руководства, которое назначает для этих целей опекунов этих громад и дружин.

5) Увольнение или исключение участника из громады или дружины происходит в соответствии с предписаниями внутреннего устава.

§ 15.

Членам и участникам непольской национальности отдельный устав может обеспечивать особые условия принадлежности к СПХ.

Раздел 3.

Структура Союза.

§ 16.

СПХ состоит из организаций: харцеров, харцерок, друзей харцерства.

§ 17.

1) Организация харцеров охватывает: харцеров и зухов, старших харцеров, харцмистров, а также активистов и сотрудничающих членов, назначенных исполнять функции в организации харцеров.

2) Предписания ст. (1) соответственно относится к организации харцерок.

§ 18.

Организация харцеров (харцерок) делится на хоругви, а хоругви – на отряды. Отряды состоят из зуховских громад, харцерских дружин и кружков старших харцеров.

§ 19.

1) Дружина состоит обычно из 4 отрядов по 6 – 10 человек. Дружиной (громадой, кружком) руководит дружинный или дружинная, назначенные комендантом или комендантшей хоругви. В школьных дружинах кандидатура дружинного (дружинной) должна быть предварительно согласована с руководством школы.

3) Кружки старших харцеров могут представлять своих кандидатов на должность своих дружинных.

3) Внутренний устав может регулировать особые названия руководителей громад и кружков.

§ 20.

1) Громады, дружины и кружки, существующие на территории обвода (§ 35), создают отряд харцеров и отряд харцерок. В случае необходимости отряды могут быть созданы на территории меньшей, чем обвод.

2) Работой отряда харцеров руководит гуфцовый, отряда харцерок – гуфцовая.

3) Гуфцового назначает Начальник харцеров из числа харцмистров или совершеннолетних подхарцмистров, или, возможно, из числа активистов. Это предписание касается соответственным образом и назначения руководительниц отрядов харцерок.

§ 21.

Отряды харцеров, существующие на территории округа (§ 38), составляют хоругвь харцеров, а отряды харцерок – хоругвь харцерок. Работой хоругви руководит комендант (комендантша) хоругви при помощи комендатуры хоругви. Коменданта назначает из числа харцмистров Начальник харцеров, а комендантшу – Начальница

харцерок из числа харцмистринь. Это происходит после ознакомления с мнением правления округа. Способ выдвижения кандидатов на должность коменданта (комендантши) хоругви определяет внутренний устав.

§ 22.

1) Во главе организации харцеров стоит Начальник харцеров, во главе организации харцерок – Начальница харцеров.

2) Рабочим органом при Начальнике является Главная вартира харцеров с Шефом Главной Квартиры, при Начальнице харцерок – Главная Квартира харцерок.

§ 23.

Организация друзей харцеров охватывает активистов (активисток), которые не несут службу в организации харцеров или организации харцерок, сотрудничающих членов и поддерживающих членов.

§ 24.

1) Организация друзей харцерства делится на кружки друзей харцерства.

2) Кружки друзей харцерства или же сотрудничают с харцерскими организационными подразделениями, или же самостоятельно реализуют цели, указанные в § 4 п. с.

§ 25.

1) Кружки друзей харцерства могут создаваться в любой местности или же охватывать несколько соседних населенных пунктов. Также в одной местности, с согласия правления округа, может быть несколько кружков.

2) Правления кружков, охватывающих своей деятельностью большое количество харцерских подразделений, могут создавать группы друзей отдельных организационных единиц.

3) Кружок должен состоять как минимум из 20 членов из числа активистов или сотрудничающих членов. Правление округа имеет право в исключительных случаях снизить число членов кружка до 10.

§ 26.

Руководством кружка друзей харцерства являются:

a) общее собрание кружка,

b) правление кружка,

c) ревизионная комиссия.

§ 27.

1) Общее собрание членов кружка может быть обычное и чрезвычайное.

2) Обычное общее собрание кружка должно созываться, как минимум раз в год, в январе.

3) Чрезвычайное собрание собирается:

a) по решению правления кружка,

b) по желанию ревизионной комиссии,

c) по желанию 1/3 членов кружка, однако не менее, чем 10 членов, при численности кружка более 150 членов – по желанию 50 членов,

d) по желанию высших Властей Союза.

4) Дата, время, место и порядок дня общего собрания кружка должны быть сообщены как минимум за 8 дней способом, определенным одним из предыдущих общих собраний.

5) Общее собрание правомочно без учета числа прибывших членов кружка. Решения принимаются простым большинством голосов.

§ 28.

Общее собрание кружка:

a) рассматривает и утверждает отчет правления кружка и предложения ревизионной комиссии, утверждает правление,

b) проводит выборы правления и ревизионной комиссии,

c) принимает предложения по программе работы и бюджету на будущий год,

d) рассматривает предложения, сделанные правлением или отдельными членами,

e) может собственным решением распустить кружок.

§ 29.

1) Правление кружка избирается общим собранием сроком на один год и состоит из 4 – 9 членов и 1 – 4 заместителей.

2) Кроме того, в состав правления, согласно принципам установленным во внутреннем уставе, входят опекуны и руководители организационных подразделений, с которыми сотрудничает данный кружок.

3) Правление выбирает из своего состава руководителя, вице-руководителя, секретаря и казначея. Руководитель созывает заседания правления минимум 6 раз в год. Руководитель обязан созвать заседание правления по желанию одного из членов правления или по желанию вышестоящих властей.

§ 30.

1) К компетенции правления кружка относится руководство делами кружка, и в частности:

a) представительство кружка,

b) пропаганда харцерства и объединение членов в союз, с правом их приема и исключения,

c) реализация целей кружка (§ 24),

d) собирание фондов на нужды организационных подразделений Союза, особенно местных дружин и громад, путем членских взносов и проведения доходных представлений,

e) ведение хозяйства в рамках принятого бюджета,

f) составление отчета для правления округа о деятельности кружка,

g) разработка бюджета,

h) созыв собраний кружка и подготовка материалов для их проведения, исполнение решений и инструкций общего собрания и распоряжение высшего руководства.

2) Правление кружка может быть распущено высшим руководством, тогда все его функции перенимает лицо, определенное правлением округа.

§ 31.

Ревизионная комиссия кружка состоит из 3 членов и 1 – 2 заместителей, избранных общим собранием сроком на один год. Она осуществляет контроль над финансами кружка.

§ 32.

Работу кружков друзей харцерства на территории обвода координирует обводовый руководитель кружков друзей, выбираемый ежегодно руководителями всех кружков обвода и утвержденный правлением округа.

§ 33.

Работой кружков друзей на территории округа руководит окружной руководитель кружков друзей, назначенный правлением округа из числа своих членов.

Раздел 4.

Территориальное деление.

§ 34.

Территориально СПХ делится на округа, а округа на обводы, которые охватывают все организационные единицы на данной территории.

§ 35.

Обводы в принципе совпадают с администрационными поветами. Обводы создаются и отменяются Начальством по предложению правления округа.

§ 36.

1) Во главе обвода стоит правление обвода, в состав которого входят: обводовый руководитель кружков друзей, гуфцовый и гуфцовая, а также приглашенные ими лица. Если на территории обвода существует несколько отрядов, то в правление обвода входит

гуфцовый (гуфцовая), назначенный комендантом (комендантшей) хоругви в согласии с правлением округа. Правление обвода имеет право кооптации. Кроме того, в состав правления входит делегат школьного инспектора.

2) Правление избирает из числа своих членов руководителя, секретаря и казначея.

§ 37.

К компетенции правления обвода относится:

a) представительство харцерства перед властями и обществом,

b) координация выступлений харцерства вовне,

c) сбор средств на нужды харцерской работы.

§ 38.

Границы округа должны по мере возможности совпадать с границами воеводства. Округи создает и отменяет Начальство СПХ.

§ 39.

Руководство округа составляют:

a) съезд округа,

b) правление округа,

c) ревизионная комиссия,

d) харцерский суд.

§ 40.

1) В съезде округа принимают участие:

a) гуфцовые,

b) харцмистры и харцмистрини, активисты и активистки, совершеннолетние подхарцмистры и подхарцмистрини, справляющиеся со своими организационными обязанностями,

c) руководители или заместители руководителей старшехарцерских округов, зарегистрированных в Главной Квартире,

d) руководители или заместители руководителей зарегистрированных в правлении округа кружков друзей харцерства,

e) члены правления округа, ревизионной комиссии, харцерского суда, комендант и комендантша хоругви, руководители правлений обводов и обводовые руководители кружков приятелей харцерства.

2) Если количество уполномоченных к участию в съезде округа из групп: a), b), c), d) превышает 300 человек, то они принимают участие в съезде через своих делегатов. Число делегатов из групп a), b), c) не может превышать 60 человек от каждой, а из группы d) – 100 человек. Способ избрания этих делегатов определяет внутренний устав.

3) Принципы квалификации харцмистров и харцмистринь, подхарцмистров и подхарцмистринь, активистов и активисток (ст. (1)

лит. b) и регистрация округов и кружков (ст. (1) лит. c и d) определяет устав Общего Съезда СПХ.

§ 41.

1) Съезд округа:

a) окончательно разрешает дела округа, которые не подлежат введению верховных властей,

b) выбирает правление округа, ревизионную комиссию и харцерский суд,

c) принимает отчеты правления округа, комендантов хоругви и ревизионной комиссии,

d) утверждает правление округа,

e) принимает бюджет,

f) утверждает бюджет при ликвидации округа.

2) Съезд округа является правомочным вне зависимости от количества присутствующих на нем. Решения принимаются простым большинством голосов.

§ 42.

Обычный съезд округа проходит раз в год в первом квартале. Его созывает Правление округа, уведомляя при этом комендатуры хоругви, правления кружков друзей и обводов, ревизионную комиссию и харцерский суд как минимум за месяц до срока с одновременным предоставлением повестки дня.

§ 43.

Чрезвычайный съезд созывает правление округа по собственной инициативе, по желанию ревизионной комиссии или по поручению Начальства СПХ. Чрезвычайный съезд должен быть объявлен на протяжении месяца после поступления пожелания или поручения с соблюдением условий § 42.

§ 44.

1) Правление округа состоит из 9 – 18 лиц, избранных на три года съездом округа из числа совершеннолетних членов Союза. Ежегодно происходит ротация трети членов согласно старшинству избрания; в первые два года это происходит путем жребия. Кроме того, в состав правления входят: комендант и комендантша хоругви и по одному территориальному представителю соответствующих кураторов школьных округов.

2) В случае ухода кого-либо из членов правления, правление пополняется путем кооптации. Новый член исполняет функции до истечения срока полномочий того лица, на место которого он был кооптирован.

3) Правление пользуется правом кооптации сверх числа членов правления. Число кооптированных членов не может превышать 1/3 числа избранных членов. Мандаты этих членов действительны до ближайшего обычного съезда округа.

§ 45.

Правление округа выделяет из своего состава президиум в составе: руководителя, одного или двух вице-руководителей, секретаря, казначея и окружного руководителя кружков друзей харцерства. Кроме того, в состав президиума входят: комендант и комендантша хоругви. Руководитель собирает собрание президиума как минимум раз в месяц, а пленарные заседания три раза в год, кроме того, по желанию 1/3 членов или по поручению Начальства.

§ 46.

1) К компетенции правления округа относится:

a) моральная и материальная помощь организационным подразделениям, пропаганда харцерства,

b) представительство и координация харцерских действий на территории округа,

c) контроль над деятельностью обводов,

d) организация кружков друзей харцерства и определение направлений их деятельности, а также роспуск этих кружков,

e) избрание капеллана округа,

f) контроль над финансами всех харцерских единиц на территории округа за исключением центральных подразделений.

2) Правление округа может доверить контроль над финансами (ст. (1) лит. f) отдельных харцерских подразделений правлениям обводов или кружков друзей.

3) Корреспонденцию правления округа подписывает руководитель и секретарь, чеки – казначей или другой уполномоченный член правления.

§ 47.

Правление имеет права делать замечания коменданту и комендантше хоругви. Спорные вопросы между правлением округа и комендантом (комендантшей) хоругви разрешают Начальство или, по его распоряжению, Начальник (Начальница), при чем во время спора действительным является решение правления округа.

§ 48.

Ревизионная комиссия состоит из 5 членов и 2 заместителей, избранных съездом округа на один год, и осуществляет контроль над финансами правления округа.

§ 49.

Харцерский суд округа состоит из 5 членов и 2 заместителей, избираемых съездом округа на один год. Устройство и способ его деятельности определяет Устав Харцерских Судов.

Раздел 5.

Верховные власти.

§ 50.

Верховными властями СПХ являются:

a) Общий Съезд,

b) Главный Харцерский Совет,

c) Руководитель СПХ,

d) Начальство,

e) Начальник харцеров и Начальница харцерок,

f) Ревизионная Комиссия Союза,

g) Главный Харцерский Суд.

§ 51.

1) В Общем Съезде принимают участие:

a) харцмистры и харцмистрини, спрпавляющиеся со своими организационными обязанностями,

b) гуфцовые,

c) руководители старшехарцерских кружков, зарегистрированных в Главной Квартире и насчитывающих как минимум 15 человек, являющихся харцмистрами (харцмистринями), активистами (активистками) или совершеннолетними подхарцмистрами (подхарцмистринями),

d) руководители кружков друзей, зарегистрированных в правлениях округов и насчитывающих как минимум 20 человек, являющихся харцмистрами (харцмистринями) или активистами (активистками),

e) члены Главного Харцеровского Совета, Начальства, Ревизионной Комиссии Союза, Главного Харцерского Суда, действительные члены главных квартир (§ 22), руководители правлений округов или их заместители, а также окружные руководители кружков друзей харцерства, если они являются активистами (активистками) или Харцмистрами (харцмистринями).

2) Принципы регистрации старшехарцерских кружков в Главных Квартирах (ст. (1) лит. c) и кружков друзей в правлениях округов (ст. (1) лит. d), а также квалификации харцмистров (ст. (1) лит. a) содержатся в уставе Общего Съезда.

3) Число уполномоченных участвовать в Съезде в группах a) – d) не может быть более 100 человек от каждой. В случае превышения этого числа в какой-либо группе, участие в Съезде будут принимать

делегаты этой группы в числе не менее 75, но не более 100. Способ отбора этих делегатов определяет устав Общего Съезда.

4) Число лиц, указанных в ст. (1) лит. е) уполномоченных к участию в Общем Съезде, не может превышать 125; в случае превышения этого числа соответственному ограничению, согласно принципов содержащихся в уставе Общего Съезда, подлегает число действительных членов Главных Квартир.

§ 52.

Общий Съезд:

a) окончательно решает идеологические дела Союза,

b) избирает:

1) членов Главного Харцерского Совета, подлежащих избранию,

2) Ревизионную Комиссию Союза,

3) Главный Харцерский Суд,

c) принимает отчет Начальства, Начальника, Начальницы и Ревизионную Комиссию Союза,

d) утверждает Начальство,

e) принимает решения об изменении устава и ликвидации СПХ.

§ 53.

Обычный Общий Съезд проходит каждые три года в первой половине календарного года. Его созывает Начальство, уведомляя правления округов и делая сообщение в органе Союза как минимум за два месяца до назначенной даты с предоставлением порядка заседаний.

§ 54.

Чрезвычайный Общий Съезд созывает Начальство по собственной инициативе, по желанию Ревизионной Комиссии Союза, Главного Харцерского Совета или 100 харцмистров. Желание о созыве Чрезвычайного Общего Съезда должно быть предоставлено письменно с предоставлением предлагаемого порядка дня. Начальство имеет право дополнить этот порядок. Чрезвычайный Общий Съезд должен быть объявлен на протяжении месяца после поступления заявления с соблюдением условий § 53.

§ 56.

1) Главный Харцерский Совет состоит из:

a) из 24 членов, избираемых Общим Съездом сроком на 6 лет из числа харцмистров, харцмистринь, активистов и активисток.

b) из делегатов окружных правлений (активистов и активисток), харцмистров и харцмистринь, избранных окружными правлениями сроком на 1 год по одному от каждого из окружных правлений,

c) из Главного капеллана, комендантов и комендантш хоругви,

d) из двух представителей Министерства Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения, исполняющих обязанности инспекторов по делам харцерства.

2) Главный Харцерский Совет утверждается после каждого обычного Общего Съезда под руководством руководителя Съезда.

3) Руководитель СПХ является одновременно руководителем Главного Харцерского Совета. Половина избираемых членов Главного Совета меняется каждые три года, первый раз путем жеребьевки, а в дальнейшем согласно времени избрания. В случае отставки кого-либо из членов во время срока полномочий, Главный Совет пополняется путем кооптации. Избранный таким образом член исполняет функции до истечения срока полномочий того лица, на место которого он был кооптирован.

§ 57.

1) Главный Харцерский Совет:

a) решает идейные дела Союза,

b) принимает уставы: Общего Съезда, Главного Харцерского Совета, Ревизионной Комиссии Союза, харцерских судов и положения внутреннего устава,

c) утверждает бюджет Начальства,

d) принимает ежегодные отчеты Начальства,

e) выбирает из своего состава Начальство в составе: Руководителя СПХ, двух Вице-руководителей, Начальника Харцеров, Начальницы Харцерок, Генерального Секретаря, Казначея, Руководителя Отдела окружных правлений и двух членов,

f) избирает Главного Капеллана,

g) принимает решения о продаже недвижимости,

h) рассматривает обращения окружных правлений к Начальству,

i) устанавливает размер членских взносов.

2) Главный Харцерский Совет может избрать Руководителя СПХ не из числа своих членов.

3) Начальником харцеров может быть только харцмистр, Начальницей харцерок – только харцмистриня. Они избираются из лиц, кандидатуры которых согласованы с Министром Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения в согласии с Министром Военных Дел (Директором Государственного Правления физического воспитания и военной подготовки).

§ 58.

Обычные собрания Главного совета проходят как минимум раз в год; их созывает руководитель СПХ или вице-руководитель. Собрание является правомочным при участии как минимум 25 членов Главного

Харцерского Совета. Президиум составляет Начальство. Чрезвычайное собрание Главного Харцерского Совета созывает Начальство по собственной инициативе или по желанию 1/3 членов Совета.

§ 59.

Начальство.

Начальство состоит из 11 лиц, избранных Главным Советом согласно с § 57 ст. (1) п. е) нынешнего устава, а также двух представителей Министерства Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения (§ 56 ст. (1) лит. d).

§ 60.

Начальство:

a) руководит работой Союза,

b) следит за соблюдением устава, решений общих съездов, причем оно имеет право приостановления и отмены решений подчиненных ему организационных властей, если эти решения не соответствуют уставу и решениям общих съездов,

c) издает с соблюдением прав Главного Совета (§ 57) уставы, предписания и распоряжения, касающиеся всего СПХ,

d) готовит бюджет для Главного Совета,

e) предоставляет ежегодные отчеты о деятельности СПХ для Главного совета, а также отчеты за три года для Общего Съезда,

f) следит за финансами Союза,

g) принимает решения о купле и продаже недвижимости, принимает дары и пожертвования, заведует имуществом СПХ,

h) создает и закрывает округа и обводы (§ 35) СПХ и следит за их деятельностью,

i) по предложению Начальника харцеров назначает Шефа Главной Квартиры,

j) использует главную печать Союза (§ 72).

§ 61.

1) Собрания Начальства проходят как минимум раз в месяц. Их созывает Руководитель СПХ или Вице-руководитель.

2) Собрание является правомочным при участии 5 членов, если в их число входит Руководитель или Вице-руководитель. Начальник Харцеров, в случае невозможности присутствовать на собрании, может делегировать в качестве своего заместителя Шефа Главной Квартиры.

§ 62.

1) Начальник харцеров руководит работой организации харцеров. Начальница харцерок – работой организации харцерок.

2) Начальник и Начальница ответственны перед Начальством и Руководителем СПХ.

§ 63.

1) Договора, обязательства и другие юридические акты, кроме чеков, от имени СПХ подписывают два члена Начальства, уполномоченные к этому соответственным решением. Чеки подписывает Казначей Начальства или же другой уполномоченный на это член Начальства.

2) Внешнюю корреспонденцию Начальства подписывает Руководитель или Вице-руководитель и Генеральный Секретарь или Директор Бюро. Внешнюю корреспонденцию в пастырских делах подписывает, кроме вышеуказанных, Главный Капеллан СПХ.

3) Внешнюю корреспонденцию Главной Квартиры харцеров подписывает Начальник Харцеров или, с его разрешения, Шеф Главной Квартиры, а внешнюю корреспонденцию Главной Квартиры харцерок – подписывает Начальница. Способ подписи внутренней корреспонденции определяет внутренний устав.

§ 65.

1) Предписания, обязательные для всего СПХ, входят в действие на основе публикации их в органе Союза за подписью Руководителя или Вице-руководителя и Генерального Секретаря.

2) Предписания и распоряжения по делам организации харцеров подписывает Начальник харцеров, по делам организации харцерок – Начальница; другие распоряжения – лица, уполномоченные для принятия соответствующих решений.

§ 66.

1) Ревизионная Комиссия Союза состоит из 5 членов и 2 заместителей, избираемых Общим Съездом на три года по мере возможности из числа харцмистров, харцмистринь, активистов и активисток.

2) Ревизионная Комиссия осуществляет контроль над финансами Союза, которые должны вестись согласно с действующими предписаниями и принятыми обычаями, как минимум раз в год проверяет кассовые книги Начальства и Главных Квартир и составляет на Общем Съезде отчет с предложениями для Начальства и ежегодные отчеты для Главного Харцерского Совета.

§ 67.

1) Главный Харцерский Суд является высшей судебной властью СПХ и состоит из 7 членов и 2 заместителей, избираемых Общим Съездом на три года из числа харцмистров, харцмистринь, активистов и активисток. Устройство Главного Харцерского Суда, его

компетенция и порядок деятельности определяет Устав Харцерских Судов.

2) Все Харцерские Суды независимы при вынесении приговоров.

Раздел 6.

Фонды и хозяйство.

§ 68.

Отчетным годом СПХ является календарный год.

§ 69.

Фонды СПХ составляются из:

a) членских взносов,

b) доходов от предприятий и издательской деятельности,

c) доходов от имущества Союза,

d) правительственной и общественной помощи,

e) пожертвований, даров и т.п.

§ 70.

Способ ведения финансового хозяйства СПХ определяют внутренние предписания на основе положений нынешнего устава.

Раздел 7.

Названия, форма, знаки отличия, знамена, печати.

§ 71.

Члены СПХ имеют право носить форму и знаки отличия, предусмотренные внутренними предписаниями.

§ 72.

Союз имеет право иметь знамена. Начальство и уполномоченные им органы имеют право использовать печать с харцерским крестом. Надпись на главной печати Союза: «Начальство Союза Польского Харцерства». Надписи на печатях органов, уполномоченных Начальством, определяют внутренние предписания.

Раздел 8.

Изменения устава и роспуск СПХ.

§ 73.

1) Решения в деле изменения устава принимаются большинством в 2/3 присутствующих на Общем Съезде, а решения о роспуске Союза большинством в 3/4 присутствующих.

2) Эти решения правомочны при условии присутствия как минимум половины лиц, имеющих право участвовать в Общем Съезде.

Раздел 9.

Обязанности СПХ по отношению к государственным властям.

§ 74.

1) Дл осуществления постоянного контроля над хозяйственной и программной деятельностью СПХ Министр Внутренних Дел в согласии с Министрами: Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения и Военных дел назначает специального делегата.

2) Делегат принимает участие в Общих Съездах, в заседания Главного Харцерского совета, а также в заседаниях исполнительных органов и имеет право участвовать во всех акциях СПХ.

3) Делегат располагает правом вето. В случае его использования окончательно вопрос решается надзирающими властями.

4) Отдельно права делегата отражены в специальной инструкции, изданной Министром Внутренних Дел в согласии с Министром Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения и Министром Военных Дел.

§ 75.

1) В области воспитания СПХ обязан придерживаться распоряжений Министра Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения, а в области физического воспитания и военной подготовки – распоряжений Министра Военных Дел.

2) Начальство Союза Польского Харцерства обязано сообщать Министерству Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения проекты предписаний, которые вводятся в Союзе, а также воспитательные программы перед их оглашением с целью согласования их с намерениями этого Министерства. Если Министерство Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения не сделает замечаний на протяжении месяца, проекты входят в действие.

3) Начальство предоставляет Министерствам (§ 74) ежегодные отчеты о деятельности СПХ.

4) Организационные подразделения, объединяющие школьную молодежь, подлежат надзору со стороны школьных властей на основе отдельных инструкций, изданных Министерством Религиозных Вероисповеданий и Общественного Просвещения.

Раздел 10.
Переходные и заключительные предписания.

§ 76.

1) Власти объединения, существующие на момент выхода данного устава, осуществляют свои функции и полномочия до того времени, как, в соответствии с предписаниями данного устава, пройдут выборы новых властей.

2) На протяжении года со дня провозглашения нынешнего устава пройдет Общий Съезд СПХ, на котором будут избраны новые власти Союза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

1. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 2, д. 2402.
2. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 347.
3. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 483.
4. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 516.
5. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 714.
6. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 2603.
7. ГАБО. Ф. 1. Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 204.
8. ГАБО. Ф. 59 оц. Попечительство Брестского школьного округа, оп. 2 оц, д. 1052.
9. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 21.
10. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 35.
11. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 50.
12. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 99.
13. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 193.
14. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 197.
15. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 697.
16. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 705.
17. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 970.
18. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1052.
19. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1059.
20. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1094.
21. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1667.
22. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1668.
23. ГАБО. Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9, оп. 2, д. 1669.
24. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 114.
25. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 116.
26. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 218.
27. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 227.
28. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 229.
29. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 258.
30. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 261.
31. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 299.
32. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 305.
33. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 307.
34. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 374.
35. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 428.
36. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 429.
37. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 430.
38. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 435.
39. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 445.
40. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 446.
41. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 449.
42. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 452.
43. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 455.

44. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 465.
45. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 470.
46. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 475.
47. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 483.
48. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 484.
49. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 502.
50. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 503.
51. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 509.
52. НАРБ. Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ, оп. 1, д. 572.
53. Акцыя Каталіцкая // Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. – Мінск, 1996. – С. 222.
54. Анісаў, С. Крутымі шляхамі. Запіскі камсамольскага работніка-падпольшчыка / С. Анісаў. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1960. – 186 с.
55. Багдановіч, Я. На жыццёвым шляху: Успаміны / Я. Багдановіч. – Мінск.: Мастацкая літаратура, 1992. – 144 с.
56. Бадюкова, Т. А. Декларация прав молодого поколения Польши / Т.А. Бадюкова // Вопросы истории. Выпуск 10. – Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1983. – С. 168 – 172.
57. Беларускі Інстытут Гаспадаркі і Культуры // Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. – Мінск, 1996. – Т. 2. – С. 444.
58. В авангарде революционной борьбы: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 50-летию КПЗБ и КСМЗБ 29 ноября 1973 г. – Минск: Беларусь, 1974. – 143 с.
59. Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920 – 1939 гг.): Сб. воспоминаний / Под ред. И. Каросаса, Б. Клейна, Р. Малюкявичюса, А. Олькина, Р. Шармайтиса. – Вильнюс: „Vaga", 1966. – 397 с.
60. Герасімчык, М. "Стралец" – вораг рабочай і сялянскай моладзі / М. Герасімчык. – Вільня, 1934. – 46 с.
61. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 1997 г.: вучэбны дапаможнік / пад. рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 464 с.
62. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: дапаможнік / У.Р. Казлякоў, С.В. Марозава [і інш.] ; пад. рэд. Л.В. Лойкі. – Мінск: ТАА "ЦІПР", 2003. – 348 с.
63. Григулевич, И.Р. Папство. Век XX / И.Р. Григулевич. – Москва: Политиздат, 1981. – 532 с.
64. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон. – Москва: Феникс, 2000. – 672 с.
65. Иоффе, Э.Г. Деятельность организации «Хашомер Хацаир» в Беларуси (1924 – 1926) и создание кибуца в Палестине / Э.Г. Иоффе // Форум. – 1996. - № 4. – С. 41 – 45.
66. Камуністычная партыя Заходняй Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 66 – 69.

67. Камуністычны саюз моладзі Заходняй Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 76 – 78.
68. Ковальский, Н.А. Международные католические организации / Н.А. Ковальский. – Москва: Издательсво ИМО, 1962 г. – 112 с.
69. Кривуть, В.И. Молодёжные организации на территории Западной Беларуси (1929 – 1939 гг.) / В.И. Кривуть. – Минск: Белорусская наука, 2008. – 166 с.
70. Кулко млодзёжі вейскей // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 297.
71. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 110 с.
72. Ладысеў, У. Насуперак волі народа. З гісторыі палітычнага банкруцтва беларускіх нацыяналістычных партый і арганізацый у Заходняй Беларусі (1934 – 1939) / У. Ладысеў. – Мінск: Бібліятэка газеты «Голас Радзімы», 1976. – 78 с.
73. Лакер, В. История сионизма / В. Лакер. – Москва: Крон-пресс, 2000. – 846 с.
74. Летапіс Беларускага Студэнцкага Саюзу пры Ўнівэрсытэце Сцяпана Батуры ў Вільні // Студэнцкая Думка. – 1935. – № 1. – С. 24 – 31.
75. Малецкі, Я. Праўда пераможа / Я. Малецкі // Шлях моладзі. – 1934. – № 7 – 8. – С. 10 – 11.
76. Мараш, Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918 – 1939) / Я.Н. Мараш. – Минск: Беларусь, 1983. – 96 с.
77. Молодёжь в борьбе за единый фронт. Материалы VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Молодёжи. – Москва, 1938. – 168 с.
78. Найдзюк, Я. У 12-я ўгодкі Абвяшчэння Незалежнай Беларусі (25.III.1918 – 25.III.1930) / Я. Найдзюк // Шлях моладзі. – 1930. – № 3. – С. 1 – 2.
79. Найдзюк, Я. Будзем жыць (з прычыны 15-тых угодкаў абвяшчэння Незалежнасці Беларусі) / Я. Найдзюк // Шлях моладзі. – 1933. – № 3. – С. 1 – 2.
80. Найдзюк, Я. Ці змянілася што? / Я. Найдзюк // Шлях моладзі. – 1935. – № 6. – С. 7 – 8.
81. Найдзюк, Я. Ці можна аб'ядноўвацца і супрацоўнічаць з камуністамі / Я. Найдзюк // Шлях моладзі. – 1935. – № 11. – С. 2 – 3.
82. Найдзюк, Я. Беларусь учора і сяньня / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.
83. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа / М. Семаковіч [і інш.]; пад рэд. М. Семаковіча. –Варшава: Demart Sp. z o.o., 2006. – 312 с.
84. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / редкол.: Е.М. Примаков (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Международные отношения, 1996 - 2000. – Т.3: 1933 – 1941 гг. / А.И. Байдаков [и др.]. – 1997. – 494 с.

85. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / редкол.: Е.М. Примаков (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Международные отношения, 1996 - 2000. – Т.4: 1941 – 1945 гг. / А.И. Байдаков [и др.]. – 1999. – 694 с.
86. Пецюкевіч, М. У пошуках зачараваных скарбаў / М. Пецюкевіч. – Вільня, 1998. – 182 с.
87. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / С. Скульский [и др.]; под ред. С. Скульского. – Минск: Издательство АН БССР, 1935. – 335 с.
88. Польша. Часть 1. Северо-восточный участок. – Москва: Воениздат, 1936. – 224 с.
89. Пяць гадоў працы "Шляху моладзі" (16.II.1929 – 16.II.1934) // Шлях моладзі. – 1934. – № 2. – С. 4 – 9.
90. Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1927 – 1939). Документы и материалы: Сб. / Сост. М.А.Бобер, Е.И. Купревич, Т.Д. Либеровская, А.Н. Плешевня, Н.А. Таболина, Л.Н. Яшенко; под. ред. В.Н. Жигалова, Н.С. Арехво. – Минск: Издательство БГУ, 1978. – 327 с.
91. "Стшэлец" // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 6, ч. 1. – С. 437.
92. У суровыя гады падполля: Зб. Успамінаў / Склад. М.С. Арэхва, А.Т. Нятылькін, П.С. Пышкін; пад. рэд. М.М. Мяшкова. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1958. – 361 с.
93. Цыпрыяновіч, С. Беларуская друкарня імя Францішка Скарыны ў Вільні (1926 – 1940) / С. Цыпрыяновіч. – Лёндан: Выдавецтва "Божым шляхам", 1991. – 32 с.
94. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795 – 2002) / З. Шыбека. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.
95. Ad redakcyi // Novaja Varta. – 1934. – № 3. – S. 1 – 3.
96. Adamczyk, T. Nowe zarządzenie w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do obrony kraju / T. Adamczyk // Oświata i wychowanie. – 1937. – № 9-10. – S. 796 – 805.
97. Ajnenkiel, A. Administracja w Polsce. Zarys historyczny / A. Ajnenkiel. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1977. – 214 s.
98. Ajnenkiel, A. Konctytucje Polski w rozwoju dziejowym. 1791 – 1997 / A. Ajnenkiel. – Warszawa: RYTM, 2001. – 416 s.
99. Akcja Katolicka // Encyklopedia katolicka. – Lublin, 1995. – T. 1. – S. 227 – 233.
100. Araszkiewicz, F. Szkoła średnia ogólno-kształcącą w Polsce 1918 – 1939 / F. Araszkiewicz. – Wrocław: Ossolineum, 1972. – 220 s.
101. Bagdanovič, H. Naš sport / H. Bagdanovič // Novaja Varta. – 1932. – № 2. – S. 19 – 22.
102. Bartnicka, K. Wychowanie państwowe (do dyskusji nad problemami ideologii wychowawczej sanacji) / K. Bartnicka // Rozprawy z dziejów oświaty. – 1972. – t. XVI. – S. 61–131.

103. Bełcikowska, A. Stronnictwa i Związki polityczne w Polsce / A. Bełcikowska. – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1925. – 1086 s.

104. Bornholtz, T. Przygotowanie do obrony kraju w programach przedmietów humanistycznych szkoły ogólnokształcącej / T. Bornholtz // Oświata i wychowanie. – 1937. – №9-10. – S. 806 – 813.

105. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewodskiego Zwiajzku Młodziezy Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 23 s.

106. Chałasiński, J. Młode pokolenie chłopów: u 3 t. / J. Chałasiński. – Warszawa: Panstwowy instytut kultury wsi, 1938. – T. 2. – 554 s.

107. Czerwiński, S. O ideał wychowawczy szkoły polskiej / S. Czerwiński // Oświata i wychowanie. – 1929. – № 4. – S. 341–358.

108. Czerwiński, S. Stworzenie polskiego systemu wychowania obywatelsko-państwowego to najważniejsze zagadnienie wychowawcze w dzisiejszej Polsce / S. Czerwiński // O nowy ideał wychowawczy szkoły polskiej / S. Czerwiński. – Warszawa, 1934. – S. 67–72.

109. Czerwiński, S. Przemówienie na posiedzeniu Sejmu w dn. 10 lutego 1931 r. // O nowy ideał wychowawczy szkoły polskiej / S. Czerwiński. – Warszawa, 1934. – S. 73–85.

110. Dąbrowski, P. Wskazania wychowawcze Marszałka J. Piłsudskiego / P. Dąbrowski // Zrąb. – 1935. – T. 23. – S. 11–39.

111. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 22 września 1936 r. o służbie pracy młodzieży // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1936. – № 72. – S. 1173 – 1174.

112. Drozdowski, M. Bezrobocie w Polsce w latach 1925 – 1936 / M. Drozdowski // Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914 – 1939. – 1961. – T. IV. – S. 211 – 238.

113. F.Z., Junackie hufce pracy / F.Z. // Wiarus. – 1937. – № 16. – S. 378 – 379.

114. Gałecki, W. Wychowanie państwowe / W.Gałecki // Oświata i wychowanie. – 1931.– № 7 – S. 611– 637.

115. Gomołka, K. Białoruskie partie i organizacje propząndowe w II Rzeczypospolitej / K. Gomołka // Białoruskkie Zeszyty Historyczne. – 1999. – № 7. – S. 63 – 74.

116. Gorska, G. Dzieje wilenskiej lewicy. Od „Żagarow" do „Poprostu"/ G. Gorska // Kwartalnik historii prasy polskiej. – 1978. – № 3. – S. 45 – 61.

117. Grochowski, L. Doktryna wychowawcza katolicyzmu w Polsce międzywojennej / L. Grochowski // Rozprawy z dziejów oświaty. – 1984. – t. XXV. – S. 173 – 206.

118. Filipajtis, E. Lewica Akademicka w Wilnie / E. Filipajtis. – Białystok: Towarzystwo Naukowe, 1965. – 71 s.

119. Hillebrandt, B. Ruch młodzieżowy w Polsce. Zarys historii postępowego nurtu / B. Hillebrandt. – Warszawa: MAW, 1982. – S. 424.

120. Hillebrandt, B. Polskie organizacje młodzieżowe XIX i XX wieku: zarys historii / B. Hillebrandt. – Warszawa: MAW, 1986. – S. 479.

121. J.K., Co to jest P.R.? / J.K. // Żołnierz Polski. – 1936. – № 26. – S. 544.

122. Jabłonowski, M. Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935 – 1939 / M. Jabłonowski. – Warszawa: ASPRA-JR, 2001. – S. 476.
123. Jamrożek, W. Edukacja a ruch młodochłopski Drugiej Rzeczypospolitej / W. Jamrożek. – Acta universitatis Lodziensis. Folia paedagogika et psychologica. – 1992. – T. 29. – S. 147–162.
124. Jędrzejewicz, J. Wychowanie Państwowe / J. Jędrzejewicz // Zrąb. – 1930. – T. 1. – S. 311–320.
125. Kaszuba, E. Sistem propagandy państwowej II Rzeczypospolitej (1926 – 1939) / E. Kaszyba // Dzieje Najnowsze. – 2003. – № 3. – S. 3 – 26.
126. Katolickie stowarzyszenia // Encyklopedia katolicka. – Lublin, 2000. – T. 8. – S. 1093 – 1118.
127. Kęsik, J. Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918 – 1939 / J. Kęsik. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
128. Kiliński, W. Wpływ Państwa na organizację i rozwój wychowania fizycznego i przysposobienia wojskowego / W. Kiliński // Zrąb. – 1931. – T. 6-7. – S. 117 – 128.
129. Klonowski, R. Towarzystwo Uniwersytety Robotniczego / R. Klonowski. – Warszawa: Ossolineum, 1980. – 232 s.
130. Kłoczowski, J. Zarys dziejow kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, L. Müllerowa, J. Skrabek; pod red. J. Kłoczowskiego. – Kraków: Księgarnia Sw. Jacka, 1986. – 468 s.
131. Kołakowski, P. NKWD i GRU na ziemiach polskich 1939 – 1945 / P. Kołakowski. – Warszawa: Dom wydawniczy Bellona, 2002. – 388 s.
132. Kołodziejczyk, A. Ruch ludowy a Kośiół rzymskokatolicki w latach II Rzeczypospolitej / A. Kołodziejczyk. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 2002. – 516 s.
133. Korsch, R. Żydowskie ugrupowania wywrotowe w Polsce / R. Korsch. – Warszawa: Drukarnia P.K.O., 1925. – 216 s.
134. Krakus: podręcznik dla instruktorów i członków konnego przysposobienia wojskowego / W. Dunin-Zuchowski [i in.]; pod red. ppłk. dypl. W. Dunin-Zuchowskiego. – Warszawa: Glowna Księgarnia Wojskowa, 1938. – 514 s.
135. Kronika // Zrąb. – 1933. – T. 16. – S.167 – 170.
136. Kulesza, W. Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926 – 1935 / W. Kulesza. – Wrocław: Ossolineum, 1985. – 311 s.
137. Landau, Z. Polska w Europie i świecie 1918 – 1939 / Z. Landau, J.Tomaszewski. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1984. – 316 s.
138. Lossowski, P., Społeczeństwo polskie a wojsko w okresie I wojny światowej i II Rzeczypospolitej / P. Lossowski // Dzieje Najnowsze. – 1983. – № 3. – S. 57 – 71.
139. Ludowe szkoły rolnicze // Dziennik Urzędowy kuratorjoum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1933. – № 11. – S. 540 – 542.
140. Ławnik, J. Represje policyjne wobec ruchu komunistycznego w Polsce 1918 – 1939 / J. Ławnik // Z pola walki. – 1978. – № 3. – S. 25 – 56.

141. Łopuski, J. Organizacja Pracy Obywatelskiej Młodzieży Straż Przednia / J. Łopuski // Dziennik Urzędowy kuratorjoum okręgu szkolnego Brzeskiego. – 1933. – № 7. – S. 408 – 412.
142. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. / S. Mackiewicz. – Warszawa: Głos, 1990. – 327 s.
143. Mauersberg, S. Szkolnictwo powszehne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918-1939 / S. Mauersberg. – Wrocław: Ossolineum, 1968. – S. 230.
144. Mendelsohn, E. Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym / E. Mendelsohn. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PAN, 1992. – 356 s.
145. Mironowicz, E. Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937 – 1939 / E. Mironowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. – № 25. – S. 102 – 115.
146. Misiuk, A. Policja państwowa 1919 – 1939. Powstanie, organizacja, kierunki dziełania / A. Misiuk. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PAN, 1996. – 372 s.
147. Miśkiewicz, A. Mniejszość tatarska w Polsce w latach 1918 – 1939 / A. Miśkiewicz // Przegląd Historyczny. – 1986. – № 2. – S. 241 – 267.
148. Młodzież sięga po pracę. Załacznik, tablice / Kom. red.: H. Kołodziejski, K. Korniłowicz, L. Landau, E. Strzelecki. – Warszawa, 1938. – 88 s.
149. Mysłek, W. Kościół katolicki w Polsce w latach 1918 – 1939 (zarys historyczny) / W. Mysłek. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. – 670 s.
150. Najnowsze dzieje żydów w Polsce (w zarysie do 1950 roku) / J. Adelson [i in.]; pod redakcją J. Tomaszewskiego. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PAN, 1993. – 500 s.
151. Nechay, W. Problem wychowania państwowego / W. Nechay // Droga. – 1931. – № 4. – S. 346 – 357.
152. Nowicki, T. Wiejski Uniwersytet społeczny w Prudziszczu / T. Nowicki // Wiejskie Uniwersytety Ludowe w Polsce. – Warszawa, 1938. – S. 161 – 167.
153. Odziemkowski, J. Wieś i armia w II Rzeczypospolitej / J. Odziemkowski. – Wrocław: Ossolineum, 1988. – 134 s.
154. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 11 kwietnia 1932 r. do Dyrekcyj szkół średnich ogólnokształcących, zawodowych i seminarjów nauczycielskich w Okręgu w sprawie organizacyj uczniowskich // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1932. – № 5. – S. 146 – 147.
155. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 17 czerwca 1932 r. do Dyrekcyj szkół średnich ogólnokształcących, zawodowych i seminarjów nauczycielskich w sprawie organizacyj pracy obywatelskiej młodzieży p.n. „Straż Przednia" // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1932. – № 7 – 8. – S. 248.
156. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 17 grudnia 1932 r. do Panów Inspektorów Szkolnych i Kierowników Szkól Powszechnych w Okręgu

w sprawie skierowywania młodzieży do szkół rolniczych // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1933. – № 1. – S. 5.

157. Osiński, Z. Janusz Jędrzejewicz o wychowaniu / Z. Osiński // Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sektio F. Historia. – Lublin, 2002. – Vol. LVII. – S. 249–268.

158. Paszkowski, A. Prasa polska w latach 1918 – 1939 / A. Paszkowski. – Warszawa: PWN, 1980. – 534 s.

159. Pater, D. Żydowski Akademicki Ruch Korporacyjny w Polsce w latach 1898 – 1939 / D. Pater // Dzieje Najnowsze. – 2002. – № 3. – S. 3 – 20.

160. Pilch, A. Studencki ruch polityczny w Polsce 1932 – 1939 / A. Pilch. – Warszawa: PWN, 1972. – 179 s.

161. Pilch, A. Prasa studencka w Polsce 1918 – 1939 / A. Pilch. – Kraków: PWN, 1990. – 170 s.

162. Powstanie, rozwój i stan obecny Harcerstwa Polskiego // Dziennik Urzędowy kuratorjoum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1932. – № 4. – S. 131 – 135.

163. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. – Brześć nad Bugiem, 1937. – 45 s.

164. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa, 1934. – 292 s.

165. Rećko, J. Wychowanie dzieci i młodzieży w polityce rządów obozu Jozefa Piłsudskiego / J. Rećko // Marszałek Jozef Piłsudski. Wodz–polityk–wychowawca. Praca zbierowa pod red. dr. W. Ząbka. – Warszawa, 2000. – S. 85–93.

166. Rocznik uniwersytety Stefana Batorego w Wilnie 1937 – 1938. – Wilno, 1938. – 62 s.

167. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych w porozumieniu z Ministrem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministrem Spraw Wewnętrznych z dnia 21 marca 1927 r. co do wykonania § 3 Rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Panstwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 6. – S. 164 – 166.

168. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych z dnia 29 czerwca 1935 r. w sprawie ulg w wykonywaniu obowiązku służby wojskowej dla członków organizacji przysposobienia wojskowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1935. – № 54. – S. 912 – 917.

169. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych w sprawie Organizacji Przysposobienia Wojskowego w Szkolach Średnich i Zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 2 – 5.

170. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w sprawie przysposobienia wojskowego młodyieży szkolnej // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 5 – 7.
171. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 30 kwietnia 1933 r. o stowarzyszeniach akademickich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1933. – № 4. – S. 156 – 163.
172. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 14 października 1937 r. o stowarzyszeniach akademickich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1937. – № 14. – S. 485 – 489.
173. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Panstwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 3. – S. 82 – 85.
174. Sedlaczek, S. IX zjazd walny Związeku Harcerstwa Polskiego / S. Sedlaczek // Oświata i wychowanie. – 1930. – № 1. – S. 87 – 90.
175. Sedlaczek, S. Związek Harcerstwa Polskiego (1. I. 1929 – 1. IX. 1930) / S. Sedlaczek // Oświata i wychowanie. – 1931. – № 2. – S. 172 – 177.
176. Selimowski, T. Polskie legalne storonnictwa polityczne. Zarys popularny / T. Selimowski. – Warszawa, 1934. – 115 s.
177. Składanowski, H. Stosunki polsko-sowieckie w programach nauczenia i podręcznikach historii w szkole powszechnej (podstawowej) w Polsce w latach 1932 – 1956 / H. Składanowski. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 180 s.
178. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918 – 1970 / Cz. Kozlowski [i in.]; pod red. Cz. Kozlowskiego. – Warszawa: Iskry, 1971. – 191 s.
179. Smołalski, A. Ideały wychowawcze w polskiej myśli pedagogicznej od XVI w. do końca II Rzeczypospolitej / A. Smołalski. – Opole, 1994. – 88 s.
180. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1929. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 62 s.
181. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1930. – Brześć nad Bugiem, 1931. – 22 s.
182. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931 – 1932. – Brześć nad Bugiem, 1933. – 16 s.
183. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1933 – 1934. – Brześć nad Bugiem, 1935. – 16 s.
184. Starzyński, R. Przysposobienie wojskowe narodu pod bronią / R. Starzyński. // Bellona. – 1927. – T. XXV – S. 42–59.
185. Statut Organizacji Pracy Obywatelskiej Młodzieży „Straż Przednia”. – Warszawa, 1932. – 20 s.

186. Statut Związku Harcerstwa Polskiego // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1936. – № 8–9. – S. 181 – 192.
187. Stawecki, P. Niekotore aspekty udzialu wojska w życiu politycznym w Polsce w latach 1935 - 1939 / P. Stawecki // Dzieje Najnowsze. – 1969. – № 1. – S. 63 – 71.
188. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa: RYTM, 2003. – 420 s.
189. Szkoła Junaka. Podręcznik instruktora Przysposobienia Wojskowego. Służba. – Warzawa: Głowna Księgarnia Wojskowa, 1935. – 470 s.
190. Świackiewicz, A. Przysposobienie Rolnicze na Wileńszczyznie w 1937 roku / A. Świackiewicz // Tygodnik Rolniczy. – 1938. – № 1 – 2. – S. 5 – 8.
191. Świackiewicz, A. 10-lecie przysposobienie rolniczego na Wileńszczyznie / A. Świackiewicz // Tygodnik Rolniczy. – 1938. – № 39 – 40. – S. 463 – 464.
192. Świackiewicz, A. 10-lecie przysposobienie rolniczego na Wileńszczyznie / A. Świackiewicz // Tygodnik Rolniczy. – 1938. – № 41 – 42. – S. 489 – 493.
193. Terej, J. Organizacje i środowiska młodzieży związanej z głownymi ugrupowaniami obozu narodowego w latach 1939-1945/ J. Terej // Dzieje Najnowsze. – 1969. – № 4. – S. 25 – 45.
194. Tomaszewski, J. Białoruska Chreścijańska Demokracja. Uwagi o kryteriach ocen / J. Tomaszewski // Studia polsko-litewsko-białoruskie. Prace Białostockiego towarystwa Naukowego. – 1988. – № 31. – S. 157 – 178.
195. Toruńczyk, R. Komunistyczny Związek Młodzieży Polski a VI Światowy Kongres Komunistycznej Międzynarodowki Młodzieży / R. Toruńczyk // Z pola walki. – 1965. – № 3. – S. 47 – 66.
196. Traczuk, J. Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej (1919 – 1939) / J. Traczyk // Studia polono-slawica-orientalia. Acta litteraria. – 1992. – Rocznik XIII. – S. 185 – 343.
197. Truszkowski, S. Z dziejów organizacji formacji obrony narodowej w siłach zbrojnych II Rzeczypospolitej / S. Truszkowski // Wojskowy Przegląd Historyczny. – 1970. – № 1. – S. 278 – 312.
198. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkolach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 7 – 9.
199. Ustawa z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych szkółach rolniczych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1920. – № 20. – S. 237 – 240.
200. Ustawa z dnia 13 lipca 1920 r. o szkółach akademickich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1920. – № 20. – S. 260 – 279.
201. Ustawa z dnia 18 marca 1933 r. o państwowych stypendiach oraz innych formach pomocy dla młodzieży szkół wyższych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1933. – № 4. – S. 152 – 154.
202. Wapiński, R. Miejsce narodowej demokracji w życiu politycznym II Rzeczypospolitej / R. Wapiński // Dzieje Najnowsze. – 1969. – № 1. – S. 47 – 62.

203. Wieczorek, T. Historia szkolnictwa rolniczego w Polsce / T. Wieczorek. – Warszawa: Skrypty szkoły głownej gospodarstwa wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawe, 1980. – 288 s.

204. Wychowankowie szkół rolniczych o swojej pracy, życiu i dążeniach w okręgu szkolnym Wileńskim / S. Łukaszewicz [i in.]; red. S. Łukaszewicz. – Warszawa, 1937. – 122 s.

205. Wypych, J. Przed „Wiciami". Ruch młodzieży wiejskiej do 1928 roku / J. Wypych // Przed „Wiciami" i po „Wiciach". Zarys dziejow ruchu młodowiejskiego. Praca zbierowa pod red. K. Przybysza. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986. – 294 s.

206. Z życia organizacji // Zrąb. – 1934. – T. 18. – S.109 – 116.

207. Zamborski, R. Polska delegacja na VI Światowym Kongresie KMM / R. Zamborski // Z pola walki. – 1958. – № 4. – S. 202 – 217.

208. Zarys dziejow wojskowości polskiej w latach 1864 – 1939 / P. Stawecki [i in.]; red. naukowy P. Stawecki. – Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 960 s.

209. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych z dnia 4 lutego 1931 r. w sprawie organizacji przysposobienia wojskowego w szkołach średnich ogólnokształcących, seminarjach nauczycielskich i szkołach zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 3. – S. 86 – 91.

210. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministra Spraw Wojskowych z dnia 10 września 1937 r. w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do oborony kraju // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1937. – № 12. – S. 439 – 441.

211. Zdrojewski, E. Zagadnienie wychowanie państwowego młodzieży niepolskiej. / E. Zdrojewski // Zrąb. – 1933. – T. 15. – S. 41-54.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Источники и литература по теме исследования

Глава 2. Основные направления правительственной молодёжной политики 2 РП (1926 – 1939 гг.)

2.1. Концепция «государственного воспитания» подрастающего поколения

2.2. Государственные мероприятия в области военной подготовки молодого поколения

2.3. Политика государства в сфере трудовой занятости молодежи

Глава 3. Молодёжная политика на территории Западной Беларуси (1926 – 1939 гг.)

3.1. Основные проправительственные молодёжные союзы и объединения: идеология и структура

3.2. Создание проправительственных объединений молодёжи на территории Западной Беларуси

3.3. Реализация «санационной» молодёжной политики на территории Западной Беларуси

3.4. Студенчество Виленского университета и «санация»

Глава 4. Взаимоотношения властей и проправительсвенных союзов с другими молодёжными организациями

4.1. Борьба за молодое поколение с левыми и демократическими организациями молодёжи

4.2. Власти и национальное молодёжное движение

4.3. Католическая церковь, клерикальные молодёжные союзы и правительственная молодёжная политика

Заключение

Приложения

Источники и литература